Линс до Регу

УГАСШИЙ ОГОНЬ

Угасший огонь

Линс до Рего

Аннотация
Линс до Рего. УГАСШИЙ ОГОНЬ. Роман
ПРЕДИСЛОВИЕ
Часть первая. МАСТЕР ЖОЗЕ АМАРО
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
Часть вторая. ЭНЖЕНЬО СЕНЬОРА ЛУЛЫ
I
II
III
IV
V
VI
Часть третья. КАПИТАН ВИТОРИНО
I
II

III
IV
V
VI
VII

Аннотация

Аннотация отсутствует

Зарубежный
роман
XX
ВЕКА

Линс до Рего
УГАСШИЙ ОГОНЬ
Роман

Линс до Рего

УГАСШИЙ ОГОНЬ

Роман

Перевод с португальского
Ю. КАЛУГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Северо-Востоке Бразилии в долине реки Параибы тянутся на многие сотни километров плантации сахарного тростника. Когда-то, в первые века португальской колонизации, сюда ввозили из Африки черных рабов, чьим трудом создано было богатство «сахарной аристократии». Многие десятилетия после отмены рабства (1888) сохранялись здесь и почти рабская зависимость негров-батраков, и особый жизненный уклад, присущий патриархальному рабовладельческому хозяйству. Даже став юридически свободными, негры боялись уходить с плантаций, на которых трудились их отцы и деды, от сеньора, в котором они привыкли видеть всесильного властелина.

На одной из самых больших плантаций Параибы, в богатой и влиятельной семье, родился в 1901 году будущий писатель Жозе Линс до Рего. Рано осиротевший мальчик был воспитан дедом. И в «Угасшем огне», и в нескольких других романах Линса до Рего появляется фигура деда. Это полковник Жозе Паулино, плантатор старой

закалки. Круто распоряжается он жизнью батраков и слуг, да и всю округу с чиновниками, полицейскими, торговцами, ремесленниками считает своим имением. Но зато он рачительный хозяин, целый день проводящий вместе с батраками в поле под палящим солнцем. Он блюдет по-своему справедливость, зная, что если негр работает — он должен быть сыт и здоров. На его плантации берегутся обычаи патриархальной старины: старшие мастера обедают за одним столом с хозяином, в господской кухне с утра топится большая печь, и каждая негритянка может зайти, чтобы получить свою миску фасоли и потолковать с сеньорой хозяйкой об оборотне, якобы появившемся в деревне. Дети и внуки сеньора играют с негритянскими ребятишками и слушают рассказы старых негров о временах рабства и о разбойниках-кангасейро, наказывающих алчных и жестоких сеньоров и помогающих обиженным беднякам. Так жили на старой плантации в начале нашего века, когда подрастал Жозе Линс до Рего.

Но постепенно мир вокруг юноши начал меняться. В 20-е годы весь сахарный район переживал глубокий кризис. Раньше каждый плантатор держал собственное «энженьо» — маломощную

дедовскую установку для варки сахара. Бразильский сахар стоил очень дорого и постепенно стал терять мировой рынок. Тогда предприимчивые капиталисты попытались модернизировать производство сахара. Строятся большие сахароваренные фабрики, владельцы маленьких энженьо быстро разоряются, и фабриканты скупают за бесценок опустевшие плантации. Один за другим угасают огни старых энженьо, а вместе с этими огнями умирают обычаи, традиции, легенды. Отношения между фабрикантами и рабочими уже никак не напоминают патриархальную простоту господского дома Жозе Паулино. Как всегда и всюду, капитализм уничтожает естественность и коллективность народного быта, слитность человека и природы, всякую местную «особость» нравов.

В это время Жозе Линс до Рего уже учится на медицинском факультете в городе Ресифе. (Став врачом, Линс не оставлял впоследствии медицинскую практику даже в пору блестящего писательского успеха.) Ресифский университет, один из старейших в Бразилии, славился гуманитарным образованием. Отсюда вышли известные бразильские философы, историки, фольклористы. В 80—90-х годах прошлого века появился даже

термин «ресифская школа» — так назвали группу мыслителей и литературоведов, выступивших с критикой религиозно-догматического мышления и способствовавших утверждению реализма в бразильской литературе. В 20-е годы, когда Линс до Рего жил в Ресифе, там складывалось новое идеологическое движение, захватившее историческую науку, социологию, этнографию. Оно называлось регионализмом, поскольку требовало изучения социальных и культурных проблем каждого района страны. Регионалисты не только публиковали труды по истории бразильского общества, негритянским религиям и фольклору, но и старались практически помочь спасению народной культуры Северо-Востока. Они привлекали писателей, художников, артистов к участию в своих конгрессах и изданиях, к собиранию и пропаганде фольклора. Как идеологическая программа регионализм был узок и ограничен: интересуясь прежде всего исторической спецификой национальной жизни, он не поставил важнейших проблем современной Бразилии — проблем, связанных с феодальной собственностью на землю и господством иностранного империализма. Но тогдашней литературе регионализм сообщил особый интерес к изучению

реальности и ее точному и неприкрашенному изображению. Регионализм поддерживал у писателей вкус к социологии, к анализу конкретной общественной структуры — и вместе с тем ощущение необыкновенной поэтичности народного быта, идущее от основательного знания фольклора. Вся оригинальность бразильского романа 30—40-х годов, высоко оцененная мировым читателем (а советский читатель может присоединиться к этой оценке, ибо на русский язык уже переведены книги Жоржи Амаду и Грасилиано Рамоса), заключена, по существу, в этом неожиданном соединении жесткого и объективного социального анализа и мечтательной поэтичности, реалистической сухости и романтической напевности.

Конечно, своеобразный облик целой литературной эпохи не мог быть только результатом влияния одной научной школы. Он рожден прежде всего движением истории, новым национальным самосознанием, настоятельно требовавшим от искусства и познания и выражения, — познания исторического пути нации, выражения ее духовных потенций. Регионализм помогал художникам, предоставляя им возможности практического осуществления творческих

задач, поставленных временем. Регионализм указывал на действительно необыкновенное многообразие социальных и бытовых укладов разных областей страны и на то, что невозможно понять и определить путь нации в целом, не изучив и не поняв конкретные обстоятельства, в которых находятся жители разных областей, и те отличные друг от друга психологические стереотипы, которые сложились под давлением этих обстоятельств. Почти вся бразильская литература 30—40-х годов региональна. Писатель отталкивается от природы и быта своего родного края, от специфических социальных и психологических конфликтов, увиденных им среди земляков, чтобы — в меру своего таланта и глубины мышления — представить читателю свой анализ и свой прогноз национальной судьбы. И для науки и для искусства в Бразилии регионализм был неизбежным и оправданным этапом. Ряд исторических факторов: неравномерность развития отдельных областей, расовая неоднородность населения, уродливая монокультурность, закрепляющая архаичный социальный уклад, позднее и недостаточное развитие внутренних связей — все это создало резкие различия в «человеческом климате» бразильских штатов. К общенациональному

от областного, хорошо изученного — таков был путь бразильского романа и — шире — бразильской мысли в период между двумя мировыми войнами.

Жозе Линс до Рего как писатель формировался в непрерывном и тесном интеллектуальном общении с регионалистами — социологами и историками. Он был другом и сподвижником главы регионализма Жилберто Фрейре. Первое произведение Линса — пять романов, объединенных в «Цикл сахарного тростника» (1932–1936), — и фундаментальное исследование Фрейре «Северо-Восток. Аспекты влияния сахарного тростника на жизнь и пейзаж Северо-Востока Бразилии» были задуманы и выполнены как два подхода с разных сторон к решению одной и той же задачи — осмыслению исторических судеб сахарного района. Только Фрейре пользуется научным анализом, а Линс до Рего — непосредственным наблюдением, детскими и юношескими воспоминаниями (Фрейре ссылался впоследствии на романы Линса как на лучшее подтверждение своих тезисов). Романы Линса автобиографичны. В первых частях цикла описан быт старого энженьо, выведен могучий старик Жозе Паулино, воплощающий былое величие сахарной аристо-

кратии, и появляются многочисленные жалкие фигуры, воплощающие ее сегодняшний упадок. Уже в этих книгах возникает образ «угасшего огня», потухшего, бездействующего энженьо. Дело в том, что, хотя герою цикла Карлосу де Мело переданы многие факты личной биографии Линса, произведение не стало «романом воспитания» или «романом становления». Настоящим героем является не Карлос, но сахар, сахарная плантация. Судьбы людей, их отношения, их характеры вторичны, обусловлены тем, кто и как производит сахар на плантации Санта-Роза. Гибель патриархального хозяйства, капитализация параибской долины, разорение плантаторов и обогащение фабрик, духовное оскудение старых хозяев и приход новых, еще более алчных и бездушных, — исторический процесс, показанный с непривычной для бразильской литературы тщательностью экономических деталей, стоит за образом «угасшего огня». Симпатии писателя на стороне прошлого — деда Жозе Паулино. Линс помнит, что и во времена деда батракам хватало горя и нищеты. Но зато жизнь на старой плантации не была лишена человеческого начала, напрочь уничтожаемого механизированным порядком на процветающей фабрике. В труде и

отдыхе, в отношениях человека к природе и коллективу еще сохранялась красота и обрядовость, запечатленные в фольклоре (поэтому, например, описания праздников в деревне или разлива реки Параибы принадлежат к лучшим страницам бразильской прозы). Торжество капитализма оценивалось Линсом как катастрофа, неизбежная, но губительная для народа и народного сознания.

В ходе работы над циклом Линс понял, что историческое движение рассматривалось им односторонне и механистично. Народ был не только пассивной и безмолвной жертвой необратимого социального процесса. Народ действовал, об этом кричали события 1933–1935 годов. Мировой кризис, потрясший всю отсталую, полуколониальную экономику страны, невероятно ухудшил и без того тяжкую жизнь бразильских трудящихся. Стачки, демонстрации, вооруженные столкновения забастовщиков с полицией указывали на приближение революционного взрыва. Бразильская литература шла рядом с бастующими, не ожидая, пока дистанция времени позволит объективно оценить происходящее. В романах бразильских писателей этих лет не только обжигающая актуальность, но и напряженная уверенность в скорых переменах,

в недалекости революционного переустройства («Пот» и «Жубиаба» Ж. Амаду, «Семья Корумбас» А. Фонтеса, «Тоска» Г. Рамоса, «Каменистая дорога» Р. де Кейроз).

На самом деле история страны двигалась более кружным и каменистым путем. В 1935 году была создана широкая организация (типа Народного фронта) — Национально-освободительный альянс, впервые выдвинувший программу антифеодальной, антиимпериалистической революции. Однако альянс не был готов к массовым действиям, и правительству удалось подавить отдельные и разобщенные выступления его сторонников. Начались репрессии, открытый антикоммунистический террор. Вскоре в Бразилии власть перешла в руки буржуазной диктатуры, уничтожившей конституцию и всякие демократические свободы.

В последних двух частях «Цикла сахарного тростника» — «Негре Рикардо» и «Сахарной фабрике» — Линс до Рего попытался увидеть, что может принести плантации Санта-Роза революционная ситуация в стране. Вчерашние батраки становятся рабочими, стачечниками, повстанцами. Новое, капиталистическое угнетение не только страшит людей, но и вызывает отчаян-

ный, хотя и обреченный пока на поражение отпор. Писатель рассказывает об этом сбивчиво, торопливо, прибегая то к газетному репортажу, то к абстрактной символике. Будущее еще неясно, оно кажется чреватым бедствиями и кровавыми жертвами, но все же оно властно вторгается в художественный мир Линса, дотоле ностальгически обращенный к прошлому. И здесь писатель преодолевает ограниченность регионалистской социологии, на принципах которой строился замысел цикла. Если реализм первых романов Линса до Рего основывался на наблюдении, скрупулезной фиксации внешнего хода социального процесса, то отныне писатель будет искать иные, доступные только искусству, синтетические средства постижения истории. Способ прямого социологического наблюдения оказался недостаточным, за быстрой сменой политических событий чувствовались более скрытые, глубоко залегающие закономерности. Линс до Рего остается верен многим принципам регионализма: и в дальнейшем он ограничивает поле своего писательского зрения хорошо знакомыми ему местами, тщательно воссоздает областной бытовой уклад, щедро вводит фольклорные легенды и песни. Но в его видении человеческих характеров

и их столкновении появляется такая общенациональная и историческая широта, какой вовсе не могло быть в пору раннего его творчества, когда люди и их судьбы представлялись лишь знаками социального уравнения.

После переворота 1937 года Линс до Рего, как и все бразильские писатели, испытал и угрозу репрессий, и страх за участь своих книг. «Мои книги посылали с письмами к главе государства, в которых меня обвиняли в том, что я хочу уничтожить родину, подорвать Бразилию… В Баие зажигали костры, чтобы жечь книги, так же, как это делали в Берлине», — вспоминал он впоследствии. Годы террора изменили мироощущение писателя — появился горький скепсис в оценке возможностей социального прогресса в стране. С тех пор и до конца своих дней (он умер в 1957 г.) Линс до Рего оставался лишь недоверчивым наблюдателем схваток демократии и реакции. Однако его глубокое и искреннее народолюбие, его неприятие капиталистического общества не были поколеблены — и об этом лучше всего говорят его книги.

Последние двадцать лет творческой жизни Линса до Рего были нелегки. Удачи сменялись неудачами, значительные и серьезные романы

перемежались слабыми, мелодраматическими историями болезненных страстей. Но судить художника должно по его свершениям, и поэтому мы в первую очередь обращаемся к «Угасшему огню» (1943), самому цельному художественно и зрелому по мысли произведению Линса до Рего[1]. Именно в этом романе яснее и полнее всего сказались новые качества писательского метода Линса, зрелость его реализма.

Линс до Рего — писатель одной темы, одного жизненного материала. Воспоминания детства были для него неиссякаемым источником, питающим воображение. И в романах «Цикла сахарного тростника», и в «Угасшем огне», и в изданной накануне смерти книге мемуаров «Мои зеленые годы» описываются одни и те же места, события, появляются одни и те же персонажи: плантаторы Жозе Паулино, Лула де Оланда, Жука, их жены, батраки-негры, разбойники-кангасейро. Тем более важно, как это рассказывается. Каждый раз, возвращаясь в хранилище своей памяти, автор как бы пересматривает одну и ту же картину, но с разных точек обзора, с разной степенью приближения. Меняется интонация,

[1] Примечания: 1

На русский язык переведен также последний значительный роман Линса до Рего «Кангасейро» (ИЛ, М. 1960).

композиция, пластическая фактура его рассказа. А в зависимости от этих перемен проступает и новый, глубинный смысл историй, виденных и слышанных в далеком детстве (действие «Угасшего огня» происходит в конце 10-х — начале 20-х годов).

В одной из своих статей Линс до Рего приводит свой ответ журналисту, интервьюировавшему его: «Журналист начал было говорить об иностранных влияниях, об учителях, сформировавших мое сознание, а я ему говорил о слепых певцах на ярмарках в Параибе и Пернамбуко. Я ему сказал, что когда я воображаю свои будущие романы, то стараюсь это делать так, как будто все, о чем я хочу рассказать, вот сейчас всплывает в моей памяти. Так просто и бесхитростно говорят слепые певцы. Вообще бразильскому роману незачем искать что-либо у Джойса. Ярмарочные слепцы послужат ему гораздо лучше, как когда-то послужили Рабле бродячие менестрели Франции». Это признание поможет нам понять и почувствовать обаяние непривычного для нас стиля «Угасшего огня». Многочисленные повторы делают роман чуть монотонным, простота языка кажется иногда скудной — но в этой медлительности и в этой простоте и вправду

слышны отголоски длинной народной баллады или легенды, неторопливо рассказанной неграмотным деревенским историком. Фольклорность метода Линса не только в песенках, которые поет Пассариньо, но и в самой манере повествования.

Три части романа довольно резко разнятся друг от друга. Первая часть как бы протокольна — вместе с шорником Жозе Амаро мы видим и слышим все, что происходит на проезжей дороге. Вторая часть — сжато рассказанная история плантации Санта-Фе, история вырождения и гибели целой семьи. В третьей части — снова большая дорога. Но теперь события движутся быстрее, нам придется побывать не только в шорной мастерской, но и в суде, и в префектуре провинциального городка, и в городской тюрьме. Названия частей романа подскажут нам разгадку его композиции. «Мастер Жозе Амаро», «Энженьо сеньора Лулы», «Капитан Виторино», — три эти героя действуют на протяжении всего романа, но каждому из них посвящена одна из частей, отражающая особенности его характера, его образа жизни. Шорник Амаро сгорбился на своем рабочем табурете, он почти не выходит из мастерской, — понять его мы сможем, только послушав его споры с заказчиками и прохожими, проникнув в его сбивчивый

и угрюмый разговор с самим собой. Вторая часть вся повернута в прошлое, ибо у полковника Лулы де Оланда нет настоящего, он не живет, а прозябает, погруженный в сожаления о неудавшейся жизни. Да и престиж его создан не им самим, а унаследованной им плантацией, именем его тестя. Сам он со всей своей барственностью — только рудиментарный придаток к достоянию, собранному другими (в отличие от двух других частей, эта и называется не именем героя — а «Энженьо сеньора Лулы»). Наконец, энергичная третья часть — портрет во весь рост капитана Виторино, этого нового странствующего рыцаря, поспевающего на своей старой и дряхлой кобыле всюду, где возникает какая-нибудь заваруха.

Итак, роман построен вокруг трех людей, трех характеров. Психологизм Линса до Рего несколько отличен от того, к которому мы привыкли на опыте современной западной литературы. Характеры его героев выпуклы, но не многогранны. Персонажи романа однотонны, но эта единственная краска запоминается нам благодаря какому-то особому, неожиданному оттенку. Ведь все трое — чудаки, странные, непонятные окружающим люди. Жозе Амаро необъяснимо для односельчан замкнут, угрюм, мизантропи-

чен. Лула так же непонятно равнодушен к земле и урожаю, претендует на какую-то невиданную в этих местах роскошь, внезапно и бессмысленно жесток. Капитан Виторино удивляет и раздражает донкихотством.

Но чудачества героев Линса — не эксцентриада, а проявление — только концентрированное, «остраненное» — жизненной закономерности. Причуды Лулы — это крайняя степень измельчания аристократии, ее неспособности применяться к новому времени. Еще хозяйничает в округе Жозе Паулино. Но обреченность самого этого типа хозяйства воплощена в фигуре Лулы, в ломке его кабриолета, в медленно угасающем огне на заброшенной им плантации. Пугающая соседей угрюмость Зе Амаро постепенно раскрывается как следствие вековой трагедии бразильского крестьянина, замученного нищетой и унижениями. Страдание порождает темную стихию ненависти и жажды мести — в этом смысл жуткого пути Амаро к самоубийству. Амаро надеялся, что кто-то другой, мститель-кангасейро, восстановит за него справедливость, сам же он жил только бессильной ненавистью, которая в конце концов разъедает человеческую душу.

Так через острую характерность персонажа

возникает образ целого жизненного уклада. В романах «Цикла сахарного тростника» время мчалось, люди менялись, стремглав пробегали свой путь от богатства к разорению, от безмятежности к отчаянию. Теперь время как будто отвердело, оно обращает к нам не сиюминутные, изменчивые свои черты, а то, что запечатлевается в людских характерах, что надолго остается и трудно избывается страной и людьми. Не конкретность социального процесса таких-то и таких-то лет является предметом художественного анализа в «Угасшем огне», но национальная специфика бразильской деревни, болезненность и катастрофичность всего общественного строя. От злободневности к обобщению — таков путь Линса до Рего, если сравнивать «Угасший огонь» с однотемными ранними романами.

Выше уже было сказано, что в «Цикле сахарного тростника» появились символические образы грядущего возмездия угнетателям и богачам. В «Угасшем огне» кангасейро нападают на плантацию самого жестокого сеньора, тем самым как будто осуществляя народную расплату. Однако на деле все обстоит гораздо сложнее. Ведь разгром, учиненный Антонио Силвино и его парнями, совсем не похож на чаемое возмездие. Даже не

месть Луле за издевательства над батраками, а спрятанные деньги — вот что привлекает кангасейро. Разломанное пианино, страх доброй доны Амелии, рана, нанесенная Виторино, — во всем проявляется бессмысленная, разрушительная, ничем не оправданная жестокость. Кангасейро уходят, не изменив участи бедняков. Они вовсе не вестники будущего, а несчастное порождение прошлого, дети голода, невежества и угнетения. Смысл кангасейризма как явления исторического понят Линсом верно — на Северо-Востоке Бразилии кангасейро превратились в бандитов, держащих в страхе целый край и не восстанавливающих социальную справедливость, а часто используемых самими плантаторами в борьбе за землю и власть. Но, конечно, образ Антонио Силвино в романе многозначительнее, нежели портрет деревенского разбойника. Ведь в этот образ включается и легенда о смелом мстителе, и одержимая вера Жозе Амаро в его приход. И здесь писатель, сохраняя верность фактам, стремится к обобщению, к художественной формуле противоречивости стихийного народного возмездия. Выхода из этой противоречивости, преодоления ее писатель не видит. Жозе Амаро убивает себя — легенда о кангасейро разрушена, а других надежд

на возмездие нет. Меняются хозяева на плантациях, гаснут огни, но ничто не меняется для бедных и угнетенных. Недаром один из проницательных бразильских критиков назвал «Угасший огонь» романом «бразильской грусти», «эпопеей грусти земли и народа».

И все же не так уж беспросветно мрачен мир Линса до Рего. Светит в нем другой огонь, который не угаснет на ветру истории. Мы еще ничего не сказали о третьем герое романа — капитане Виторино по прозвищу «Кусай Хвост». А ведь это самое необычное лицо, не часто в книгах встретишь такой тип, ни на кого не похожий и неизвестно каким образом сохранивший в наш разумный век свою непрактичную оригинальность. Виторино всю жизнь пребывает, по существу, в одной и той же ситуации — в перебранке со всеми, от богатейшего сеньора до уличного мальчишки. И вначале нас, как и его земляков, раздражает эта неуживчивость, заносчивость, детская тщеславность (чего стоит отстаивание смехотворного титула «капитан» или гордость белым цветом кожи!). Но потом мы увидим, как Виторино бросается наперерез и кангасейро и солдатам. Сегодня он может защищать того, кого вчера поносил, но всегда при этом

он последователен и верен себе — он защищает слабейшего. Его обругали и выгнали из усадьбы Лулы, куда он ворвался, требуя, чтобы Лула не отбирал дом у Жозе Амаро. А через день он так же ворвется в дом Лулы, где бесчинствуют кангасейро, но теперь он будет заступаться за самого Лулу и получит в ответ удар прикладом по голове. А на следующий день он уже мчится в город, чтобы вызволять из тюрьмы бедняков, арестованных за пособничество кангасейро, — и на этот раз его изобьют до полусмерти. Его тащат в камеру, а он осыпает полицейских уже привычными проклятиями и угрозами, и все смеются над ним, когда он пишет гневную петицию президенту республики, требуя гарантировать любому бедняку гражданские права… Но мы-то уже не смеемся, а восхищаемся наивной бравадой старого деревенского донкихота. Ведь он и вправду никого не боится. Что же такое Виторино, одинокий чудак или, может быть, воплощение анархического произвола былых времен, когда в бразильских чащах гремели выстрелы, а за землю и сахар боролись не деньгами и интригами на выборах, но кинжалом и пулей? Нет, вряд ли писатель так любил бы своего героя и требовал бы от нас любви и сочувствия к нему. Пылкое великодушие,

жажда справедливости, смелость в сочетании с экспансивностью, горячностью, бравадой — это черты, присущие не индивидуальному, но национальному темпераменту. Сплав мужественности и чуть смешной детскости — есть в этом что-то исконно бразильское.

Приближается конец книги. Уже умер Жозе Амаро и погас огонь в Санта-Фе. Едут по дороге, мирно беседуя, Виторино и негр Пассариньо… Душевность и доброта этого вечно пьяного, бесприютного бродяги — тоже негаснущий огонь. Он не расстается с песней, вместе с ним входит в горькую жизнь крестьян поэзия, выношенная поколениями их дедов, таких же горемык. Пассариньо помнит и старинные португальские романсы, и простенькие песенки негров-рабов, режущих сахарный тростник. В его памяти, в его потребности в песне как бы воссоединяется прошлое и настоящее бразильского народа, утверждается непрерывность его духовной жизни.

Белый и негр, об руку едущие по старой дороге, Виторино и Пассариньо, несут к финалу романа живой и светлый огонь.

Схватить и сформулировать своеобразие писательского метода всегда легче при помощи сопоставления — поэтому мы и возвращаемся то

и дело к ранним романам Линса, созданным на том же жизненном материале. Тогда автор пытался уловить биение живого социального процесса — теперь экономические и социальные закономерности ушли в подпочву, застыли в судьбах людей и их характерах. Вместо быстрой смены картин, сюжетной динамики — медлительность, ровность повествующего голоса. Но зато вместо фрагментарности — скульптурная завершенность, вместо плоских, едва обозначенных фигур — объемные, крупные, запоминающиеся характеры. Пройдя через трудные годы разочарований и отступлений, Линс до Рего остановился там, где он чувствовал силу и органичность своего художественного видения. Теперь он не старается немедленно увидеть реальные пути переустройства жизни. Тяжелый опыт 30-х годов, крушение надежд на быстрый и радикальный переворот подсказали писателю новую тему, новый ход мысли. Прошлое, которое так хорошо, по воспоминаниям, семейным легендам, рассказам крестьян, знал Линс, теряет обаяние доброго и спокойного мира, уничтожаемого прогрессом. Оно становится мрачной и зловещей силой. И Амаро, и Лула, и сам Антонио Силвино — жертвы этого неизбывного, оплетшего всю бразильскую

жизнь старья — рабства, отсталости, нищеты, жестокости.

По глубине критического анализа общественной структуры, по мастерству создания характеров, в которых воплощены особенности жизненного уклада, «Угасший огонь» близок к классическим произведениями мирового критического реализма. Само противопоставление внутреннего богатства человека социальному аду, в котором тот живет, — ярчайшая черта критического реализма. Как писатель Линс до Рего был неразрывно связан с исконными, традиционными формами жизни своего народа, с фольклором. Поэтому общий для критического реализма идеал выступает в его книгах в особом обличье. Национальный характер бразильского народа — все благородное, доброе, поэтическое, что объединяет бразильцев, белых и негров, — вот что становится для писателя светильником в темноте, когда гаснут одни и медлят вспыхнуть другие огни. И в этом Линс до Рего един с крупнейшими бразильскими романистами XX века. И Жоржи Амаду, и Грасилиано Рамос, и многие другие, чьи имена пока еще не известны советскому читателю, видят залог будущего своей страны в духовном потенциале народа — в его жизне-

любии, щедрости, артистизме. Этим питается реализм современной бразильской литературы, высоким образцом которого стал роман Жозе Линса до Рего «Угасший огонь».

И. Тертерян

Часть первая

МАСТЕР ЖОЗЕ АМАРО

Часть первая
МАСТЕР ЖОЗЕ АМАРО

I

— Добрый день, мастер, — поздоровался маляр Лаурентино с болезненным на вид стариком, у которого были желтые глаза и заросшее бородой лицо.

— Куда это вы собрались, сеу[2] Лаурентино?

— Да вот иду в Санта-Розу. Полковник[3] хочет,

---

[2] Примечания: 2

Сеу — сокращенная форма от «сеньор». Употребляется главным образом в простонародье. *(Все примечания переводчика.)*. По техническим причинам разрядка заменена болдом (*Прим. верстальщика*)

[3] Примечания: 3

Полковник — почетное звание, присваивавшееся в свое время в Латинской Америке крупным помещикам. Никакого отношения к армии они не имели.

чтобы я покрасил каза-гранде[4]. Он выдает дочку замуж.

Мастер Жозе Амаро, много лет работавший шорником, сидел под навесом возле дома. Прохладный майский ветерок шевелил листья питомбейры, под тенистой кроной которой примостилась его глинобитная хижина с грязной крышей. Жена и дочь были дома. Чувствовался запах еды, кипевшей в кастрюле на очаге. На сковороде шипело сало; помещение было наполнено чадом.

— Значит, будете работать на старого Жозе Паулино? Что ж, он человек неплохой, только вот что я вам скажу: мои руки никогда не трудились на него. Он хоть и богат, но мне его богатства не надо. Я ему не слуга. Как-то раз он накричал на меня, но меня криком не возьмешь.

— Что верно, то верно, покричать он любит, и все же он человек добрый.

— Очень может быть. Но мне его добротой брюхо не набить. Я работаю на того, кто меня уважает. Я себе цену знаю. А этих хозяев энженьо[5]

---

[4] Примечания: 4

Каза-гранде — дом помещика.

[5] Примечания: 5

Энженьо — усадьба с плантацией сахарного тростника и небольшой сахароварней.

я вижу насквозь. Вот хоть, к примеру, сеу Алваро до Аурора — скряга, каких свет не видывал. Его сразу не раскусишь. И все же мне нравится этот человек. Он никогда ни на кого не орет, всегда спокоен и обходителен. А денег он не платит, потому что жадность его одолела. Он из-за этого и не помогает никому.

— У вас много работы, мастер Зе?[6]

— Откуда ей теперь взяться, работе? Всего несколько заказов. Проезжий погонщик из Гуриньема просил меня сделать седло и несколько сбруй. У меня скоро всякая охота к ремеслу пропадет. Ушли те времена, когда седло приятно было делать. Нынче все норовят купить готовое. А ведь какую продают дрянь! Я говорю не для того, чтобы похвастаться. Но я никогда не променяю ни одно из своих изделий на те богатые седла, которые продают в магазинах. Представляете, сеу Аугусто из Ойтейро купил как-то в городе английское седло — этакую штуковину со всякими украшениями. Так оно уже побывало у меня в починке. Прямо потеха! Когда посыльный из Ойтейро привез мне седло, я ему прямо сказал: «А почему бы сеу Аугусто не починить эту дрянь

---

[6] Примечания: 6

Зе, а также Зека — уменьшительные имена от Жозе.

там, где он ее купил?» Он ведь за седло заплатил немалые деньги. Если бы я запросил столько, сколько с него содрали в городе, меня бы обозвали мошенником. Но старый мастер Жозе Амаро работает на совесть и никогда никого не обжуливает. Однако им больше не нужна моя работа. Что ж, тем хуже для них. Здесь, в своей мастерской, я делаю только то, что хочу.

— Это верно, мастер Зе. Я как-то слышал на ярмарке в Пиларе, как один важный человек из Итабайаны хвалил вашу работу.

Из дома крикнули:

— Отец, завтрак на столе.

— Сейчас иду, не ори, — откликнулся старик. — Я не глухой. Сеу Лаурентино, может, позавтракаете с нами запросто, без церемоний?..

— Большое спасибо, мастер Зе, но мне уже пора.

— Оставайтесь. У нас, правда, не бог весть что, но хватит на всех. — И он крикнул жене: — Синья, у нас гость к завтраку.

В доме разговаривали. Мастер продолжал:

— Я уже стар, и у меня нет сына, которого бы я мог обучить своему ремеслу. Мне наплевать, что ко мне больше не обращаются. Тем хуже для них. Мастер Жозе Амаро никогда не плясал под

чужую дудку.

Внутри дома запах сырой кожи перебивал запахи еды. Отовсюду свисали старые сбруи, порванные седла, на полу валялись свернутые куски кожи. Вошла женщина, лет ей можно было дать больше, чем мастеру.

— Добрый день, сеу Лаурентино. Вы уж нас не обессудьте. У Зеки всегда причуды! Ведь завтрак у нас такой убогий.

— Ничего, ничего, дона Синья, я потому и остался, что не люблю церемоний. Разве бедняку до этого…

Мастер Жозе Амаро, волоча кривую ногу, подошел к столу. Это был грубо сколоченный сосновый стол. Они поели фасоли с солониной и жареным салом. В углу, уставившись в пол, молча сидела его дочь Марта. Вид у нее был испуганный. Говорил один мастер:

— Я бедный человек, сеу Лаурентино, но я не позорю бедняков. Вот жена может подтвердить. Сколько раз ко мне обращались богатые, именитые люди, приглашали меня на всякую работу! Но мне, кроме моего ремесла, ничего не надо. Мне бы только вдыхать запах кожи; я родился для этой работы, на ней и умру. Вот моя дочь. Нельзя сказать, чтобы она была уродлива…

— Зе, ты что, спятил?.. Оставь девочку в покое.

— А что я такого сказал? Есть у меня дочь, и я никому ее не навязываю.

Марта низко опустила голову. Ей было лет тридцать, смуглая, бледная, с зачесанными назад волосами. Мастер Жозе, глядя на нее в упор, продолжал:

— Она не вышла замуж потому, что уж больно разборчива. Характером она в мать…

— Перестань, Зека! Хватит болтать глупости.

— Я глупостей не говорю, жена. Не хочешь меня слушать — уходи. Я говорю правду. Только и слышишь от тебя грубости. — Мастер Жозе Амаро повысил голос: — Здесь, в доме, хозяин — я. Кто дубасит кожу с утра до вечера, кто весь пожелтел от испарений, от разделки сыромятной кожи? Здесь я говорю то, что хочу, сеу Лаурентино. Здесь не дом размазни Виторино Кусай Хвост. В этом доме — настоящий мужчина.

Женщины встали из-за стола. Вслед за ними вышел из комнаты мастер. От кустика жасмина, выросшего на карнизе крыши, исходил одуряющий аромат. Тень питомбейры выросла.

Мастер Жозе Амаро посмотрел на дорогу, в изумрудно-зеленую даль.

— Вот что я вам скажу, сеу Лаурентино. Вы

живете в поселке и хорошо зарабатываете своим ремеслом. Мне не повезло, потому что я живу у дороги. Правда, владелец энженьо никогда не притеснял меня, и я чувствую себя хозяином в этом доме. Однако никто не ценит ремесленника у дороги. Если бы я жил в Итабайане, я бы давно разбогател. Но я не жалуюсь. Никто мной не помыкает. И живу я здесь уже больше тридцати лет. С тех пор, как приехал с отцом; его изгнали из Гойаны. Он там провинился, я слышал, хотя сам он никогда мне об этом не рассказывал. Убил кого-то, и его судили. Отец мой был настоящий мастер своего дела. Видели бы вы, как он обрабатывал кожу! Одно его седло сеньор из Гойаны самому императору подарил. Но все полетело к черту! Он вынужден был приехать сюда и тянуть лямку впроголодь. Что ж поделаешь, такова жизнь, сеу Лаурентино. Но мастер Жозе Амаро не такой человек, чтобы жаловаться. Это я просто так говорю. Я все сношу безропотно.

— Мастер Зе, извините, мне пора.

— Погодите, дружище, пока солнце не перестанет так палить.

По дороге ехал человек с возом муки. Лошадь поднимала пыль.

— Это Шико Кабеса. Хороший человек. В свое

время у него водились деньжата. Но с тех пор как умерла дочь от оспы, он совсем опустился. Кинка Наполеон присвоил себе его участок в Риашане, и бедняга теперь зарабатывает на жизнь, став возчиком. Это его совсем доконало. Если бы Кинка Наполеон нарвался на меня, то не ходил бы гоголем. Я бы всадил ему нож в брюхо. Ей-ей, всадил бы! Вот так-то оно и получается, сеу Лаурентино, — человек имеет свою землю, поливает ее своим потом, любит ее, а потом является хапуга, вроде Кинки Наполеона, и отнимает ее. Я бы пустил в ход нож. Теперь вы понимаете, почему я предпочитаю ничего не иметь.

В доме кто-то запел псалмы заунывным голосом. Мастер Зе Амаро замолчал, прислушиваясь.

— Перестань, дочка! Слышишь! Не хватает еще в моем доме церковных песнопений!

— Оставь, Зека, девочку в покое. Занимайся своим делом.

— Только и умеет огрызаться, старая кляча. — И крикнул еще громче: — Перестань, слышишь! Не хочу, чтобы в моем доме гнусавили молитвы! Здесь хозяин — я!

Наступила мертвая тишина. Только едва слышный приглушенный плач доносился из глубины дома.

— И так целый день. С утра до вечера только и слышишь рев да грубости. Сеньор Лаурентино, а у вас есть дочь? Вот оно вам — это удовольствие. И сказать ничего нельзя — сразу же мать за нее вступится.

Старый Жозе Амаро сел на свою табуретку и замолчал. Перед ним на земле лежали рабочие инструменты. Он взял кусок кожи и принялся его разглаживать, сгибая и разгибая своими толстыми пальцами. Птицы заливались на все голоса. Желтые глаза старика наполнились слезами.

Он взял молоток и с яростью стал колотить по мокрой коже. Стук этот вспугнул голубок, которые сидели неподалеку от навеса. По дороге тащился обоз со спиртом. Старший возчик, парень с плутоватой физиономией, остановился потолковать.

— Храни вас господь, мастер Жозе Амаро. Мы направляемся в сертан[7]. И вот ведь беда, — как назло, лопнула подпруга у одной из моих лошадей. Не можете ли вы мне помочь?

Мастер Жозе Амаро пристально всматривался в человека, как бы силясь узнать его. Затем сказал:

— Вы, случайно, не Алипио из Инга?

---

[7] Примечания: 7

Сертан — засушливые районы Бразилии, **Сертанежо** — житель сертана.

— Он самый, мастер Жозе Амаро. Вы ведь знаете, что тогда со мной произошло. Мне пришлось уехать с семьей. Счастье ещё, что, благодаря господу богу и капитану Кинкину, я остался на воле.

Мастер Жозе Амаро взял лопнувшую подпругу и починил ее. Алипио полез за деньгами, чтобы расплатиться.

— Нет, нет, сеньор Алипио. Мне ничего не надо.

Когда обоз скрылся за поворотом, мастер сказал:

— Лихой парень этот Алипио. Представьте себе, еще совсем парнишкой он так разошелся на ярмарке в Инга, что с ним приключилась беда. Нравятся мне такие люди! А дело было так. Он приехал с отцом продавать кукурузу. И вот капрал из отряда полиции решил свести со стариком старые счеты. Тут и случилось это несчастье. Алипио выхватил нож и разбушевался на всю ярмарку. Капралу он выпустил кишки, да и солдату, который по дурости вмешался в драку, не суждено было остаться в живых, чтобы рассказать потом, как все произошло. Алипио судили. Но ему повезло; случись это здесь, в Санта-Фе, он сгнил бы в тюрьме. Что и говорить…

Лаурентино стал прощаться:

— Мне пора, мастер Зе. Спасибо вам, но солнце уже начинает садиться.

— Неужели, дружище, вы уже уходите? Заходите к нам почаще. Наш дом всегда для вас открыт. Синья, сеу Лаурентино уходит!

В дверях появилась старуха.

— Извините за все, сеу Лаурентино, Зека стал невозможен. Доброго вам пути!

Стук молотка заглушал все дневные звуки — пение птиц, шелест ветвей, раскачивавшихся на ветру, далекое мычание коровы.

Лаурентино ушел. А мастер, понурив голову, продолжал свою работу. Снова услышав плач дочери, он застучал по коже с еще большим ожесточением. Теперь этот Лаурентино станет всем рассказывать о его доме. О том, что дочь у него плакса, а Синья распускает язык. Он хотел распоряжаться здесь всем, как распоряжался кожей, которую обрабатывал, хотел, чтобы все были ему послушны, как эта кожа. Дочь продолжала плакать, как маленькая девочка. Что с ней, с этой тридцатилетней дурой? Отчего она ревет, хоть ее никто пальцем не трогает? Ах, если бы у него был сын, парень вроде этого Алипио — храбрый, отчаянный, сильный! Если бы у него был сын, тот

бы не причинял ему столько неприятностей, как эта девка! Чего она ревет? Всю жизнь она плачет, хотя ее никто никогда не бил. Стоит сказать слово, сделать замечание — и она тут же в слезы. К мастеру подошел козел. Он был совсем ручной. Мастер встал и высыпал на землю кукурузу. Затем снова сел на табуретку и взялся за дело. На дороге послышался скрип. Медленно двигалась запряженная быками повозка с шерстью. Возчик остановился поговорить с мастером. Ему нужна была сбруя для быков. Полковник велел заказать ее в Пиларе. А возчику больше нравилась работа мастера Жозе Амаро.

Мастер взглянул на него. И спокойно, будто его это совсем не трогало, сказал:

— Значит, заказ из Санта-Розы? Так вот, дружище, для этого человека я ничего не делаю. Каждый знает, что я не вырежу ни одного ремня для полковника Жозе Паулино. Ты уж не сердись на меня. Но я поклялся.

— Простите, сеу мастер, — смутился возчик. — Но он неплохой человек. И я ничего не знал о вашей с ним распре.

— Ну вот, теперь будешь знать. Для тебя, дружище, я бы сделал задаром. А для него не стану, даже если бы он озолотил меня. Я это всем говорю.

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Я человек бедный, отсталый, имею дело только с кожей, но кричать на себя не позволю.

Возчик ушел. Колеса повозки заскрипели под тяжестью мешков. Скоро она скрылась из виду. Мастер Жозе Амаро стал колотить размоченную кожу. Голубки испуганно вспорхнули от яростного стука молотка. Жозе Амаро думал о сыне, которого у него нет, и о дочери, которая беспрерывно плачет. Во всем виновата его жена, Синья. Солнце все больше клонилось к западу. Ветерок дул сильнее, он колыхал листья питомбейры и ветви красного кедра, шевелил листву цветущего жасмина. Воздух наполнился благоуханием руты. Мастер нарезал ремни для уздечек, их заказал погонщик из Гуриньема. Всю жизнь он работал на бедноту. Это угнетало его. Отец смастерил седло для самого императора. А он здесь, на краю дороги, сидит и шьет сбрую черт знает для кого. Наконец-то дочь замолчала. Девке уже давно пора детей рожать, а она все еще ревет белугой. Кому она нужна такая, их единственная дочь! Во всем виновата Синья.

Проезжавший верхом на лошади негр остановился у дверей дома.

— Добрый вечер, мастер!

— Добрый вечер, Леандро. Далеко ли едешь?

— Да нет, мастер Зе. В Пилар, к полицейскому инспектору, меня послал сеу Аугусто из Ойтейро.

— Что-нибудь стряслось?

— Убили двух парней во время танцев в доме Шико де Нанинья. Они пришли туда из Лапы — поселка близ города Гойаны — и затеяли ссору. Вот их и убили. Я еду сообщить об этом майору Амброзио.

— Этот Амброзио — чистая размазня. Если бы меня сделали здесь полицейским инспектором хоть на день, я бы показал, как сажают в тюрьму. Со мной хозяин энженьо не посмел бы разговаривать свысока.

— Сеу Аугусто не такой человек, мастер Зе.

— Дружище, я говорю не о сеу Аугусто. Я о других. Неужели ты не понимаешь, что, будь я полицейским инспектором, дело пошло бы иначе? Разве это порядок, чтобы представителем власти командовали богатеи? Я хоть и сижу здесь в своей конуре, но все прекрасно вижу. В наших краях бедняк всегда виноват.

— Это верно, мастер Зе, но сеу Аугусто не такой. Он никогда ни во что не вмешивается и своих людей в обиду не дает. Такой человек заслуживает уважения. А доктор Кинка из Энженьо-Ново? Вот

какими надо быть.

— Я еще не так стар, чтобы впасть в детство. И никому не позволю собой командовать. Пусть это все знают. Я ни о ком не говорю плохо и ни в чью жизнь не вмешиваюсь. У меня дом, семья, работа. Я работаю на кого хочу, я не холуй, как эти голодранцы-кабры[8].

— Зачем же людей оскорблять, мастер Зе?

— Я никого не оскорбляю. Но пусть все знают, что мастер Жозе Амаро не даст собою помыкать. Тут недавно заезжал возчик полковника Жозе Паулино. Но я не принял заказа от этого старого крикуна. Плевать я хотел на него! Мне никто не указ! И отец мой таким же был. Он никому не стал бы лизать задницу.

— Мастер Зе, видать, вы сегодня не в духе, я лучше поеду.

— И вовсе нет. Никто не любит, когда я говорю правду. Я ремесленник и ни от кого не завишу. Но стоит мне об этом сказать — и сразу же появляется бедняк, вроде тебя, и говорит, что я не в духе. Почему это я не в духе? Потому, что говорю правду? Я избиратель и могу отдать свой голос, кому захочу. Я не голосую за правительство. Однажды

---

[8] Примечания: 8

Кабра — презрительная кличка мулата.

ко мне пришел родственник Кинки Наполеона и стал просить, чтобы я отдал свой голос на выборах. «А за кого я должен голосовать, сеньор Зе Медейрос? — спрашиваю я. — За Кинку Наполеона, который крадет землю? Здешний край, Пилар, — несчастная земля: коль ускользнет из рук старого Жозе Паулино, попадет в карман Кинки Наполеона». Этот человек обозлился на меня и ушел.

Из дома снова послышался плач. Негр Леандро спросил:

— У вас дома горе, мастер Зе?

— Никакого горя у нас нет.

Жозе Амаро замолчал.

Издалека донесся паровозный гудок.

— Это из Ресифе[9], по расписанию. Уже поздно, мастер Зе. Вам ничего не надо привезти?

— Куда вы торопитесь? Еще рано!

Хмурое лицо мастера Амаро расплылось в улыбке, когда он прощался с негром.

— Так что вам привезти из поселка?

— Ничего не надо, спасибо. Кланяйся этому болвану Амброзио. И передай, что, если ему нужна уздечка, я сделаю ему задаром.

---

[9] Примечания: 9

Ресифе — главный город штата Пернамбуко.

Пришпорив лошадь, негр двинулся в путь. Жозе Амаро снова погрузился в свои мысли. Острым ножом он нарезал кожаные ремни, отмеряя их по ширине с большой тщательностью. Трудился для какого-то бездельника из Гуриньема. Ах, если бы у него был сын, который мог бы дать отпор господам и постоять за отца в трудную минуту! Послышался звон колокольчиков, и на дороге показался кабриолет. Мастер Жозе Амаро поднялся. Мимо него проезжал владелец земли, на которой стоял его дом. Это был хозяин Энженьо Санта-Фе полковник Луис Сезар де Оланда Шакон со своей семьей. Он поздоровался с Жозе Амаро. Дамы в коляске тоже поклонились мастеру. Кучер Педро даже не взглянул в его сторону. Кабриолет полковника Лулы был слишком роскошным для убогой дороги, ведущей в Пилар. Синья выскочила из дома поглазеть на проезжавшую коляску. Мастер Жозе Амаро обернулся к жене и, сверля ее своими желтыми глазами, спросил со злобой:

— Ну что, заткнулась эта сумасшедшая?

— Опомнись, что ты говоришь, несчастный ты человек! Дай бедняжке выплакаться вволю.

Мастер Жозе Амаро снова принялся за работу. Молоток застучал в тишине наступившего вечера. Звон колокольчиков все удалялся и удалялся,

замирая вдали. Во всем виновата его жена Синья. Негр Леандро разозлился на него. Конечно, негры привыкли к неволе. Они даже не хотят стать свободными. Так и лезут в ярмо. Рядом с ним на карнизе запела канарейка. Мастер Амаро свыкся с пением этой свободной птички. Пусть себе поет. Он с силой колотил по коже, колотил, пока не заболела нога, которая уже совсем скривилась. Что ему до кабриолета полковника Лулы? Что ему до богатства старого Жозе Паулино? Да, он богат, но одна его дочь умерла еще при рождении. А канарейка все пела, не обращая внимания на стук молотка. И вдруг наступила тишина, будто мир на мгновение замер. Перестал стучать молоток, замолкла и канарейка на карнизе. На какую-то долю секунды воцарилась мертвая тишина. Мастер Жозе Амаро крикнул жене:

— Синья, подавай свой обед, да шевелись же, чертова кляча!

Сгущались сумерки. Мастер Жозе Амаро собрал рабочий инструмент и унес в дом. Во дворе клохтали куры. Старая Синья загоняла их на насест.

— Вот чертова птица, никакой от нее пользы, — проворчал мастер. — Одни только шум да забота.

II

Кучер Педро явился к мастеру от полковника Лулы. Полковник вызывал Жозе Амаро к себе в имение чинить упряжь. Внимательно выслушав негра, мастер недовольно сказал:

— Все почему-то считают, что мастером Жозе Амаро можно командовать. А я свободный ремесленник, сеу Педро, и этим горжусь. Полковник Лула каждый раз, проезжая здесь, снимает шляпу, будто делает мне одолжение; а вот ни разу не остановился и не спросил меня, как я поживаю. У него своя гордость. У меня — своя. Я живу на его земле, но не плачу ему арендной платы, потому что здесь жил мой отец еще при его тесте. Я поселился тут мальчишкой. С чего ему так заноситься? Ничего бы с ним не случилось, если бы он спросил меня о здоровье. Отец рассказывал мне, что сеньор в Гойане был совсем другим. Он хорошо относился к простым людям. А ведь у него несколько энженьо, он был очень богат. Я беден, сеньор Педро, но и у меня есть своя гордость.

— Мастер Зе, я-то здесь при чем? Меня послали за вами, я только передаю то, что мне велено.

— А я ничего такого и не сказал. Просто я

терпеть не могу бедняков, которые лижут зад богачам, как этот бездельник Виторино. Вечно он бегает за важными господами, как бездомный пес. Так, значит, полковник Лула желает, чтобы я пришел починить сбрую для его коляски? Ну что ж, я приду.

— Там все прогнило, мастер Зе. Просто вожжи нельзя натянуть, сразу же что-нибудь да лопнет. Этой сбруе уже много лет.

— Не умеете вы обращаться с вещами, вот в чем беда.

— Вовсе нет, мастер Зе. Сбруя и в самом деле совсем старая.

— Полковник Лула — человек с именем. Только уж больно он заносится. И чего он так важничает? Я ни разу не видел, чтобы он объезжал свои плантации. А вот полковник Жозе Паулино не слезает с лошади. Потому-то он и богат. Не то что полковник Лула. Зато полковник Лула разъезжает в своем кабриолете, как король.

— Кому что нравится, мастер Зе, дело вкуса. Старый Коста де Мата из Вары не ездит на лошади, потому что боится испортить ей копыта.

— Я говорю о нормальных людях, сеу Педро. А вы приводите мне в пример этого скрягу. Таких скряг, как он, по всему свету не сыщешь. Как-то

заехал ко мне заказать седло. И как начал болтать — я думал, этому конца не будет. Он все говорит да говорит, а под конец предложил мне какие-то гроши. Но я ему прямо сказал: «Капитан Коста, я этим зарабатываю и не могу делать подарков богатым людям». Так и сказал.

— А чем полковник Лула лучше него, мастер Зе? Он тоже хитрый и жадный!

— Это у него наследственное, сеу Педро, ей-богу, наследственное. Говорят, что папаша его отличался тем же недостатком. Его преследовали из-за восстания сорок восьмого года[10]. И он умер где-то в глуши. Отец рассказывал мне об этих событиях. В ту пору убили Нунеса Машадо[11], двоюродного брата сеньора Гойаны. Папаша полковника Лулы был заодно с этими людьми. Вот его и прикончили. Жена после этого рехнулась, вот и сынок, видно, тоже малость не в себе.

— Это верно, мастер Зе, у него, конечно, не все дома. Я никому не говорил об этом, но вам скажу откровенно: я даже побаиваюсь жить у них.

---

[10] Примечания: 10

Восстание сорок восьмого года. — Имеется в виду восстание против правительства в штате Пернамбуко в 1848 г.

[11] Примечания: 11

Нунес Машадо, Жоакин (1809–1849) — бразильский политический деятель, возглавивший восстание в штате Пернамбуко и погибший при нападении на Ресифе в 1849 г.

— Ну что вы, сеу Педро. Это оттого, что вы еще молоды. Я знал их прежнего возчика — Макарио. Вот уж кто был предан полковнику, я такой преданности не видел, умер он от старости. Говорят, что Макарио приехал к полковнику из Пернамбуко, он очень был привязан к его отцу. Он был каброй старого Оланды во время событий сорок восьмого года. И никого не боялся. Когда полковник поругался с Кинкой Наполеоном, старый Макарио пришел как-то к этому негодяю Кинке и сказал: «Послушайте, майор, моя жизнь ничего не стоит, а вы свою цените дорого. Не смейте обижать полковника!» Вот это человек! Таких я люблю!

— Но вы, мастер Зе, не платите за аренду?

— Даже мой отец не платил. Мы жили здесь еще при тесте полковника. Здесь прошла вся моя жизнь. Полковник Лула никогда не заговаривал со мной об арендной плате. И я вам скажу, он неплохой человек. Но к его высокомерию я так и не привык. Чего он так важничает? Рано или поздно все мы окажемся в земле… Ну ладно, скажите полковнику, что завтра я приду.

Педро ушел, а мастер все еще размышлял о полковнике. Он знал многих помещиков, среди них были всякие люди, но таких, как полковник

Лула, он, по правде говоря, не встречал. Чем отличалось поместье Санта-Фе от соседних владений? Равнина с отличным глиноземом, холмы, покрытые густым лесом. Хорошая земля, хозяйство, правда, небольшое, но вполне достаточное для того, чтобы полковник Лула мог безбедно существовать вместе с семьей. На этой земле поселился когда-то капитан Томас, отец доны Амелии, тесть полковника Лулы.

Жозе Амаро с детских лет знал капитана Томаса. Отец говорил о нем как о человеке решительном, честном, трудолюбивом. Он был видным политическим деятелем в либеральной партии, и ему принадлежало изрядное число рабов. Потом появился полковник Лула де Оланда. Мастер прожил при нем более тридцати лет — с тех пор, как тот стал хозяином энженьо после смерти капитана Томаса. Полковник приехал сюда в своей роскошной коляске и зажил вот так, как живет сейчас. Жозе Амаро не мог понять хозяина той земли, по которой он ступал, и того дома, в котором он жил.

Стоял прекрасный майский день. Вокруг все зеленело, горячие лучи солнца палили землю,

покрытую лужами. Кажазейры[12] отбрасывали тень на маленький двор, в котором старая Синья держала свиней. На жердях ограды красовались синие и фиолетовые цветы вьющихся растений. Свиньи хрюкали, нарушая утреннюю тишину. Жозе Амаро расстался с мыслями о полковнике Луле и снова задумался о жене, которая как раз в это время прошла мимо со связкой дров за спиной. Он хотел заговорить с ней, но слова застряли у него в горле; он со злостью принялся колотить по коже, которую обрабатывал. Во всем виновата его жена Синья; он не мог отрешиться от ненависти к ней. Из дома вышла дочь с кувшином на голове и направилась к свинарнику. Ведь она была его плотью и кровью, и все же что-то в ней претило ему. Мастер Жозе Амаро смотрел, как она идет своей неуклюжей походкой, раскорячив ноги, и ему захотелось высказать ей все, что у него наболело. Он принялся колотить по коже еще яростнее, до боли в ноге, изо всех сил размахивая своим молотком. И это его семья: незамужняя дочь, без всяких надежд на брак, на жениха, на нормальную человеческую жизнь.

— Добрый день, мастер Зе, — поздоровался

---

[12] Примечания: 12
Кажазейра — плодовое дерево.

маляр Лаурентино, возвращавшийся из Санта-Розы. — Я закончил покраску только вчера вечером. Там было много работы. Полковник собирается устроить пышную свадьбу. Говорят, будет сам губернатор. Он ведь тоже выдает замуж свою дочь.

— Ты весь дом перекрасил?

— Да. Теперь он стал как игрушка. Вместе со мной работал мастер Родолфо, он проводил воду в ванную. Полковник Жозе Паулино уж если решит раскошелиться, то денег не жалеет.

— Мимо меня проезжает много важных людей. Две недели назад, когда вы заходили ко мне, я сказал, чтобы полковник в Санта-Розе ни в чем на меня не рассчитывал. И я не жалею об этом. Зачем же вы толкуете мне об его богатстве? Уж не думаете ли вы заткнуть мне рот?

— Ну что вы, мастер Зе, нельзя же быть таким подозрительным. Я знаю, что вы не поладили с полковником, но зачем доходить до крайности!

— А, бог с ним, сеу Лаурентино; я человек бедный, простой ремесленник, но не сетую на свою судьбу. Вы можете сказать где угодно: «Мастер Жозе Амаро никому не завидует». У кого есть деньги, пусть ими подавится.

— Мастер, я зашел к вам не затем, чтобы ссориться.

— Да разве я ссорюсь, дружище! Какая же это ссора! Выходит, мне и правду сказать нельзя.

— Вы правы, мастер Зе, простите меня.

— А чего мне вас прощать. Если бы я захотел, то жил бы сейчас в Гойане и был бы богат. Я ничьему богатству не завидую.

Они помолчали. Только канарейка распевала во весь голос на карнизе да скрипела кожа под старым ножом мастера.

— Сеу Лаурентино, — сказал он, — о человеке судят не по деньгам, а по заслугам. Вы вот ели за столом полковника Жозе Паулино, а теперь пришли сюда и рассказываете мне о его богатстве, чтобы вызвать у меня зависть.

— Ну что вы, мастер Зе, я не такой человек. Не впервые обедаю за столом богатого человека.

— И все же это так.

По грязной дороге рысью трусила лошадь. Жозе Амаро и Лаурентино увидели проезжавшего мимо старого Жозе Паулино, в широкополой чилийской шляпе, с хлыстом в руке.

— Добрый день! — крикнул он издалека.

Лаурентино поднялся и почтительно снял шляпу. Жозе Амаро со злобой процедил сквозь зубы «здравствуйте». Разговор не клеился. Яркое утреннее солнце освещало все вокруг. На кухне шипело

сало, жарившееся на глиняной сковороде.

— Ладно, мастер Зе, я пойду.

— Так что учтите, сеу Лаурентино, я никогда ничего не сделаю для этого человека.

— Ну что ж, дело ваше, мастер, до свидания.

«Вот вредный старик, — думал маляр, — прямо змея подколодная! И что он суется в чужую жизнь? Стоит о ком-нибудь заговорить, как он всегда очернить сумеет».

Лаурентино зашагал по дороге, направляясь в Пилар, и вскоре увидел всадника, медленно трусившего ему навстречу. Он подумал было, что это падре Жозе Жоан, который всегда ездил медленно, точно ему некуда было торопиться. Но оказалось, что это Виторино Кусай Хвост на своей заморенной кляче. Лаурентино хотел свернуть в сторону и пойти по тропинке, но Виторино закричал:

— Ты чего испугался?

— С чего это вы взяли, капитан Виторино?

— Вы все думаете, что со мной трудно ладить. А я просто хочу, чтобы меня уважали.

— И правильно делаете.

— Можешь добавить — капитан. Я — капитан, как Лула де Оланда — полковник. И не делай мне одолжение тем, что соглашаешься.

Стоя на обочине дороги, Лаурентино слушал выкрики старика. У дряхлой кобылы выпирали ребра, седло было старое, потрепанное, попона дырявая, уздечка из веревки.

— Я человек уважаемый. А эти вон черномазые сопляки выбегают на дорогу и дразнят меня. Черт знает что такое! Я белый сеньор, как и Жозе Паулино. Он мой двоюродный брат. А эти канальи не дают мне прохода! Так вот, сеу Лаурентино, Лула де Оланда разъезжает в своей коляске, высматривая, не найдется ли дурак, который женится на его дочери. Не думайте, что я такой же бездельник, сеу Лаурентино.

У кобылы слезился один глаз, порванная уздечка врезалась в морду. Лаурентино собирался распроститься, но от Виторино не так просто было отделаться. Широкое, исцарапанное лицо старика, седые волосы, торчавшие из-под шляпы, делали его похожим на жалкого шута.

— Счастливого пути, капитан Виторино, мне надо засветло добраться до дома.

— Скажи этим собакам, что с капитаном Виторино да Кунья шутки плохи.

И он с силой пришпорил кобылу. Та метнулась в сторону, чуть не сбросив всадника. Виторино едва удержался и закричал:

— Свора собак!

Мальчишка, прятавшийся в зарослях, выскочил на дорогу, пугая лошадь криками:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

Виторино с силой рассек воздух хлыстом.

— Я тебе покажу Кусай Хвост, сукин сын!

Мальчишка кричал все громче у самых ног разъяренного старика. Виторино вонзил шпоры в бока лошади — ему хотелось раздавить наглеца. Но напрасно, старая кобыла еле переставляла свои костлявые ноги. Издали послышался голос другого сорванца:

— Эй, подхвостник уронил!

Виторино негодовал, он был страшно взбешен:

— Свора собак! Я Виторино Карнейро да Кунья, белый, всеми уважаемый сеньор!

Он яростно жестикулировал, точно споря с невидимым врагом. И при этом размахивал хлыстом как безумный.

— Вот старая кляча, черт бы ее побрал!

Он безжалостно хлестал кобылу, которая по-прежнему лениво тащилась по дороге, вспугивая ящериц. Капитан Виторино Карнейро да Кунья проезжал по землям полковника Лулы де Оланда. На пути росло большое мастиковое дерево, которое якобы приносило несчастье. Но он этому не

верил. Его не страшили ни живые, ни мертвые. Навстречу шла женщина в красной юбке.

— Добрый день, сеньор Виторино.

— Придержи язык. Ты мне не ровня. Я капитан Виторино. Я имею законное право носить это звание.

— Извините меня, сеньор Виторино.

— Пошла прочь, потаскуха! Иди к своим кобелям!

— Заткнись, старый пакостник!

Виторино с угрожающим видом поднял хлыст. Женщина сбежала на обочину и разразилась ругательствами:

— Ах ты, старый трепач! Кто тебя не знает, старый осел?!

— Кусай Хвост, Кусай Хвост! — закричали стоявшие поодаль мальчишки.

— Паршивцы! Вот я вас!

Женщина ушла, а капитан Виторино продолжал свой путь. Вскоре он увидел дом мастера Жозе Амаро. Жозе Амаро да Силва — свободный избиратель, его кум. Будь воля капитана, он бы взял в крестные отцы сыну своего двоюродного брата Жозе Паулино, но жена предпочла шорника. А разве ее переспоришь? Упрямая женщина все норовит сделать по-своему. Ему хотелось

называть двоюродного брата — «кум Жозе Паулино». Но чертова баба порешила иначе.

Его сын Луис служит в военно-морском флоте. Он станет офицером… Птицы распевали на придорожных деревьях, в тени которых возвращался домой капитан Виторино. Все встречные насмехались над ним, а он не такой человек, чтобы позволить над собой издеваться. Он капитан Виторино Карнейро да Кунья, из весьма почтенной семьи. А его двоюродный брат, плантатор, — влиятельное лицо в провинции. По дороге капитан заедет потолковать с кумом Жозе Амаро. Правда, Жозе Амаро не из такой уважаемой семьи, как он сам, но все же мастер — человек белый, да и отец его был сыном моряка из Гойаны.

С такими мыслями капитан подъехал к дому шорника, который крестил когда-то его сына Луиса в миссии падре Антонио в Пиларе.

— Добрый день, кум, — поздоровался Виторино, подъехав к дому мастера.

— Добрый день, кум; не остановитесь ли отдохнуть?

Виторино спешился, привязал уздечку к ограде и подошел к навесу. Мастер Жозе Амаро недолюбливал этого человека, которого никто не уважал. Бедняга вызывал в нем досаду своей

бесцельной жизнью и бесконечными, никому не нужными разъездами. Когда Жозе Амаро узнал, что крестник поступил в военно-морской флот, он обрадовался. По крайней мере, парень вырастет не таким дурнем, как отец, который витает в облаках.

Старый Виторино, в свою очередь, считал кума существом низшим. Тот был шорником, а таким ремеслом белому человеку заниматься не пристало.

— Ну как, много работы, кум Жозе Амаро?

— Как обычно, кум Виторино. Как обычно.

— Я весь день в бегах. Эти проклятые выборы совсем замучили меня. Даже к вам, кум, я заехал неспроста. Мне нужен ваш голос. Майор Амброзио включил меня в список кандидатов на пост советника. Я рассчитываю на ваш голос. Они знают цену капитану Виторино Карнейро да Кунья. Я стану крупной фигурой, кум. Жозе Паулино на этот раз узнает, чего стоит его двоюродный брат.

В окно выглянула жена шорника.

— Добрый вечер, кум Виторино. Как поживает кума Адриана?

— Добрый вечер, кума Синья. Старуха совсем спятила. Ее мучает ревность. Будто я какой-то кобель. Проклятая баба меня повсюду высле-

живает.

— Вам, кум, тоже не мешало бы быть поскромнее.

— Скромности у меня больше чем достаточно, кума. Я бы даже в монахи мог пойти.

И он оглушительно захохотал. Мастер Жозе Амаро сидел нахмурившись, его раздражала болтовня старика.

— Эх, кум, видели бы вы меня на празднике в Маравалье. Молодежь там разбитная. Я уже старый и не обращаю внимания на девушек. Но только и слышно было: «Капитан Виторино, сюда, капитан Виторино, туда». Я хоть и стар, а среди молодежи свой человек.

— Так, значит, кум, вам надоела забота кумы Адрианы?

— Кому нужна забота старой жены? Пусть конь старый, а трава ему нужна молодая, кума Синья.

Жозе Амаро по-прежнему сидел с хмурым видом. Синья заметила это и стала прощаться с гостем:

— Так передайте, чтобы кума Адриана заходила. У меня есть петушки, которых надо оскопить. Только она умеет это делать.

Когда Синья скрылась в окне, Жозе Амаро посмотрел на лошадь, привязанную к ограде, и

сказал:

— Кожа да кости, кум.

— А я ведь за ней хорошо ухаживаю. Травы даю вдосталь, кукурузы тоже. Что я могу сделать! Это, видно, старость. Она, проклятая, и при виде жеребца не ржет. Значит, пора ей подыхать. Однако, кум, ведь мы говорили о выборах, не правда ли? Я рассчитываю на ваш голос. Мы навсегда отвадим Жозе Паулино от политики. Амброзио знает, каким уважением я пользуюсь. Он не сомневается, что я обеспечу ему на выборах двести голосов. Только мои родственнички в это не верят. Но у капитана Виторино Карнейро да Кунья много друзей. Так могу я рассчитывать на ваш голос?

Верхом на лошади ехал какой-то паренек. Завидев старого Виторино, он остановился и стал громко кричать:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

Виторино вскочил и, схватив камень, бросился к сорванцу.

— Я тебе покажу, паршивец, какой я Кусай Хвост!

Он резко рванулся, но, споткнувшись о корни питомбейры, упал на землю. Мастер Жозе Амаро помог ему встать. Виторино не мог выговорить ни слова. Он побледнел, тело его обмякло. Придя

в себя, выпил воды и сказал прерывающимся голосом:

— Вот видите, кум, как меня преследуют.

Синья и дочь вышли из дома утешить старика.

— Я здорово треснулся. Спасибо, спасибо за помощь. Эти паршивцы мне еще заплатят за все. Я уверен, что это козни Жуки из Санта-Розы. Но я разделаюсь с негодяем. Всю рожу хлыстом раскрою мерзавцу!

Мастер Амаро мягко сказал:

— Кум Виторино, я не хотел вам ничего говорить, но вы сами во всем виноваты.

— Виноват, в чем? Разве вы не видите, что это политическое преследование? Они боятся, что меня изберут. Проклятые кабры! Я им еще покажу, каков старый Виторино Карнейро да Кунья. Если они хотят со мной драться — я готов. Хоть врукопашную.

Мастер Жозе Амаро молча слушал, как без умолку болтает капитан Виторино, оправившийся от потрясения.

— Я свалю Жозе Паулино. Сюда прибывает полковник Рего Баррос, он человек военный, со связями. Он будет здесь губернатором. И всех мошенников засадит в тюрьму. Дантас Баррето будет в Пернамбуко, Франко Робело — в Сеара.

Луле де Оланда следовало бы возглавить партию здесь, в Пиларе. Отец его был руководителем в Пернамбуко — он, кажется, участвовал в восстании сорок восьмого года. Вот почему мне так нравятся люди из сертана. У моего отца была земля в Карири и тридцать человек под ружьем. Там дело решалось пулями, кум. Это мне больше по нраву.

Темнело. Со стороны реки доносился отчаянный лай. Потом раздался сухой выстрел.

— Это Маноэл де Урсула охотится за преа[13], — сказал капитан Виторино. — Он тоже из тех каналий, что относятся ко мне без всякого почтения. Я уверен, кум, быть беде в этой долине. Кое-кому я кишки повыпущу. Ну ладно, мне пора. — И он крикнул жене шорника: — Кума, до свидания!

— С богом, кум.

— Так как же, могу я рассчитывать на ваш голос?

Жозе Амаро медлил с ответом.

— Могу рассчитывать?

— До выборов, кум, еще далеко.

Виторино взгромоздился на свою жалкую клячу и сунул ноги в стремена. На прощанье он сказал:

---

[13] Примечания: 13
Преа — мелкие полевые грызуны.

— Если что понадобится, я к вашим услугам.

И двинулся в путь на своей дряхлой лошаденке. Тень его росла при свете заходящего солнца, и в косых лучах он казался гигантом. Вдруг кобыла испуганно шарахнулась в сторону, будто на что-то наткнулась. Капитан пришпорил ее и скрылся за густой зарослью кустарника. Еще раз мастер Жозе Амаро увидел его на повороте дороги. Он ехал, жестикулируя, размахивая хлыстом, словно поражая им врагов. Издали донесся крик — какой-то мальчишка дразнил старика писклявым голосом:

— Кусай Хвост, Кусай Хвост!

Собачий лай заглушил хриплый возглас капитана:

— Вот я тебе дам, сукин сын!

Эхо принесло эти слова с другой стороны. Жозе Амаро собрал рабочие инструменты и отнес их в дом. Он видел, как прошла дочь, неся на голове кувшин с водой, как жена загоняла кур на насест. Ангольская курица неистово кудахтала во дворе. Но голос старой Синьи заглушал все звуки:

— Цып, цып, цып!

Мастер Амаро направился к обочине дороги. Совсем низко стаями летела саранча; отяжелев, она падала на землю и уже не в силах была под-

няться. Мимо мастера прошел негр Маноэл де Урсула с ружьем через плечо и с двумя собаками на длинном поводке.

— Добрый вечер, мастер. Вышли прогуляться по вечерней прохладе?

— Смотрю, какая будет погода.

— Там на дороге мальчишки свалили старого Виторино. Они протянули веревку, и лошадь споткнулась; старик упал на землю. Вот проклятые! Я помог сеу Виторино сесть на лошадь. Он клянет всех на чем свет стоит. Говорит, что поругался с маляром Лаурентино и избил его. У этого сеу Виторино, видно, не все дома.

На ягдташе у негра выступила кровь убитой добычи. Мастер Жозе Амаро молчал.

— Хотите я дам вам одну преа, — толстенькая, совсем что твоя курица.

Он вытащил грызуна и положил на траву.

— Тяжелая пища! Для тех, у кого язва, — просто яд.

Мастер Жозе Амаро поблагодарил. Негр, сопровождаемый собаками, ушел, что-то бормоча себе под нос. Стемнело. В доме все затихло. Успокоились на насесте куры.

— Девочка, отнеси-ка это в дом.

Пятна крови остались на траве. При виде их

шорника замутило. Он засыпал пятна мокрой землей. Синья загнала на ночь домашнюю скотину и птицу. В хлеву, похрюкивая, рыли землю свиньи. Козел улегся под навесом. От пятен крови мастеру стало нехорошо. Но он не решился выбросить убитого зверька. Завтра Синья приготовит из него жаркое, и он забудет об этой крови. Тускло светила керосиновая лампа. От сырой кожи, только что полученной из Итабайаны, распространился особенно сильный запах. Мастеру захотелось поговорить по душам с женой и дочерью, хоть как-то поладить с Мартой. У него редко появлялось такое желание. Он был колюч, не хуже кактуса.

По дороге проехал кабриолет полковника Лулы. Огоньки фонарей и звон колокольчиков рассеяли тишину вечера.

— Дона Амелия едет на майское богослужение, — сказала жена.

— Это они любят, — ответил шорник.

Издали, будто с другого края света, все еще доносился звон колокольчиков.

— Вот поэтому-то они и прогорают.

— Замолчи, безбожник.

— Я не верю тем, кто валяется в ногах у падре.

Они помолчали.

— Бедняга кум Виторино, вот не повезло куме Адриане. Ты не представляешь себе, Зека, как она страдает.

— Видно, ей это на роду написано. От судьбы не уйдешь.

Приятный вечерний ветерок проникал в дом шорника, заполняя его благоуханием цветущей кажазейры и жасмина, который раскрывался навстречу появившейся на небе луне.

— Сегодня полнолуние?

— Да. Ты заметила, как выглядит бедняга Виторино?

Они подошли к дверям дома и, глядя на звездное небо, ощутили покой мира, огромного молчаливого мира. Вдруг залаяла собака. Потом тревожно завыла, будто от сильной боли.

— Это она на луну воет.

— Да, на луну. Скулит.

Туча заволокла небо, и все вокруг потемнело. И тут же мир снова осветился белым светом.

— Будь осторожен, Зека, — дождь собирается. Смотри не простудись.

Мастер закрыл окно.

— Комары налетят. Я пойду немного пройдусь.

Он вышел.

— Не промокни, Зека.

Мастеру Жозе Амаро стало спокойно и немного грустно. Он любовался луной, заливавшей молочным светом кажазейры и зеленые луга полковника Лулы де Оланда. Жозе Амаро пошел по дороге. Ему захотелось побыть одному, побыть наедине с собой, со своими мыслями. Ночь манила его. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Всю жизнь он прожил прикованный к своей табуретке, как негр к позорному столбу. А сейчас он испытывал неодолимое желание ходить. Заметив белую фигуру неподалеку от дома Лусиндо Каррейро, он остановился. Подождал, пока она приблизится. Это был негр Жозе Гедес, посыльный из Санта-Розы.

— Добрый вечер, мастер Зе, вы кого-нибудь ищете?

— Да нет, просто вышел пройтись, хочу размять ноги.

Негр пошел дальше. Лягушки на пруду безостановочно квакали. Светлячки ползали по земле, в страхе прячась от луны. Все было так красиво и так непохоже на то, что ему приходилось видеть дома. Мастер решил пойти дальше. А что, если свернуть с дороги? Он зашагал по тропке, ведущей к реке. Ему повстречалась негритянка Маргарида, которая шла удить рыбу.

— Что это вы сюда забрели, мастер Жозе Амаро?

Он что-то буркнул в ответ и повернул обратно. От земли исходил аромат. Благоухали распустившиеся цветы и спелые плоды. Жозе Амаро вернулся домой помолодевшим. Жена тревожно спросила:

— Куда это ты ходил в такой час, Зека? В такой час бродят только лунатики.

Он ничего не ответил, запер дверь и улегся в гамак. Долго не мог заснуть и все прислушивался к звукам, доносившимся снаружи. Тяжело дышала во сне дочь. Что с ней? Вспомнились пятна крови на зеленой траве. Запах кожи наполнял дом. Ослепительно-белый свет луны проникал сквозь щели черепичной крыши. И мастер Жозе Амаро уснул, любуясь узорами, нарисованными лунным светом на полу. Глухо храпела Синья.

На другой день повсюду разнесся слух, что мастер Жозе Амаро стал оборотнем. Его, мол, встретили в зарослях кустарника в ожидании дьявольского часа, а на дверях его дома видели человеческую кровь.

III

— Можешь оставить поднос тут. Я уже проголодался.

— Дона Мариана велела извиниться перед вами. Сегодня благовещение, и люди в каза-гранде постятся.

— Все они метят попасть в рай. Думают, что господу богу угоден тощий скот. А бог-то — он любит упитанную скотину. Ну-ка, что тут старуха прислала мне сегодня? Э!.. Да эта штука из трески не для меня.

— Все сегодня едят треску, мастер Зе.

— Я пришел сюда работать не для того, чтобы есть эту дрянь.

— Но белые ее едят, мастер.

— Какое мне дело до белых! Я хочу, чтобы у меня брюхо было набито.

Мальчишка расплылся в улыбке.

— Знаете, мастер, старик только и знает, что молится.

— Это они любят. Они думают, что ремесленник — скотина. И хотят меня унизить тем, что не сажают за стол в каза-гранде. Я им не маляр Лаурентино, который повсюду рассказывает о

них небылицы. У мастера Жозе Амаро, мой мальчик, тоже есть своя гордость. Я работал на очень богатых хозяев, у которых стол прямо ломился от всякой еды, но никогда не видел такого чванства, как здесь, в Санта-Фе.

Мальчишка слушал шорника, разинув рот. Он глядел, как мастер ест, видел его суровый взгляд, толстые губы, грубые руки. Вот он, этот человек, о котором столько судачат в округе. Ходят слухи, что по ночам старик превращается в страшного зверя с острыми когтями; дьявольским огнем горят его глаза, и он бродит по дорогам, преследуя людей, чтобы их съесть. Но сколько мальчишка ни вглядывался в шорника, он ничего такого не заметил. Мастер Жозе Амаро действительно был не похож на других. Негритенку нравилось слушать старого шорника. Он приносил ему завтрак и любил смотреть, как тот работает: ловко режет кожу, сворачивает ее, прикрепляет пряжки, сшивает ремни. Возчик Педро помогал мастеру, и время от времени Жозе Амаро покрикивал на него за нерасторопность. Желтые глаза, смертельная бледность, покрывавшая лицо мастера, делали его совсем не таким, как все люди, которых мальчик привык видеть на плантациях во время полевых работ.

— Полковник Лула, — продолжал Жозе Амаро, — сильно ошибается в отношении меня. Я много работал на хозяев и здесь, в Рибейре, и в долине Гойаны, но мне приходилось иметь дело только с обходительными людьми. А он проходит мимо и даже не потрудится остановиться, не спросит, как идет моя работа, не перекинется словом. Он никогда не расстается со своим галстуком, будто он судья. А фасонить-то ему и не с чего бы.

Мастер встал, подошел к двери, обращенной к сахароварне, и, хмуро глядя на нее, как бы желая что-то понять, сказал:

— Вот к чему привело его хозяйничанье. Энженьо совсем захирело. Какое оно было при капитане Томасе, таким и осталось по сей день. Жернова ворочают мулы, это в наше-то время!

— Вы, мастер, раньше работали на сахароварне?

— Нет, я там никогда не работал. Жозе Сезар из Гойаны — он был хозяином моего отца — как-то раз предложил мне туда пойти. Но я не пошел. Уж буду доживать век в своей лачуге.

Послышался чей-то крик:

— Флорипес!

— Это старик зовет? — спросил шорник.

— Да! Он очень носится с Флорипесом. Ведь он его крестник, к тому же отлично читает молитвы. Целый вечер они торчат всей семьей в молельне и распевают псалмы.

С утра до вечера мастер Жозе Амаро работал в каретном сарае. Упряжная сбруя никуда не годилась: все сгнило, перетерлось. Поначалу он сразу же хотел отказаться и вернуться домой. Не было ни кожи, ни материала для ремонта коляски. Хозяин энженьо ничего не давал. Но в конце концов он остался. В глубине души ему нравился полковник Лула, хотя и казался малость тронутым. Мастер принес из дома все, что было необходимо, и занялся приведением в порядок парадного кабриолета полковника. Во всяком случае, коляска полковника Лулы снова загремит на дороге: она выглядит поважнее серой лошади полковника Жозе Паулино. Эта мысль немного утешила шорника, который был в обиде на Жозе Паулино, этого очень богатого помещика, который смеет кричать на него, как на невольника-негра. Ему нравилось, что Лула де Оланда с гордым видом разъезжает в кабриолете, запряженном парой лошадей. Старик был чертовски тщеславен и чванлив. Мальчишка ушел, и мастер остался один со своими мыслями, кото-

рые постепенно стали выкристаллизовываться. Никто не понимал обитателей каза-гранде. Дона Амелия любила играть на рояле. Это тоже давало удовлетворение шорнику. Ну как же, рояль в доме полковника. Единственный рояль в этих краях. В Гойане хозяйка энженьо играла на рояле. И здесь играла хозяйка — дона Амелия. К тому же старый Жозе Паулино был женат на дочери майора Жоана Алвеса из Итамбэ, женщине, которая в подметки не годилась доне Амелии. Когда хозяйка Санта-Фе выезжала в своем кабриолете, она выглядела владелицей всех этих земель, по которым катилась коляска. Негритянки ее недолюбливали, потому что она не судачила с ними на кухне и не желала слушать их сплетен. Дона Амелия и кабриолет полковника Лулы были для шорника той силой, которую он мог противопоставить полковнику Жозе Паулино. Что собой представляли эти люди? Старый Лула всегда носил галстук и никогда не ходил пешком. Его дочь воспитывалась у монахинь в Ресифе. А здесь, в хаза-гранде, жила сумасшедшая сестра доны Амелии, которая целыми днями беспрерывно ходила по дому. Еще был у них рояль. Больше никто ничего о них не знал. В гостиной было много картин, висело зеркало в человеческий рост, лежали на

полу ковры. Старый Лула никогда не открывал здесь окон и всегда держал запертой гостиную, в углу которой стоял рояль доны Амелии. На какие средства жили эти люди? Урожай в Санта-Фе не давал и сотни сахарных голов. Поговаривали, что старик каждый год ездит в Ресифе разменивать золотые монеты, которые капитан Томас оставил дочери в наследство.

— Флорипес, Флорипес!

Это полковник Лула звал негра, прислуживавшего ему в молельне. Жозе Амаро почему-то вдруг подумал о своей дочери: ей уже тридцать, а она ведет себя как маленькая девчонка. Ее жизнь чем-то напоминает жизнь обитателей каза-гранде. Его Марта походила на этих людей. Коляска полковника станет настоящей игрушкой, после того как он подкрасит колеса, все починит и приведет ее в порядок. Солнце, наверно, уже село. Он заметил, что скот полковника Лулы вернулся с пастбища. Мастер встал, чтобы размять затекшие ноги, вышел во двор. Перед домом сгрудился скот: три коровы, десяток волов, несколько телят. Вот и все, что имелось у полковника. Куда ему до богатого хозяйства Санта-Розы! Мастер собрался домой. Он уже был на пороге, со шляпой на голове, когда к нему подошел негр Флорипес.

— Добрый вечер, сеу мастер. Вы уходите?

— Да, мне пора.

— Дело в том, сеу мастер, что полковник послал меня поговорить с вами насчет капитана Виторино.

— О чем же это, сеу Флорипес?

— Капитан Виторино повсюду болтает, будто вы будете голосовать против полковника Жозе Паулино. Крестный велел сказать вам, чтобы вы поостереглись.

Жозе Амаро ответил не сразу. Желтое лицо его стало восковым.

— Сеу Флорипес, передайте полковнику, что мастер Жозе Амаро — свободный человек и голосует, за кого хочет. Мой кум Виторино говорил мне что-то о выборах, но я ничего не понял из его болтовни. Я не пойду за этим сумасшедшим.

Солнце клонилось к закату. Флорипес выглядел спокойным и немного печальным. Послышался колокольный звон.

— Это час «Аве Мария»[14], сеу мастер. Мой крестный будет сейчас молиться.

Жозе Амаро пошел домой. Он постоял немного у высокой стены энженьо, смотря на выщерб-

---

[14] Примечания: 14

«Аве Мария» — одна из молитв католической мессы.

ленные дождями кирпичи. Они казались ему кровавыми ранами. Взглянул на низкую дымовую трубу, на распахнутую топку котла, на берег реки, на грязную лодку. Вспомнил Амаро те времена, когда еще был жив капитан Томас. Отец часто рассказывал ему, как рубили сахарный тростник, как выжимали его на сахароварне, варили и очищали. Много сахара здесь вырабатывали. По дороге проехали десять повозок полковника Жозе Паулино, груженных шерстью; они направлялись к станции. От скрипа колес болели уши. Двадцать упряжек быков, десять погонщиков, пятьдесят мешков шерсти. Богатство поместья Санта-Розы раздражало шорника. Там, на каза-гранде полковника Лулы, написана дата: «1852». Еще во времена капитана Томаса. Однако какое ему в конце концов дело до всего этого? У него своя семья, о которой он должен думать. Мастер торопливо зашагал домой. На повороте он еще раз оглянулся и увидел, что в каза-гранде зажгли свет. Но что ему за дело. У него свой дом и дочь, о которой надо заботиться. Ехавшие одна за другой повозки из Санта-Розы прорезали глубокую колею. Откуда-то доносилась кантига[15];

---

[15] Примечания: 15
Кантига — народная песня.

она звучала надрывно. Мастер понуро брел под кажазейрами. Мысли о дочери не давали ему покоя. Затем он вспомнил слова полковника, которые передал ему Флорипес. Почему тот не зашел поговорить с ним сам, а послал этого негра? Чванливый старик. Ни разу не попросил отдать ему свой голос, никого не посылал поговорить с ним об этом. А сейчас, видно, поверил болтовне этого сумасшедшего Виторино. Нет, он больше не станет работать в Санта-Фе. Уйдет оттуда, но помыкать собой не позволит. Около дома сеу Лусиндо он встретил Салвадора, бишейро[16] из Сан-Мигела.

— Добрый вечер, мастер Зе, я тут выдал выигрыш на «змею». Старая Адриана, жена Виторино, заработала сорок милрейсов. Сегодня для меня плохой день.

Жозе Амаро хотел было пройти мимо, но тот его задержал.

— Мастер Зе, дело с выборами начинает разгораться. Я слышал, что сюда прибывает полковник Рего Баррос, чтобы засадить в тюрьму всех

---

[16] Примечания: 16

Бишейро — маклер в игре «жого до бишо» — звериная игра, — популярной в Бразилии подпольной лотерее, в которой используют билеты государственной лотереи. Ставки делаются на конечные цифры лотерейного билета. Каждой группе из четырех цифр дается название какого-нибудь животного.

богачей. Думаю, нелегко ему будет. Хотя сеу Виторино только и твердит об этом. У него плохое настроение. Дона Адриана сказала мне, что он успокоится, когда его хорошенько изобьют.

— Ничего не знаю, Салвадор, я иду из Санта-Фе.

— Работаете там, мастер Зе?

— Да, чепуховая работенка: ремонт коляски.

— Работенка? Да ведь коляска насквозь прогнила. Вот доктор Жука, сын полковника из Санта-Розы, говорят, купил в Ресифе первоклассную коляску.

— Ну, я пошел, Салвадор.

— Мастер Зе, завтра я к вам зайду насчет небольшой ставки в «жого до бишо».

Ни выборы, ни приезд полковника Рего Барроса не волновали мастера Амаро так, как новая красивая коляска у полковника из Санта-Розы. Хотя, может быть, это выдумка Салвадора. Стало совсем темно. 1852 год! Тогда он был еще мальчишкой и был жив отец. Разве мог он предположить, что станет вот таким? Он знал, что Синья вышла за него замуж только потому, что не нашла другого. Засиделась в девках, а тут подвернулся он и сделал предложение. Она притворилась, что он ей нравится, — боялась остаться старой девой, как их дочь. Старая дева! Скоро, во время великого

поста, шутники распилят ночью у его двери гроб, как они это сделали у дома сеу Лусиндо. Распилят гроб у порога старой девы и будут потешаться над чужим горем. Но он этого не допустит. Этому не бывать — он поступит так же, как капитан Жила из Итамбэ, он выстрелит в парней из карабина, заряженного солью. Отец старой девы! А вот и его дом. Там жена и дочь, горе его жизни. Он должен быть стоек, чтобы вынести все это и не сотворить ничего дурного.

IV

— Кума Адриана, люди много судачат о мастере.

— О чем же?

— Говорят, что он оборотень.

— Пустое! Выдумки! Мой кум Жозе Амаро — человек работящий, со здравым рассудком.

— Говорят, потому-то он и желтый, что бегает по ночам, как бешеный зверь.

— Вот что, кума: все это болтают те, кому делать нечего.

Так отвечала старая Адриана негритянке, с которой разговаривала на кухне каза-гранде в поместье Санта-Фе. Жена Виторино взялась оскопить петушков у доны Амелии. Только она в этих краях умела это делать по всем правилам. Она ходила из одного энженьо в другое в ожидании новолуния, чтобы успешнее провести операцию. И находилась там с утра, действуя, как опытный хирург, уверенная в своем мастерстве. В ее руках не околевала ни одна птица. У нее был настоящий талант к такого рода делам. На кухню заглянула дона Амелия и сказала, что по окончании работы хотела бы поговорить с Адрианой.

Дона Амелия была самой приветливой хозяйкой во всей Рибейре. Никто никогда не слышал от нее грубого слова, она ни с кем не бранилась, как это часто делали хозяйки в других энженьо, которые любили торчать на кухне и слушать болтовню негритянок. Поэтому о ней много судачили, удивляясь ее способности жить молча в своем углу. Кума Адриана помнила ее такой с первого дня их знакомства. Это было в семьдесят седьмом году, когда Адриана взрослой девушкой приехала в Санта-Фе со своими родителями, умиравшими от голода. Дона Амелия уже тогда была замужем и с тех пор ничуть не изменилась, она вспоминалась Андриане в том же самом кабриолете, в котором разъезжает и поныне. Она сидела в нем с таким царственным видом и была так красива и величественна, что народ стал относиться к ней с недоверием. Здешние люди привыкли к тому, что хозяйки энженьо кричат и бранятся, как дона Жанока из Санта-Розы. Дона Амелия не была похожа на других. Она любила играть на рояле. Старая Адриана хорошо помнила, как в первые дни после их приезда сюда ее мучили воспоминания о страшной засухе в сертане. Их семья поселилась в лачуге при сахароварне, и вот тогда-то она впервые услышала, как дона Аме-

лия играет на рояле. В те времена все выглядело здесь совсем иначе, во всем ощущалась радость жизни. Полковник Лула был красивым молодым человеком, он носил черную бородку и всегда хорошо одевался. Казалось, у нее еще и сейчас стоят в ушах звуки рояля. Они приехали из сертана совсем отощавшими. Мяса, которое раздавалось народу по распоряжению императора, хватало только на то, чтобы не умереть с голода. Вид у беженцев был жалкий, как у скотины, которую перегоняют во время засухи. В те дни дона Амелия была для них ангелом-хранителем. Она входила к ним в лачугу, как само провидение, как божья благодать. Теперь дона Амелия была пожилой женщиной, выглядевшей гораздо старше своих лет. Полковника никто не понимал, он сидел запершись в своем доме, весь надувшись от чванства. Дочь их обучалась у монахинь в Ресифе. Ей уже перевалило за тридцать; капризная и своенравная, она проводила дни в своей комнате за чтением книг, чураясь людей. Она напоминала сестру доны Амелии — дону Оливию, старуху с белой как лунь головой, сновавшую целыми днями из гостиной на кухню и обратно.

Старая Адриана зашивала раны оскопленным петушкам, которые вырывались у нее из рук.

Проводила лимоном по надрезу и сажала в углу со связанными лапками, чтобы они не разорвали себе швы. Негритянка Мариана снова заговорила:

— Знаете, кума, мастер Жозе Амаро несколько дней чинил здесь коляску хозяина, так я даже боялась подойти к нему. Мальчишка, носивший ему поднос с едой, рассказывал, что старик бог знает что молол о полковнике и его семье.

— Вы преувеличиваете, кума. Он о всех так говорит. Просто любит поболтать. Хотела бы я, чтобы мой муж Виторино был на него похож. Не подумайте, что я жалуюсь на мужа. У Виторино добрая душа, но он все время доставляет мне неприятности. Что с ним поделать! Он всегда такой — и зимой и летом.

— Да, кума Адриана, сеу Виторино не переделаешь. Но у него золотое сердце.

Из дома послышался крик:

— Флорипес!

— Это хозяин зовет Флорипеса. Он души в нем не чает. Чертов негр доволен своей жизнью. Как только пробьет час «Аве Мария», они принимаются за молитвы. Здесь все молятся. Кроме меня. Нет, нет, я не безбожница, кума. Просто эти моления мне не по нраву. Разве можно верить молитвам этого бесстыжего парня?

Они замолчали. Дона Оливия то и дело заходила на кухню и, ни на что не глядя, тут же уходила.

— Вертится тут под ногами, как веретено. Смотреть тошно!

— Это болезнь, кума Мариана. Обычная мания. Жена сеньора Жоакина Линса из Пау-Амарело, к примеру взять, все ездила верхом. Скакала, скакала, да и свернула шею. Мания — это дьявольское наваждение.

— У старика, видно, тоже мания. Что же это еще? Он привязался к Флорипесу и, как только близится вечер, велит ему звонить в колокол. И вот они курят ладан в молельне. Послушайте, кума, скажу вам откровенно: мне даже страшно, боюсь, как бы в этом доме не случилось чего.

Старая Адриана закончила свою работу.

— Кума Мариана, дона Амелия хотела поговорить со мной, не могли бы вы ее позвать?

Как раз в эту минуту вошла дона Амелия.

— Сеньора Адриана, можно вас на минутку?

Они вошли в пустую гостиную, где пахло сыростью. Высокие стулья выстроились в ряд перед двумя диванами; на стене картины, огромное зеркало.

— Сеньора Адриана, ваш муж заходит к нам и забивает Луле голову всякой ерундой. А Лула

всему верит. Я случайно слышала последний разговор между сеу Виторино и моим мужем. Луле не следует впутываться в политику. Вы ведь знаете его.

— А что Виторино говорил полковнику, дона Амелия?

— Речь шла о выборах и о деле арендатора, мастера Жозе Амаро. Это человек очень грубый. Отец рассказывал мне, что старый Амаро убил кого-то в Гойане.

— Дона Амелия, не беспокойтесь, я постараюсь, чтобы таких разговоров больше не было. С Виторино прямо беда. Он все время впутывается в эти дьявольские интриги.

— Сеньора Адриана, возьмите себе парочку кур.

— Не надо, дона Амелия. Мне ничего не надо.

— Я вас прошу, дона Адриана, возьмите курочек, они вам пригодятся.

Когда старая Адриана вышла из гостиной на воздух, ей показалось, будто она вырвалась из тюрьмы. Она направилась домой. Куры — подарок доны Амелии — спокойно сидели в корзинке, которую она несла на голове. Солнце нещадно палило, но под сенью кажазейр было даже прохладно. Старая Адриана шла по дороге, думая

о хозяевах каза-гранде. Каждый раз, когда она возвращалась от них, у нее возникало какое-то необъяснимое чувство. Что это за люди, почему они так не похожи на других? Она никогда не понимала их. Ей вспомнился старый негр Макарио — невольник капитана Томаса, который был предан ему до самой смерти. Старая Адриана остановилась у дома, где жили сестры сеу Лусиндо. Хорошие они женщины, тихие, мирные, целыми днями вяжут кружева.

— Зайдите, дона Адриана. Лусинда совсем разболелась. У нее нога распухла и все нутро жжет.

Старая Адриана вошла в комнату, где на циновке лежала больная. Глаза у нее запали, лицо сморщилось и стало землистого цвета, совсем как у покойницы.

— Это вы, дона Адриана? — спросила она, узнав ее по голосу.

— Я, дона Лусинда, принесла вам парочку кур.

Старуха была так плоха, что едва могла поблагодарить. Сестры стали рассказывать о ее болезни.

— Мы не хотим сказать ничего дурного, но Лусинда винит во всем мастера Жозе Амаро.

— При чем же тут он, дона Марикита?

— А вот при чем. Лусинда сидела у дороги, вон там, возле мастикового дерева. В это время мастер

Жозе Амаро возвращался из Санта-Фе. Лусинда говорит, что, едва завидела, как он ковыляет, ей сразу же стало не по себе. Мастер остановился возле нее, чего он раньше никогда не делал, и спросил, как здоровье. Она ответила: «Слава богу, ничего!» А тот посмотрел на нее своими желтыми глазами и опять спросил: «Слава богу или слава дьяволу, дона Лусинда?» Лусинде показалось, что перед ней сам дьявол. С того самого дня у нее и появилась эта хворь.

— Все это ерунда, дона Марикита. Откуда у него может быть такая сила?

Но старухи не соглашались. Они считали, что мастер Жозе Амаро сглазил сестру.

Сеньора Адриана еще немного поговорила с ними и стала прощаться: ей хотелось прийти домой засветло. Когда она вышла на дорогу, то вновь почувствовала себя свободной, точь-в-точь как после гостиной доны Амелии. Неподалеку от дома шорника ей повстречалась негритянка, которая по ночам ловила рыбу на реке. Адриана хотела пройти мимо, но та ее остановила.

— Сеньора Адриана не хочет разговаривать с бедняками? Сеу Виторино только что здесь проехал, он очень торопился. Сказал мне, что едет в Пилар. Что пишет ваш сын, дона Адриана?

Пришлось остановиться и сделать вид, что она очень рада встрече с негритянкой.

— Вы уже слышали, дона Адриана? Говорят, мастер Жозе Амаро повадился бродить по ночам. Я его иногда встречаю здесь на берегу реки; какой-то он чудной. Сдается мне, с ним что-то неладное.

Старой Адриане не хотелось говорить: все это казалось ей нелепостью.

— Сеньора Маргарида, я не люблю толковать о таких вещах. Я очень люблю кума, а кума Синья — просто святая.

— Я ничего не хочу сказать плохого. Но только я встретила его здесь ночью, он был сам не свой; ну зачем человеку бродить по ночам, дона Адриана?

— Мне пора, а то скоро стемнеет.

Болтовня негритянки ее раздражала. Не хватает еще увидеть, как кум бродит ночью, точно дикий зверь. Она подумала о своем сыне Луисе, которому мастер Жозе Амаро приходился крестным. У сына не было ничего общего ни с горемычным отцом, ни с жизнью семьи. Мальчик был так непохож на Виторино: спокойный, ласковый, нежный. Она согласилась, чтобы он пошел в моряки, только бы не страдал из-за своего отца.

У доны Адрианы сжалось сердце при воспоминании о сыне. Должно быть, он уже плавает по морям. Время от времени он писал ей, но ни разу не приезжал домой. Уехал он в Рио-де-Жанейро в школу юнг, и сейчас, наверное, уже получил назначение. И все это из-за отца. От нее бы он не уехал, он сбежал из-за него. Она медленно шла по пустынной дороге, думая о своем любимом сыне, которого, вероятно, больше никогда не увидит. Луис очень переживал за отца. И было из-за чего! Ведь его наградили прозвищем, над ним все потешались и издевались. Бедный Виторино! Иногда она теряла терпение и была с ним груба. Мастер Жозе Амаро часто говорил ей: «Кума Адриана, с таким человеком, как ваш муж, не оберешься хлопот!» Но что делать, как изменить жизнь Виторино? Все, что терпеливая жена могла сделать, она уже сделала. Она работала не покладая рук, чтобы содержать дом. Виторино пропадал целыми днями, где-то бродил, доставляя ей одни неприятности. Она боялась мысли, что ее сын, глядя на отца, вырастет таким же. Скрепя сердце Адриана определила мальчика в моряки. Как ее осуждали, сколько обидного пришлось ей выслушать из-за этого! Отослать единственного сына во флот! Она много плакала, не спала по ночам,

постарела, но все же отправила. Была благодарна хозяевам Санта-Розы за то, что они помогли ему поступить в морскую школу в Параибе. И никогда не раскаивалась в том, что сделала. Господь бог и пресвятая дева Мария возьмут ее сына под свое покровительство в этом грешном мире. А вот и ее кум, Жозе Амаро, сидит под своим навесом. Надо зайти к ним. Питомбейра почти скрывала навес. Завидев гостью, мастер встал.

— Добрый вечер, кум.

— Далеко ли идете, кума Адриана?

— Возвращаюсь из Санта-Фе. Я там работала по просьбе доны Амелии. Дома кума?

— Пошли с девочкой на луг, к реке. Как ваше здоровье?

— Слава богу, ничего.

— Кум Виторино недавно проезжал тут. Он сказал, что едет по поручению полковника Лулы к сеньору Самуэлу, судье в Пиларе.

— Что мне с ним делать, кум! Дона Амелия рассказала мне об этой истории с выборами, говорит, что Виторино и полковник Лула что-то затеяли.

— Уж и не знаю, кто из них больше виноват, кума, — то ли кум Виторино, то ли полковник. Этот чертов старик только и знает молиться, будто собирается стать священником. Я там две недели

чинил коляску. Каждый день меня кормили треской. Мальчишка говорил, что они постятся. У них что ни день, то пост. Старик, видимо, спятил.

Из-за дома показалась старая Синья с дочерью. Обе кумы поздоровались. Марта пошла в дом, а мастер Жозе Амаро продолжал:

— Кума Адриана, я все время твержу жене: «У этого полковника Лулы не все дома». Две недели я там работал, и он ни разу не зашел узнать, как идут дела. А этот, как его — негр Флорипес распоряжается там как управляющий. Поместье Санта-Фе старого капитана Томаса совсем захирело.

Старая Синья пригласила куму в дом. До мастера доносился тихий говор женщин, похожий на монотонное жужжание.

И вдруг ему захотелось наговорить им всяких гадостей. Чего они языки чешут? Последнее время Жозе Амаро стал грубым и несдержанным.

Наступал вечер, а вместе с ним, как всегда, приходила тоска. Марта пошла загонять кур, где-то далеко лаяли собаки, этот лай казался мастеру дурным предзнаменованием. С наступлением вечера беспокойные мысли все больше одолевали его. К горлу подступал комок, по телу пробегала дрожь. Охватывал непонятный страх. Страх

перед чем? Ведь смерти он никогда не боялся… Сегодня его дочь сзывала кур вместо матери. Они разбегались в разные стороны, не обращая внимания на зов Марты. Девушка металась по двору, и куры в испуге шарахались от нее. Мастера охватывало отчаяние. Он едва сдержался, чтобы не послать все к чертям. Ему хотелось выругаться. Но тут он услышал голос, который вернул его к действительности. Это был бишейро Салвадор.

— Добрый вечер, мастер Зе. Доне Синье сегодня выпал выигрыш на «зайца». Она выиграла четыре милрейса. Банк нынче в убытке. Один майор Жозе Жоан загреб сотню.

Слова бишейро едва доходили до сознания Жозе Амаро.

— Мастер Зе, не могли бы вы позвать дону Синью?

В этот момент жена шорника вышла из дома вместе с гостьей.

— Добрый вечер, дона Синья, у меня для вас радостная весть. Вы выиграли на «зайца».

— Что вы говорите, сеу Салвадор?

— Вам было знамение во сне, кума?

— Нет. Просто предчувствие.

— На днях, кума, я видела во сне тигра, но, как нарочно, сеу Салвадор в этот день не проходил

мимо.

— Сеньора Адриана, я встретил в Пиларе сеу Виторино. Он поднял страшный шум возле дома старого Кинки Наполеона. Сеу Виторино очень несдержан на язык. Я слышал, что сеньор Самуэл собирается назначить его судебным исполнителем.

— Не приведи господи, сеу Салвадор, Виторино ничего не смыслит в этих делах.

— Почему не смыслит, дона Адриана? Разве он не справедливый человек? Он, конечно, немного чудаковат, и люди посмеиваются над ним, но... Завтра я зайду выплатить вам выигрыш, дона Синья. — И, обернувшись к мастеру, сказал: — Я слышал, мастер Зе, что вы голосуете против правительства. Мне говорил об этом Лаурентино.

Шорник с неприязнью посмотрел на Салвадора.

— Делайте свое дело, сеу Салвадор, и не лезьте в чужое.

— Извините меня, мастер. Я спросил это просто так. Лаурентино рассказывал об этом почтальону на станции. Он хвалил вас.

— Я не просил об этом Лаурентино. Пусть он катится ко всем чертям, сеу Салвадор. Я имею право голосовать, за кого хочу, хоть за самого дьявола!

— Замолчи, Зека! Разве можно так?

— Кум, уж лучше промолчать, чем говорить подобные вещи.

— Почему я должен молчать, кума Адриана? Выходит, этот негр может прийти сюда, болтать черт знает что, а я должен слушать?

— Я этого не говорила, кум.

Бишейро что-то пробормотал и поспешил уйти. Вскоре он скрылся за поворотом дороги. Наступило неловкое молчание. Старая Адриана распростилась. Уже отойдя от дома, она услышала визгливый крик мастера Жозе Амаро:

— Будь они все прокляты! Пусть провалятся в преисподнюю!

Что с ним? Почему он такой злой? Никогда еще не видела она его таким желтым, даже глаза стали будто из яичного желтка. Должно быть, хворь какая напала. А что с Виторино? Она боялась, когда ее муж начинал с кем-либо ссориться. В такие минуты он может натворить бог знает что. Так случилось однажды во время ссоры с капитаном Жозе Медейросом. Разъяренный капитан набросился на Виторино с кулаками. Хорошо, что его вовремя удержали, а не то бы быть беде. Теперь Виторино поругался с майором Кинкой Наполеоном. И находятся же люди, которые при-

дают значение выходкам ее мужа. Сколько раз приходилось ей обращаться к своим покровителям — хозяевам Санта-Розы, чтобы вызволить Виторино из беды. Когда он решил наказать мальчишку из энженьо Рекрейро и проломил ему голову камнем, судья начал дело и Виторино чуть было не попал за решетку. Он спасся только потому, что она ходила из одного энженьо в другое и просила вступиться за мужа. Судья был в бешенстве. А все потому, что Виторино болтал про него всякие глупости.

Почти совсем стемнело, когда она добрела до своего дома. Кобыла Виторино была привязана к стволу большого дерева. В комнате горел свет. Уже во дворе она заметила, что в доме посторонние люди. Войдя и увидев окровавленного Виторино, она едва не лишилась чувств.

— Что с ним? — крикнула она двум мужчинам, разговаривавшим в углу.

— Очередная выходка сеу Виторино, дона Адриана. Он на чем свет стоит поносил Кинку Наполеона у дверей его магазина. Тогда вышел приказчик с ковадо[17] прогнать сеу Виторино. Капитан бросился было к нему, чтобы отнять

---

[17] Примечания: 17

Ковадо — здесь: деревянная линейка для отмеривания тканей.

ковадо, а тот стукнул его по голове.

— Горе с ним. Неужели они не понимают, что сеу Виторино не способен никому причинить зла?

— Заткнись, старая корова! — закричал на нее Виторино. — Весь этот сброд меня боится! Я не убил эту собаку только потому, что меня схватили. Виторино Карнейро да Кунья не бегает от этих сволочей.

Мужчины рассмеялись. Дона Адриана подошла к мужу, чтобы осмотреть рану. У него был слегка рассечен лоб над правым глазом.

— Пустяковая рана. Когда негодяй поднял ковадо, я его так треснул кулаком по башке, что он свалился на землю. Трусливая скотина!

— Да помолчи ты, старый дурак!

— Это кто — старый дурак?

Сделав над собой усилие, он встал. Но ноги не слушались, он побледнел, хотел что-то сказать, голова закружилась, и все тело обмякло. Дона Адриана бросилась к мужу, его приподняли и снова уложили в гамак. По бледному лицу капитана Виторино Карнейро да Кунья струился пот. Обеспокоенная жена дала ему понюхать чесноку. Наконец он пришел в себя, огляделся и вопросительно посмотрел на жену.

— Что со мной, старуха?

— Ничего, Виторино, тебе нужно выпить чашечку кофе.

Мужчины собрались уходить. Ослабевшим голосом старик сказал им:

— Передайте этому голодранцу, что я выколю ему глаза.

Мужчины на этот раз не улыбались. Они с грустью сказали доне Адриане:

— Бедный сеу Виторино. И как только вы ладите с ним.

Когда они ушли, старая Адриана подумала о сыне и заплакала. Капитан Виторино застонал в гамаке.

— Сейчас, Виторино.

Она вытерла слезы и пошла на кухню приготовить кофе.

Виторино стонал. Если бы Луис был здесь, никто не посмел бы так оскорблять его отца. Ей хотелось, чтобы сын приехал в Пилар в морской форме, сильный, смелый, и как ураган обрушился на врагов. Она хотела, чтобы он отомстил за своего отца, за все оскорбления, которым тот подвергался, за то, что старика избили как собаку.

— Адриана, подойди ко мне.

Она подошла. По лицу его змейкой струилась

кровь. Он человек добрый, чистое дитя несмышленое, а этот подлец так избил его…

Разве полковник Жозе Паулино не его родственник? Почему же он позволяет, чтобы над Виторино так издевались? Нет, никому нет дела до ее мужа. Только сын Луис, моряк, сильный, смелый, мог бы за него отомстить. Только Луис мог смыть с него этот позор. Виторино спал безмятежным сном. Она взяла простыню и накрыла ею своего злосчастного мужа. Глупый ребенок с седыми волосами. И тихонько, точно убаюкивая младенца, она покачала гамак, в котором, как в колыбели, покоилось большое тело Виторино Карнейро да Кунья.

V

Старая Синья толком не знала, что происходит с ее мужем. Он всегда отличался скверным характером, был груб и неприветлив. Но сейчас с ним творилось неладное. Она видела, как он злится по каждому пустяку, даже на скотину, даже на деревья. Старость тут ни при чем, возраст смягчает сердца людей. Бедная Марта, ей особенно достается от отца; он то и дело кричит на нее и обзывает такими словами, которые оскорбили бы даже человека с каменным сердцем. Но ее уже ничего не трогает, она уже не человек, а живой труп. Синья не желала примириться с судьбой дочери. Чем она хуже других? Она не уродлива, и в ней нет ничего такого, чего она могла бы стыдиться. И тем не менее не нашлось ни одного парня, которому бы она понравилась. Она всегда была печальной, это верно. С детских лет девочка тихо сидела в углу, и Синье даже нравилось это. Кума Адриана как-то сказала ей:

— Кума, девочка должна быть поживее.

Синья этого не считала. Девушка, по ее мнению, должна вести себя скромно и внушать к себе уважение. Марта выросла, а характер у нее

не изменился. Она поступила в школу в Пиларе, научилась читать и писать красивым почерком, выучилась вышивать, кроить, шить. И все же ни один парень не остановил ее и не заговорил с ней. Девушки гораздо более некрасивые и неуклюжие выходили замуж, едва только созревали для брака. А Марте уже за тридцать. Она нервна, плаксива, и это пугает отца. Бедная девочка! К тому же еще отец терпеть ее не может. Он кричит на нее, без конца попрекает и придирается. Почему так получилось, почему судьба невзлюбила ее, думала старая Синья, в то время как мастер Жозе Амаро колотил под навесом кожу. Это ремесло и повредило здоровью мужа. Цвет его лица стал совсем таким же, как кожа, которую он обрабатывал, он пропах кожей, пропитался ею насквозь. Первое время после замужества Синья никак не могла привыкнуть к этому запаху. Когда муж близко подходил к ней, тошнота подступала к горлу. Особенно она мучилась, когда была беременна Мартой. Ее преследовал этот страшный запах — запах, от которого нельзя было избавиться. И все же она привыкла. Ей пришлось свыкнуться с ним, хотя это отняло у нее часть жизни. Когда старая Синья готовила на кухне завтрак, ее неотступно преследовали одни и те

же мысли. И как она ни пыталась их отогнать, ничего не получалось, они мучили ее, причиняя сердцу боль. Временами мастер переставал долбить кожу, и тогда все погружалось в тишину. Слышно было только похрюкивание свиней, да с дороги доносился конский топот. Потом молоток снова начинал стучать, а старая Синья все никак не могла отделаться от своих печальных дум. Почему Зека так ведет себя? Почему так плачет их дочь? Она слышала, как прохожие здороваются с ее мужем. Слышала, как он отвечает, иногда неприветливо, а чаще резко. Она старалась ни о чем не спрашивать его, боясь нарваться на грубость. Всячески избегала говорить с ним: он тут же разражался криками. Марта пошла на реку за водой. Дом без нее казался матери совсем пустым. Только дочь привязывала ее к этому миру. Только ради дочери она еще жила и все сносила безропотно, молча, совсем как рабыня, которая не решается повысить голос и высказать свое мнение. Она завидовала своей куме Адриане; та делала все по-своему. Несмотря на свои чудачества, кум Виторино был добрым человеком. А Зека, наоборот, жесток, бездушен, сух, как старое дерево, злобен и ядовит на язык. Таким он был всю жизнь, с тех самых пор, как она с ним позна-

комилась. Он всегда обо всем судит по-своему, всегда все знает, и всегда только он один прав. Пришла Марта, поставила кувшин в комнату и зашла на кухню. Мать взглянула на дочь, и ей бросилось в глаза, что бедняжка стареет, так и не начав жить. Бледная, глаза застывшие, возле рта горькие складки, как у человека, которому много пришлось пережить.

— Что с тобой, девочка?

— А тебе-то что, мама?

Вот так всегда — привыкла дерзить. Только отца она слушает молча, опустив глаза; с Зекой, который говорил ей всякие колкости, она была кроткой овечкой, даже слишком кроткой, совсем не похожей на себя. Верно, затаила на него злобу. Что поделаешь, судьба. А от судьбы не уйдешь! Все от бога. Снаружи донеслись голоса. Кто-то разговаривал с ее мужем. Она пошла взглянуть, кто это, и увидела негра Флорипеса из Санта-Фе.

— Мастер Жозе Амаро, мой крестный страшно разозлился. Вы знаете, ведь у него доброе сердце. Но ему передали, как вы отзываетесь о каза-гранде. Дона Амелия даже плакала.

— А что я такого сказал, сеу Флорипес? Я занят своей работой. Говорю то, что думаю, и ни от кого ничего не скрываю. Живу здесь уже много лет и

еще никому не давал собой помыкать.

— Я не об этом, мастер; доне Амелии сказали, что вы всякой ерундой забили голову мальчишке, который носил вам еду, и теперь он болтает бог знает что о доне Ненем.

— Я не маленький, сеу Флорипес, и не Виторино Кусай Хвост. Все, что я говорю, я ни от кого не скрываю. Что же полковник Лула теперь от меня хочет?

— Он ничего не хочет. Я пришел только предупредить вас.

— Ну что ж, спасибо. Только вот что я вам скажу, сеньор Флорипес: я терпеть не могу подобных штучек. У меня разговор прямой. А эти бабьи сплетни не по мне. Я весь день тружусь в своем доме, и если кто-нибудь хочет знать, что думает мастер Жозе Амаро, пусть сам придет и спросит. Я все скажу в лицо, без обиняков. Слышите, сеу Флорипес? Меня не испугаешь! Я ничего не боюсь. У меня жена и дочь. Вот все, что я имею. Но если кто-нибудь посмеет тронуть Жозе Амаро, тогда пусть пеняет на себя. Слышите, сеу Флорипес?

— Вы, кажется, рассердились. Я человек набожный, мастер Жозе Амаро.

— При чем тут набожность! Не прикидывайтесь дурачком.

Мастер Жозе Амаро поднялся. В желтых глазах его сверкали злые искры, как у дикого кота, в руке он держал нож. Негр Флорипес замер на табурете.

— Послушайте, сеу Флорипес, если вы пришли сюда пугать меня, то можете уходить. Вам здесь делать нечего.

— Но, мастер, я пришел сюда не для этого.

Негр дрожал. Ярость шорника все нарастала:

— Вон отсюда!

Из дома вышла старая Синья.

— Что случилось, Зека?

— Ничего не случилось. Я все время твержу, что никому не позволю помыкать собой. А этот негр пришел сюда говорить мне дерзости.

Флорипес поднялся.

— Дона Синья, ваш муж зря сердится. Я ничего ему такого не сказал. Я только пришел предупредить…

— Наплевать я хотел на предупреждения. Пошел вон, сукин сын!

Он подступил к негру вплотную. Голос его срывался от бешенства. Флорипес отскочил в сторону, спасаясь от разъяренного старика. Уже стоя на дороге, он крикнул мастеру Жозе Амаро:

— Я все расскажу крестному.

Мастер сел на свой табурет; он был бледен. Его одутловатое лицо покрылось испариной. Казалось, в него вселился сам дьявол.

— Жена, дай мне стакан воды.

Канарейка распевала на карнизе. Солнце, пробивавшееся сквозь облака, придавало утру особую мягкость. Горлицы стайкой разгуливали по траве. В тени питомбейры мирно лежал осел. Вокруг было тихо и спокойно, а сердце мастера Жозе Амаро бешено колотилось. Когда жена принесла ему воду, он сказал:

— Чую я, прежде чем меня отсюда выселят, натворю я бед.

— Не говори так, Зека.

— Они хотят, чтобы я стал таким же, как Виторино. Но у них ничего из этого не выйдет. Никто не смеет помыкать мной. Я бедный человек, но я честен.

Он замолчал. Синья вернулась в дом. В воздухе ароматно пахло едой, готовящейся на очаге. Мастер Жозе Амаро почувствовал горечь во рту. Он схватил молоток и снова с яростью принялся за работу. Издали послышалось сухое пощелкивание — это хлопал своим ковадо итальянец, торговец галантерейными товарами. Старая Синья выглянула в окно.

— Едет сеу Паскоал Итальянец. Надо будет купить у него несколько мотков ниток.

Вскоре к дому шорника подъехала лошадь, навьюченная чемоданами со всякой всячиной.

— Как поживаете, сеу Жозе? У меня много коечего есть по дешевке.

— Добрый день; жене что-то нужно.

Мастер продолжал свою работу. А Итальянцу хотелось поговорить. Он рассказал историю избиения Виторино и то, что судья Самуэл отнесся с сочувствием к бедняге и собирается привлечь виновного к ответственности. Мастер негодовал;

— Избить такого человека — это все равно что поднять руку на слепого.

Итальянец, только что побывавший в Санта-Розе, сказал, что и полковник Жозе Паулино возмущен случившимся.

— Слава тебе, господи! Почему бы ему не позаботиться о своем родственнике? Бросают беднягу Виторино на произвол судьбы, а когда с ним что-нибудь случается, они же и возмущаются. Его сильно ранили, сеу Паскоал?

— Не знаю, сеньор; говорят, ему проломили череп.

Мастер резал расстеленную на земле кожу. Итальянец поставил чемоданы под питомбейрой.

— Марта, пойди взгляни, что там есть у сеу Паскоала.

В окно выглянула Марта, она с интересом разглядывала разложенные на земле товары.

— Мама, купи ниток для вышивки, которую я делаю доне Ненем.

— Кому?

— Доне Ненем из Санта-Фе.

— Этого еще не хватало. Моя дочь не должна работать на этих людей. Нечего для них вышивать.

Марта отошла от окна, а дона Синья, как ни в чем не бывало, продолжала готовить обед.

Итальянец с удивлением посмотрел на мастера:

— Так вы уже знаете, сеу Жозе, что у нас будет новый правительственный кандидат?

— Кто же это?

— Полковник Рего Баррос.

— Вот что я вам скажу, сеу Паскоал, человек, который сидит здесь, перед вами, и колотит кожу, знает только свое дело.

И замолчал, жалея о том, что заговорил. Итальянец, продолжая доставать из чемодана нитки и пуговицы, насторожился.

— Вы не пойдете голосовать, сеу Жозе?

— Сеу Паскоал, можете сообщить всем, что

мастер Жозе Амаро будет голосовать за одного человека. За капитана Антонио Силвино.

— Вы шутите, сеу Жозе.

— Какие там шутки!

— Не верьте ему, сеу Паскоал.

— Не верить? А я говорю, что буду голосовать за капитана Антонио Силвино. А почему бы мне за него не голосовать? Только потому, что он — кангасейро[18]и со своими людьми бьет богачей? Ведь заправилы Рибейры устраивают в его честь банкеты, лижут ему пятки.

Итальянец отмерял ленту для доны Синьи. Он боялся даже взглянуть на Жозе Амаро, так его испугали слова мастера. Имя Антонио Силвино внушало торговцу ужас. Как-то раз, когда он ехал по лесу Роло, его со всех сторон окружили люди из шайки Силвино. Кангасейро велели ему открыть чемоданы и отобрали все кольца из американского золота. Правда, ему заплатили, но он сильно перепугался. Капитан отозвал Итальянца в сторону и спросил, не встречал ли он по дороге полицейских. Это был белый человек, красивый, с черными усами. Он прикрикнул на торговца, грозя поколотить его, если тот не расскажет ему

---

[18] Примечания: 18

Кангасейро — крестьяне, объединявшиеся в вооруженные отряды и нападавшие на богатых землевладельцев.

все, что знает о Маурисио. И теперь слова мастера произвели на Паскоала такое сильное впечатление, что он тут же принялся упаковывать свои чемоданы. Жена шорника расплатилась, и торговец совсем уже было собрался ехать, как вдруг на дороге появился старый негр Жозе Пассариньо; он, как всегда, был пьян.

— Добрый день, люди божьи. — И, обернувшись к мастеру, добавил: — Значит, мастер Зе, вы набиваете брюхо этому гринго[19]?

Итальянец рассвирепел:

— Заткнись, свинья.

— Свинья это твоя мать, сукин ты сын. — И пригрозил: — Смотри, за меня отомстит капитан Антонио Силвино. Недаром поговаривают, что ты выдаешь его людей полиции.

— Ах ты, негр паршивый!

— Смотри, как расхрабрился!

Итальянец схватил палку и хотел наброситься на старика.

— Сеньор Паскоал, что вы распетушились! Стоит ли обращать внимание на Пассариньо?

Навьюченная лошадь уже выходила на дорогу, когда мастер Жозе Амаро крикнул вслед

---

[19] Примечания: 19
Гринго — так в Латинской Америке называют иностранцев.

торговцу:

— Если встретите капитана, передайте, что я голосую за него.

Жозе Пассариньо сел на землю. Глаза у него были красные, грязные лохмотья едва прикрывали тело, ноги распухли.

— Мастер Зе, дело в Пиларе разгорается. Сеу Виторино вчера ездил туда в сопровождении полицейского. Говорят, что судья собирается посадить Кинку Наполеона за решетку из-за того, что старику проломили голову. Ну и храбр этот сумасшедший старикан! У ворот тюрьмы он во всеуслышание заявил, что будет теперь защищаться кинжалом. Он носит его с собой и всем показывает.

Мастер Жозе Амаро работал молча. Пассариньо выговорился и заснул тут же под сенью питомбейры. Осел подошел к негру, понюхал его голову и пошел дальше. Время от времени на дороге появлялись люди и кланялись мастеру. Негр лежал на спине и храпел. Мухи облепили его лицо и расстеленную на земле кожу. Из дома послышался плач дочери, мастер позвал жену и спросил, в чем дело.

— Бог мой, и ты еще спрашиваешь! Ведь ты сам только что накричал на нее без всякой при-

чины!

— Да что я, трогал ее? Ну скажи мне, жена, трогал я эту дуру?

Старая Синья ничего не ответила и ушла. Спустя некоторое время она позвала его:

— Зека, иди есть.

Близился вечер. Мастер слушал, как на карнизе заливается канарейка. Кругом все дышало спокойствием: и солнце, и легкий ветерок, и листья питомбейры, едва колыхавшиеся на ветру. Негр Пассариньо храпел. Неожиданно на понуро бредущей кляче появился капитан Виторино Карнейро да Кунья.

— Добрый день, кум.

— Передохните у нас немного, кум Виторино?

— Мне некогда. Как идет работа?

— Да все так же. Можете привязать лошадь, кум.

Никогда раньше Жозе Амаро не был так любезен с капитаном Виторино. Виторино подошел к навесу и уселся на табурет. На лбу у него был виден еще не заживший шрам. Правый глаз припух и покраснел.

— Вот так-то, сеу мастер, — заговорил Виторино, — проклятые кабры не выносят меня. Кинка Наполеон думал, что я испугаюсь, и велел всы-

пать мне. А тот подлец, который начал со мной драку, слыл в сертанах храбрецом. Но я повалил негодяя вот этими самыми руками и еще отвесил ему оплеуху. Виторино Карнейро да Кунья на удар отвечает ударом. Они сильно ошибаются во мне. Сеньор Самуэл возбудил уголовное дело. Но я ему сказал: «Сеньор судья, оставьте все это. Такой человек, как я, и без закона добьется, чтобы его уважали». Но он уперся на своем. А Кинка Наполеон уже подсылал ко мне эту собаку Маноэла Феррейру де Серинья, он хочет, чтобы я отказался от иска. Я сказал Маноэлу Феррейре: «Я знал вашего отца, сеу Маноэл Феррейра, он был человеком слова: говорил всем, что никому не платит, и действительно никогда не оплачивал счета». Феррейра хотел надерзить мне, но у него этот номер не вышел. Я тут же выложил ему все, что думал. Вы ведь знаете, кум, Виторино Карнейро да Кунья за словом в карман не полезет. И я ему сказал: «Маноэл Феррейра, передайте Кинке Наполеону, что я не ворую земли. У меня сын — моряк, и вот он, кинжал, которым я вспорю брюхо проклятому кабре».

Мастер Жозе Амаро молча слушал капитана Виторино. Он перестал работать и думал, что старик очень похож на большого ребенка, на

неугомонного мальчишку. В глубине души он им восхищался. Виторино говорил все, что думал. Все, что накипело у него на душе, он высказывал помещикам прямо в лицо; он кричал об этом повсюду, никого не боясь.

— Вам здорово досталось, кум?

— Да нет. Рана пустяковая. Вот крови вытекло порядочно. Моя старуха так испугалась, что хотела отвезти меня к доктору Шико в Итамбэ. Но я ей сказал: «Послушай, старая, если ты хочешь моей смерти, то лучше прикончи меня здесь. Я этому доктору Шико в руки не дамся!»

Из окна выглянула старая Синья.

— Добрый день, кум Виторино; как поживает кума Адриана?

— Здравствуйте, кума Синья. Со старухой что-то неладно. Теперь она принялась плакать из-за сына. Это началось после моей драки там, в Пиларе.

— Вас побили, кум?

— Еще чего, дона Синья! Кто это посмеет побить Виторино Карнейро да Кунья! Еще не родился такой человек. — Глаза его округлились, и он встал, сжав кулаки. — Вы меня еще не знаете, дона Синья. Я сам могу за себя постоять. Эти негодяи еще узнают меня. — И он вытащил кинжал. — Я ношу

эту штуку с собой, чтобы всадить ее в брюхо проклятому кабре, а не затем, чтобы ногти чистить.

— Да успокойтесь, кум, Синья сама не знает, что говорит. Женщина — что с нее взять!

Жозе Пассариньо поднял голову. Он еще не очухался. Его красные глаза уставились на старого Виторино. Он с трудом сообразил, кто перед ним.

— Это капитан Виторино?

— Заткни свою пасть, пьяная рожа!

— Капитан, не обижайте меня. Я знаю, что вы человек храбрый. Я тоже храбрый, если на меня нападают с ножом, я встречаю с кинжалом.

Капитан Виторино не слушал. Мимо проехал, звеня своими колокольчиками, кабриолет полковника Лулы. Из коляски поздоровались. Мастер Жозе Амаро не встал, как обычно. Виторино снял шляпу, а негр Жозе Пассариньо, поднявшись, сказал:

— Старый Лула целыми днями молится, как кающийся грешник. Говорят, у них в доме даже собака знает «Отче наш».

Капитан, не обращая внимания на слова негра, продолжал:

— Этот Лула де Оланда смеется надо мной. Дона Амелия позвала мою жену и черт знает что ей наговорила. Но мне наплевать на Лулу де Оланда.

Это же бык с белой задницей!

— По-моему, кум, вы его чересчур поносите.

— Кума, этот разговор для мужчин. Негру и женщине вмешиваться нечего.

Мастер Жозе Амаро рассмеялся. Негр Жозе Пассариньо недовольно пробурчал:

— Ишь ты, какой нашелся! Почему бы вам, капитан, не вступить в шайку Антонио Силвино?

— Заткнись, бесстыжая рожа! — И он замахнулся на негра прутом. — Заткнись, а то я тебя!

— Сеу Жозе, — вмешалась дона Синья, — оставьте его в покое.

— Черт знает что! Нельзя поговорить спокойно!

— Говорите сколько хотите, сеу Виторино.

— Не смей меня так называть. Заткнись, понял? Я не твоей породы.

Жозе Пассариньо решил уйти, но, выйдя на дорогу, он, повернувшись к навесу, громко крикнул:

— Кусай Хвост!

И побежал прочь. Издалека все еще доносился его крик: «Кусай Хвост, Кусай Хвост!» Мастер Жозе Амаро заметил, как огорчился его кум. Впервые он видел у старика такое грустное лицо. Капитан Виторино Карнейро да Кунья был печален…

Кобыла нетерпеливо била копытом по земле. Ее израненную спину облепили мухи, сидевшие до этого на Жозе Пассариньо. Чтобы нарушить затянувшееся молчание, мастер Амаро заметил:

— Кобыла у вас вроде потолстела!

— Это верно. Я даже подумываю ее продать. Присмотрел себе лошадь у сеу Аугусто из Ойтейро. А ему очень нравится моя кобыла, и он во что бы то ни стало хочет ее заполучить. Каждый раз, как я туда приезжаю, сеу Аугусто предлагает мне поменяться лошадьми. Я чертовски привязался к этой кляче. И не поменял бы ее ни на одну из здешних породистых лошадей. Посмотрите, какое у нее шелковое брюхо, кум. — И, как бы вспомнив прерванный разговор, заявил: — Да, кум, выборы уже не за горами. Рего Баррос из тех людей, кто в два счета наведет порядок в нашей Параибе. Учтите, что это вам говорит человек, который знает политику как свои пять пальцев.

— Э, мое дело сторона. Я живу, работаю и, наверное, отправлюсь отсюда только на кладбище.

— Что за ерунда, кум! У вас есть голос.

— А что такое голос, кум?

— Голос — это мнение. Это наказ, который вы даете тем, кто наверху. Вы вот сидите здесь, а распоряжаетесь депутатом, губернатором.

— Кум Виторино, я хочу распоряжаться только в своей семье.

— Вот поэтому наш край и находится в таком запустении. Да, да! Потому что такие люди, как мой кум Жозе Амаро, не хотят понять, чем они обладают.

— Ничем я не обладаю, кум.

Появилась Марта с кувшином на голове.

— Вот что мне пришло на ум, Жозе. Давайте выдадим ее замуж.

Мастер сделал вид, что не слышит его слов. Дона Синья принесла две чашки кофе.

— Крепкий кофе, кум.

Виторино поблагодарил.

— Отличный кофе! Свой?

— Нет, из Брежо-де-Сан-Висенте. Его привез Зеке Алипио.

— Кусай Хвост! — крикнул кто-то писклявым голосом с дороги.

Это был мальчишка из Санта-Розы, который нес со станции газеты. Виторино вскочил и швырнул в него хлыст, будто это был камень. Прут взметнулся в воздух, как стрела. Но мальчишка не унимался:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

— Ну как может порядочный человек жить

среди таких сволочей! Это все козни Жуки из Санта-Розы. Напрасно, кум, они так относятся к капитану Виторино. Очень напрасно. Ну ладно, я пошел.

Мастер Жозе Амаро не стал удерживать кума. Ему вдруг нестерпимо захотелось побыть одному, погрузиться в свой мысли. И когда старый Виторино уезжал по дороге на своей изможденной, неторопливо шагавшей кляче, сердце Жозе Амаро наполнилось жалостью, какой он раньше никогда не испытывал. В эту минуту он не считал своего кума бездельником, достойным презрения, он любил этого человека и был готов защитить его от людских насмешек, от безжалостных мальчишек и злых языков. Он испытывал к нему почти отцовскую любовь.

Жозе поднялся с табуретки и подошел к обочине дороги. Алые цветы кардейро полыхали, точно языки пламени. Сильный северо-восточный ветер раскачивал ветки кажазейр.

Жозе Амаро думал пройтись, но его окликнула жена. В голосе ее послышалась тревога. Он заторопился и, войдя в комнату, увидел на полу дочь, которая металась и бормотала что-то, как в припадке. Мать давала ей нюхать чеснок, обливаясь горькими слезами. Понемногу Марта стала

приходить в себя. Она затихла, замерла, глядя перед собой ничего не видящим взглядом. Они уложили ее в постель. Синья рассказала шорнику, как все произошло:

— Я была на кухне, вдруг слышу крик и сразу побежала посмотреть, в чем дело. Прибежала сюда. Смотрю, а девочка бьется в судорогах на полу, точно затравленный зверек. Я уже и не помню, что сделала. Так и знала, что с Мартой что-то происходит. Меня не обманешь.

Мастер Жозе Амаро молчал. Молча он сел за стол и стал есть. Ел он медленно, словно через силу. Жена, совсем расстроенная, сказала:

— Бедная девочка! Весь день мучается, и вот результат. С дочерью Жоке Мариньо было точно так же. Это девичья болезнь. Я знаю.

Мастер продолжал молчать. Он слышал приглушенный плач дочери. Потом встал из-за стола. Был уже вечер. Огромная красная луна появилась над рощицей на холме. Здесь он прожил всю жизнь, всю свою жизнь. Если хорошо разобраться, то куму Виторино было лучше, чем ему. Тот не мучился так, как он. У Виторино нет такого холода в сердце, такой горечи во рту, такого отчаянного желания что-то сделать, а что именно, он и сам еще не знает. Мимо дома крестьяне из

какого-то дальнего сертана гнали скот. Слышалось щелканье бича, крики погонщика. Жена подошла поговорить о дочери. Все это ее очень сильно беспокоило. Он еле сдержался, чтобы не заорать на нее, — пусть она замолчит и оставит его наедине с его горем.

— Да, Зека. Мы сами во всем виноваты.

— В чем, жена?

— В том, что случилось.

Он ничего не сказал, на лице его появилось безразличное выражение, которое так не вязалось с его настроением. Синья понимала, что он ничем не мажет помочь. Ей было жалко мужа. И так, без шляпы, в рубашке поверх брюк, он побрел по дороге. Лунный свет едва проникал сквозь густые кроны кажазейр. Свежий ветерок был приятен мастеру. Около получаса он шел, не останавливаясь. Вдруг до него донесся какой-то говор. Разговаривали около дома старых сестер сеу Лусиндо. Слышались плач и причитания. Он хотел узнать, в чем дело, но желание уйти как можно дальше от дома пересилило любопытство. Распухшие ноги болели. Сандалии звонко стучали в ночной тиши. Он ненадолго остановился под огромным мастиковым деревом.

Сюда будто бы являлись души грешные вымали-

вать милосердие у живых. Грешники, просящие о сострадании. Но он не верил этому. Поговаривали, будто капитан Томас плакал здесь в темные ночи, как негр-невольник. Все это вранье! Вот кто плакал по-настоящему, так это его дочь Марта. Эта мысль вонзилась в него, точно острый нож. Он пошел в сторону реки по просеке, которую старый Жозе Паулино прорубил для своего скота, спускавшегося на водопой. Он вспомнил старого полковника. Вспомнил, как чинил ему шестерни хлопкоочистительной машины и как тот кричал на него. На следующий день он уже не пошел туда работать. Внизу виднелась река. Мастер стал спускаться вниз, ему не хотелось, чтобы его видели в таком состоянии. Как бы не приняли за сумасшедшего. А хорошо бы идти все дальше и дальше. Вдруг он заметил совсем рядом какого-то человека. Мастер хотел незаметно уйти, но передумал, подошел поближе и поздоровался:

— Добрый вечер!

— Добрый вечер; это вы, Жозе Амаро?

— К вашим услугам.

— Видите ли, мастер, я от капитана Антонио Силвино. Дело в том, что его отряд скрывается в Фазендинье и капитан послал меня выведать, где сейчас лейтенант Маурисио со своими ищейка-

ми. Говорят, макаки[20] вчерашний день провели в Санта-Розе.

Жозе Амаро вздрогнул при этих словах. Имя Антонио Силвино оказывало на него магическое действие. Это был его мститель — неукротимая сила, внушавшая ужас всем богачам. В человеке, сообщившем ему новость, Жозе Амаро узнал торговца кашасой Алипио.

— Это вы, Алипио?

— Я самый, мастер Зе. Мне нравится капитан. И я не вступаю в его отряд только из-за своей матери и сестры, которая еще на выданье.

— По правде сказать, я ничего не слышал о лейтенанте Маурисио. Кажется, он здорово повздорил с Кинкой из Энженьо-Ново из-за Антонио Силвино. Но был ли он в Санта-Розе со своими людьми, я не знаю.

— Ну, если так, мастер Зе, я пойду; может, где-нибудь мне удастся разузнать о макаках.

Алипио попрощался с шорником. Эта встреча успокоила мастера. Он вдруг понял, что есть на свете человек, которому он может быть полезен. Луна заливала все вокруг мягким светом. Это было безбрежное лунное море. Мастер знал, что

---

[20] Примечания: 20
Макаки — так в Бразилии называют полицейских.

лейтенант Маурисио зря не болтает. И если он поклялся убить капитана, то будет неотступно преследовать его со своими людьми, устраивая повсюду облавы. Жозе Амаро хотел помочь Силвино. Он сделает все, что в его силах, чтобы предупредить народного мстителя. Мастер постоял немного в тени ветвистых мимоз. Затем вышел на дорогу. И сразу же столкнулся лицом к лицу с бишейро Салвадором.

— Добрый вечер, мастер Зе. Прогуливаетесь?

— Да, решил немного поразмять ноги.

— А я вот возвращаюсь из Пилара. Только что получил телеграмму с результатами «жого до бишо». Говорят, капитан Антонио Силвино перерезал провода у дороги. И телеграммы долго не поступали. Лейтенант Маурисио сейчас в Пиларе с большим отрядом полиции. Правительство разрешило ему действовать на свое усмотрение. Он не считается ни с кем из местных богачей. Сеньор Кинка из Энженьо-Ново здорово с ним поругался, и его не арестовали только потому, что сеу Аугусто из Ойтейро примчался в энженьо дяди и успокоил лейтенанта.

Мастер Жозе Амаро молча слушал.

— Ну, мне пора идти, до свидания. Сеньор Жука из Санта-Розы выиграл двести милрейсов, поста-

вив на «бабочку». Дона Адриана поставила на «тигра»: ей приснился капитан Антонио Силвино. А я сделал ставку на «оленя»: его не так легко поймать. — И бишейро ушел.

Мастеру следовало бы вернуться и предупредить Алипио, что полицейские в Пиларе. Но он не стал возвращаться. Время уже было позднее, а дома остались больная дочь и расстроенная жена. Все же во всем виновата его жена Синья. Чем он мог помочь дочери, которая была так далека от него? Ведь она была существом слабого пола, неспособным бороться со своим страхом, а сам он никого не боялся. Он медленно брел по дороге, громко стуча сандалиями. Один, совсем один, кругом ни души, ни единого живого существа. У старых сестер сеу Лусиндо горел свет, точно красноватый маяк в безбрежном лунном море. Когда мастер подошел поближе, до него донесся плач. Что там такое? Он свернул на тропинку, которая вела к дому, желая узнать, что означают эти стенания. Послышалось молитвенное пение. Явно отпевали покойника. Он подошел к дому, видневшемуся позади огромного жуазейро. Видимо, там было много народа. Когда он приблизился к окну и заглянул в комнату, чтобы рассмотреть, кто там молится, раздался душераздирающий крик:

— Оборотень! Оборотень!

Поднялась суматоха.

— Да это же мастер Жозе Амаро! — воскликнул человек, стоявший в дверях дома. — Это мастер Зе, дурачье вы этакое!

Люди перестали молиться. Старая Лусинда лежала на циновке, покрытая саваном. Женщины смотрели на мастера со страхом. Дольше оставаться было нельзя. Человек, успокаивавший женщин, обратился к мастеру:

— Они боятся вас.

— Меня?

— Да, вас. Глупые бабы. — И, уже отойдя с мастером в сторону, добавил: — Ходят слухи, будто тут бродит оборотень. Многие болтают, что видели вас. Вот как сейчас. И удирали во все лопатки. Вы же знаете, женщины — трусихи.

Мастер повернул к дому, но грустное пение еще долго доносилось до него. Он шел и думал об оборотне. Ощупывал свое лицо, смотрел на ногти. Почему они меня боятся? В его доме горел свет. Синья не отходила от Марты, стараясь хоть лаской поддержать дочь. Она ждала его.

— Что с тобой, Зека? В своем ли ты уме? Где тебя носит в такую холодную погоду?

Он ничего не ответил и молча направился к

своему гамаку.

От свежей кожи, привезенной из Итабайаны, весь дом пропах. Спать не хотелось. Страшная мысль терзала его, причиняя боль. Почему женщины, увидев его в окне, закричали? Может, он так неожиданно появился, что они перепугались? Он вспомнил, что месяц назад встретил старую Лусинду и даже с ней разговаривал. И вот она мертвая. Лежит на циновке, покрытая белым саваном. Смерть не пугала его. Конечно, надо было вернуться к реке и сказать Алипио, что лейтенант Маурисио в Пиларе. В соседней комнате тяжело дышала во сне дочь. Синья не спала. Он чувствовал, что она не спит. Его жена думала о жизни, о больной дочери. Лунный свет, проникая сквозь щели в черепице, покрыл пол белыми пятнами, которые медленно передвигались. Женщины в страхе бегут от него. На дороге послышались голоса. Жозе Амаро встал и открыл окно. Это был отряд полиции. Не лейтенанта ли Маурисио? Слышен был топот, громкий говор. Он вспомнил, что капитан Антонио Силвино всего в двух лигах[21] отсюда. И мастера охватил страх, что полиция может натолкнуться на кангасейро.

---

[21] Примечания: 21

Лига — путевая мера длины, равная 6 км.

Еще не смолкли голоса в ночной тишине, как Жозе Амаро позвала жена:

— Зека, я что-то не могу заснуть. Пойду заварю сухой мальвы, тебе налить?

Он хотел промолчать, но ответил:

— Нет, мне ничего не надо.

Все его мысли об Антонио Силвино рассеялись, когда по другую сторону глинобитной перегородки раздался голос жены. Синья загремела на кухне кастрюлями. Что бы он отдал, чтобы вырваться из этого дома!

— Зека, ты знаешь, сеньора Лусинда умерла.

— Да, я проходил мимо: там отпевали покойную.

— Мне тоже следовало бы туда пойти, но эта история с Мартой…

Он не ответил. У него не было желания с кем-либо говорить. Хотелось остаться одному в этом мире, не дававшем ему радости. Теперь до него отчетливо доносилось пение.

Эти глупые бабы боятся его. Но почему? Неужели жена тоже боится? Неужели он так страшен, что люди шарахаются от него?

Жозе Амаро зажег лампу и достал из сундука зеркало. Хорошенько вгляделся в себя. Воспаленные веки, глаза, как у рыбы, давно небритая

борода.

— Что случилось, Зека?

— Ничего, тут тараканы, черт бы их побрал, бегают по коже.

Он потушил свет, и его охватил страх, какого он никогда еще не испытывал. Неужели он действительно выглядит так, что пугает людей? Не может быть. Он, мастер Жозе Амаро, глава семьи, уважаемый человек, и его так поносит всякая сволочь. Уже запели в курятнике петухи. На базар в Сан-Мигел потянулись люди. Светало. Мастер Жозе Амаро так и не смог уснуть. Он открыл дверь и, выйдя из дома, остановился под питомбейрой. Возчики, ехавшие мимо, поглядывали на мастера и тихо здоровались с ним, боясь потревожить спящих в доме. Мастер Жозе Амаро никого не замечал. В душе его был непроглядный мрак. Свиньи рылись в хлеву, козел стучал копытами. Над землей стелился утренний туман, покрывавший даже кажазейры; запели птицы. Повсюду заря: на алом небе, на покрытых росою деревьях, на влажной земле. Где сейчас капитан Антонио Силвино? Куда направился лейтенант Маурисио?

— Зека, иди выпей чашку кофе.

Во всем виновата Синья, его жена.

VI

Полицейские схватили Паскоала Итальянца и избили его. Лейтенант предполагал, что торговец шпионит за ним по заданию капитана Силвино, и посадил Паскоала в тюрьму Эспирито-Санто. Он решил во что бы то ни стало схватить кангасейро. Негра Салвадора тоже арестовали, причем так избили, что, говорят, он вышел из тюрьмы с распухшими руками. Мастер Жозе Амаро, узнав об этом, страшно обозлился на полицию. Между тем распространилось известие о стычке Антонио Силвино с полицией в Инга-до-Бакамарте. Это принесло народу долины некоторое облегчение — облавы лейтенанта на время прекратились. Хотя дочь мастера после того припадка стала чувствовать себя немного лучше, настроение у Жозе Амаро по-прежнему было мрачным. Старая Синья радовалась выздоровлению Марты, как ребенок. Она только и говорила что о здоровье дочери, которая вдруг преобразилась. Уж конечно, это дело рук святого Северино дос Рамос, которому она дала обет. Это еще одно чудо покровителя бедняков. Однако лицо мужа становилось все печальнее, еще больше пожелтели его глаза,

еще сильнее опухли ноги. Что же это за хворь привязалась к Зеке? Видно, сердце у него болит. Так умер его отец, весь в отеках, задыхаясь.

Как-то раз после обеда старая Синья занималась стиркой на реке; рядом с ней стирала белье девушка, которую прежде она никогда не видела, — молодая смуглая красавица. Вначале они молчали, но потом разговорились. Девушка была родом из Риашана. Отца ее, Марколино Виегас, упрятали в тюрьму из-за какой-то истории на ярмарке в Сапэ. Там завязалась драка, а вину свалили на него.

— Я слышала, в этих краях бродит оборотень. Мне даже мать сказала: «Возвращайся, дочка, поскорей, будь осторожна в темноте». Чего только люди не придумают... Другие болтают, будто кайпора[22] схватил на дороге парнишку по имени Пепэ. Видать, все это выдумки.

Старая Синья молча кивала головой, хлопая белье о камень. У девушки были смуглые икры, упругая грудь, натягивавшая ситцевую блузку.

— Да, и будто в этого зверя превращается какой-то мастер Жозе Амаро.

---

[22] Примечания: 22

Кайпора — фантастическое существо, которое в зависимости от района представляется то скачущей на одной ноге женщиной, то мальчиком с громадной головой, то огромным человеком верхом на кабане.

— Вранье все это, дочка, — грустно сказала старая Синья. — Выдумка каналий из Рибейры.

— У нас только об этом и говорят. А еще будто у этого человека есть дочь, над которой он всячески измывается.

— Измывается?

Старуха почувствовала, что у нее помутилось в глазах. Она перестала бить белье и едва слышно, умирающим голосом, сказала:

— Все это вранье, дочка. Человек этот — мой муж.

Девушка покраснела и опустила голову.

— Извините меня, сеньора.

Молча продолжали они работу. Русло реки было узким и почти совсем заросло камышом и водорослями. Ветер шумел в камышах, сгибавшихся, как сахарный тростник.

Со стороны Санта-Фе доносилось пение. Это пел Пассариньо на заливном лугу; он выполнял постылую для него работу. Песня была печальной и заунывной; можно было подумать, что отпевают покойника. Негр изливал свою душу:

Кто убил мою пичужку,
Тот и нехристь и злодей.
Птичка кроткая привыкла

Есть из пригоршни моей[23].

Пение трогало сердца женщин. Старая Синья изо всех сил колотила белье о камень. Грудь девушки выпирала из расстегнувшейся кофточки. Надрывная песня была похожа на стенание:

Покидал я край родной —
Все рыдали надо мной,
Лишь безумная старуха
Мне грозила сатаной.

— Жалобная песня, — сказала девушка.

— Бедняга Пассариньо, что за жизнь у него! — ответила дона Синья. И тут же, как бы оговорившись, добавила: — Впрочем, может быть, он даже счастливее многих других.

Солнце уже начинало клониться к западу. Девушка развесила свое белье для просушки. Красные, синие, желтые пятна сохнувшей одежды празднично замелькали на камышах и кустах. Тяжело было на душе у старой Синьи, с остервенением бившей свое белье. Она не смотрела на девушку, которая легла на песок, прикрыв лицо от солнца. У нее было здоровое сильное тело. Жозе Пассариньо пел потому, что, несмотря на

---

[23] Примечания: 23
Здесь и далее переводы стихов А. Якобсона.

все невзгоды, он был счастлив; ему ничто не угрожало. Он пил и распевал песни. А что же это с ее мужем, что у него за жизнь, почему такое лицо, отчего все эти переживания и странности? Почему люди выдумывают такое? Даже о ее бедной дочери придумали невесть что. Она уже кончила стирку. Но не стала сушить белье на реке, как это делала обычно. Ей было неприятно оставаться рядом с этой девушкой. Она чувствовала себя так, будто была соучастницей какого-то преступления или дурного поступка. Синья собрала мокрое белье и связала его в узел. Девушка поднялась помочь ей.

— Вы меня простите, сеньора, я ведь не знала.

Жозе Пассариньо, увидев Синью с грузом на голове, подбежал к ней.

— Давайте, дона Синья, я донесу.

— Не надо, сеу Жозе.

— Нет, нет, я донесу.

Негр взял узел и пошел впереди, покачиваясь на своих кривых ногах. Ей было неловко, что он несет ее груз. Ведь мокрое белье было тяжелым, как свинец. Некоторое время они шагали молча. Наконец Пассариньо заговорил:

— Знаете, дона Синья, у негра Салвадора руки вздулись от побоев. Кто-то донес лейтенанту,

что он продавал лотерейные билеты капитану Антонио Силвино. Интересно бы посмотреть, как сейчас выглядит этот болтун.

Они подошли к дому. Сидевший у порога Жозе Амаро даже не поднял головы, чтобы взглянуть, кто пришел. Казалось, он был поглощен своей работой.

— Добрый вечер, мастер Зе. Как дела?

Тот посмотрел на Пассариньо и молча продолжал работать.

— Вы слыхали, что творит здесь полиция, сеу мастер?

Мастер не отвечал. Пассариньо, зная неприветливость хозяина, последовал за женой шорника в дом.

— Да что вы, дона Синья!

— Ну что за церемонии, сеу Жозе, покушайте.

Она подала ему тарелку фасоли со сладким бататом. Пассариньо ел, сидя в углу, и слушал стук молотка. Видимо, у мастера плохое настроение. Пассариньо знал, что народ болтает о шорнике. Слух об оборотне, который бродил по ночам и высасывал кровь у людей, разнесся повсюду. Пассариньо был достаточно наивен, чтобы верить этим слухам. И сейчас при виде мастера с таким хмурым лицом ему стало страшно. Он

боялся даже подойти к нему. Дона Синья тихонько разговаривала о чем-то с дочерью. Да и про дочь говорили дурные вещи. Ведь у людей язык длинный.

Возле дома остановился всадник. То был старый Виторино, который не пожелал спешиться. Он торопился в Ойтейро, куда вызвал его двоюродный брат Аугусто. Старик возмущался лейтенантом Маурисио.

— Я вчера послал телеграмму начальнику полиции. Насилие недопустимо, пора этому безобразию положить конец.

— Что, в самом деле Итальянца крепко избили?

— На него страшно смотреть. В этой полиции одни бандиты. Вот почему народ стоит за капитана Антонио Силвино. Я еще покажу начальнику полиции! Я истратил четыре милрейса на телеграмму. Здесь люди, а не бродячие собаки. Ладно, кум, меня дожидается сеу Аугусто. Я догадываюсь, в чем дело. Чего только не болтают эти люди про капитана Виторино, но в конце концов все же идут за ним. Аугусто занялся ремонтом каза-гранде. Вы же знаете, кум, я понимаю толк в этих делах. Я уверен, что он хочет со мной посоветоваться. Двоюродный брат Аугусто — человек

передовой. Как и его отец. Кланяйтесь куме.

Он собрался было ехать, но вдруг обернулся к шорнику.

— Вы уже слышали о стычке капитана Антонио Силвино с полицейскими в Инга? Много убитых. Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть, как лейтенант Маурисио убегает от пуль.

Виторино исчез за поворотом. Из дома доносилась кантига — ее затянул Жозе Пассариньо. Шорник не слушал негра. Он думал о капитане Антонио Силвино. Его восхищал этот смелый человек, который рисковал жизнью, защищая бедных. Таким он представлял себе народного мстителя, таким был его кумир. Наступил вечер, сгустились тени. Где-то вдали замычал бык из стада старого Лусиндо, пасшийся на привязи. Это мычание раздавалось каждый вечер, когда старик спускался со своим стадом к водопою.

Он слышал, как жена тихо разговаривала с Мартой. Его раздражали эти перешептывания. Сговорились, что ли, все против него? Он едва сдержался, чтобы не прикрикнуть на них. Песня негра наполнила вечер грустью, которая тронула душу мастера. Он хотел было потребовать, чтобы жена и дочь прекратили свою болтовню, но не сделал этого. Кантига не раздражала Жозе Амаро,

она успокаивала и ласкала, точно рука друга, участливо гладившая по голове. Мастер никогда не знал ласки. Отец его всегда был суров, а мать он почти не помнил. Негр Пассариньо превосходно пел, когда не был пьян. За это его и прозвали Пассариньо[24].

Он пел грустную песню:

Оскорбившая отца,
Ты кормить достойна пламя.
Свалят семь повозок дров,
И костер раздую сам я.
Оскорбившая отца,
Ты достойна искромсанья.
И для казни семь клинков
Наведу, как бритву, сам я.

То была история дона Карлоса и доны Бранки, дочери короля. Пассариньо хорошо знал эту песню. Дону Бранку должны были повесить. Но возлюбленный спасает бедняжку от ярости отца. Переодетый монахом, дон Карлос де Монтеваль похищает дону Бранку и увозит ее в свой дворец.

Перечеркнуло правосудье

---

[24] Примечания: 24
Пассариньо — птичка (*португ.*).

Неправый суд ее отца.
Принцесса госпожою будет
В покоях моего дворца.

Песня негра встревожила мастера. Это о нем, о Жозе Амаро, говорилось в ней; это была его ярость, его отчаяние, его жестокость, так схожая с жестокостью короля. Негр пел по просьбе старой Синьи. Мастеру хотелось встать и крикнуть, заставить всех замолчать, но он был не в силах это сделать. Глаза его наполнились слезами. Дона Бранка рыдала у ног отца. В ее чреве было дитя от дона Карлоса де Монтеваль. Горлица еле слышно ворковала в тишине наступавшего вечера. Темнота и негр на кухне бередили ему душу. Мастер Жозе Амаро решился:

— Синья, вели негру замолчать.

Жена загоняла кур на насест. Марта громко, так, чтобы Жозе Пассариньо услышал, сказала:

— Сеу Жозе, отец не любит пение.

Жозе Амаро знает, что она сказала так нарочно, чтобы обидеть его этими словами. А ведь он любил песни и мог весь день слушать, как распевает канарейка на карнизе. Единственно, чего он не любил, — это церковных песнопений, заунывных псалмов дочери. Синья загоняла кур на ночь. Од-

на курица выскочила на дорогу и понеслась так, будто хотела улететь. Старуха стучала метелкой по земле, приманивая кур.

Негр Пассариньо с покрасневшими глазами вышел из дома и спросил:

— Мастер Зе, я бы хотел заказать пару сандалий. Вы умеете их делать?

Жозе Амаро не ответил, как бы ушел в свою скорлупу и ничего не хотел слышать.

— Мастер Зе! — снова обратился к нему негр.

Жозе Амаро вздрогнул, будто впервые увидел негра, будто перед ним неожиданно возникло какое-то странное существо.

— Чего тебе, Пассариньо?

— Мне нужна пара сандалий. Таких, как у кангасейро.

Мастер промолчал и стал собирать свои инструменты, чтобы отнести в дом.

— Жозе Пассариньо, откуда ты знаешь эту песню?

— От одного слепого из Итамбэ, мастер Зе. Я долгое время ходил у него поводырем. А потом, когда вырос, он уже не стал меня держать.

— Тот самый слепой, которого убили и ограбили в Ораторио? Он был груб и придирчив.

— И все же он неплохой человек, мастер Зе.

Отец отдал меня слепцу, когда мне минуло семь лет. Он был совсем неплохим, мастер Зе, и многому меня научил. Однако лишь мотыга дает нам соль и муку. А я пить стал, мастер Зе, чтобы забыть одну негритянку… Вы ее знаете — это Лузия из Санта-Розы.

Он замолчал. Старая Синья снова о чем-то разговаривала с дочерью. Пассариньо распрощался и вышел. С юга подул холодный ветер; он раскачивал кажазейры и шелестел листьями. Это предвещало дождь. Мастер Амаро думал о Пассариньо.

Кто бы мог подумать, что у этого грязного негра с испитым лицом столько всего накопилось в душе — и эта история, и любовные неудачи, и дон Карлос, и дона Бранка. Зазвенели колокольчики. Показался кабриолет полковника Лулы. Он остановился у дверей мастера. Кучер Педро подошел к Жозе Амаро и сказал, что у него порвался ремень на оглобле, как только они отъехали от дома. Мастер вышел на крыльцо с подсвечником в руке. Почтительно поздоровался с хозяином энженьо и его семьей.

— Это вы, мастер Жозе Амаро?

— Да, это я, полковник.

— Мы торопимся в церковь.

Женщины в коляске сидели молча. Мастер вместе с кучером быстро починили ремень. Хозяин энженьо кашлял, нарушая тишину вечера.

— Повяжи шею платком, — послышался голос из коляски.

Кучер уселся на свое место, полковник Лула поблагодарил мастера. Колокольчик снова зазвенел на дороге. Вскоре яркий свет фонарей исчез в зарослях кустарника.

Когда мастер Жозе Амаро вошел в дом, жена поинтересовалась, была ли в коляске дона Амелия, потому что ходили слухи, что она серьезно больна.

— Зека, я слышала, что дона Ненем собирается замуж за доктора Луиса Виана.

— Я с полковником об этом не говорил.

— И слава богу. Упаси боже говорить с этим человеком.

Немного погодя шорник вышел из дома. Синья вспомнила о той девушке на реке. Она никогда не думала, что народ превратит ее мужа в оборотня. Наверное, это из-за скверного характера Зеки, из-за цвета его лица, желтизны глаз. То же самое болтали и про бедного Неко Паку, человека с очень добрым сердцем. И все потому, что он расхаживал по ночам — солнце ему было вредно

для здоровья. Вот и Зека пристрастился к ночным прогулкам. Он всегда был со странностями. И уж если ему что приспичит, обязательно сделает.

Ничего такого в жизни он не сотворил, чтобы люди его боялись. А вот то, что люди плохо говорили о ее дочери, она не могла вынести. От всего этого действительно можно было умереть с горя. Возможно, девушка все придумала. Бедная Марта радовала ее своим выздоровлением. Чего только не выдумают эти сплетники! Зека любил побродить по вечерам, погулять по безлюдным местам. А народ выдумал историю с оборотнем! Сколько таких историй слышала она в детстве. Находились люди, которые будто бы своими глазами видели этих зверей, созданных дьяволом, и рассказывали о них всякие страсти. От матери она слышала историю, которая произошла в Маравалье. Один оборотень бродил по ночам в поисках человеческой крови — его мучила адская жажда. Но так как ему не удавалось найти живого человека, он высасывал кровь из животных, убивал лошадей, творил всякие ужасы. Ее мать верила всему этому. Когда лаяли собаки, она читала «Аве Мария», чтобы пресвятая богородица защитила ее от злого духа, который вселялся обычно в людей малокровных, с таким цветом кожи, как у

Зеки. Ведь дьявол наделял звериным обличием и силой тех людей, которые продавали ему свою душу. Народ боялся тех, у кого появлялась такая болезнь, как у Зеки и Неко Паки. То была желтуха, вызванная заболеванием печени; ее лечили настоем из корней кустарника журубеба. К тому же шорник стал бродить по ночам. Вот и сейчас уже поздно, а он все не возвращается. Почти перед самым рассветом она услышала голоса у порога дома. Зека с кем-то разговаривал. Она хотела притвориться, будто спит, но муж позвал ее.

— Синья, здесь мой друг Алипио, торговец кашасой. Пойди зарежь пару кур и зажарь, он отнесет их капитану Антонио Силвино.

Старая Синья не на шутку перепугалась.

— А ты видел этого человека, Зека?

— Нет, они прячутся в каатинге. Алипио говорит, что его люди умирают с голоду.

Старая Синья пошла в курятник. На темном небе сияли звезды, а там, в стороне каатинги, уже стала заниматься заря и появились светлые полосы, которые постепенно окрашивались в розовые тона. Было холодно. Всполошились куры, закудахтали.

Мастер Жозе Амаро, заперев дверь, слушал своего приятеля Алипио, рассказывавшего о пере-

стрелке кангасейро с полицией в Инга. Капитан Силвино был в гостях у своего друга, когда ему показалось, что дом окружают полицейские. Он всегда чувствовал опасность.

— Капитан заговорен, мастер Зе, ей-ей, заговорен. Кангасейро были во дворе фазенды. Капитан созвал своих ребят и сказал им: «Макаки где-то поблизости. Укройтесь за каменной оградой. Как услышите команду, стреляйте. А потом отступайте в кустарники. Я буду ждать у плетня, близ большого дерева». Так все и вышло. Как только капитан увидел полицейских, раздались ружейные залпы. Макаки падали замертво, как мухи. И нападение, которое подготавливал лейтенант Маурисио, обернулось для него печально. Из кангасейро был ранен в плечо только Кокада, да и то легко. И все прискакали из Инга сюда.

— А как же капитану удалось уйти из поместья?

— Неизвестно. Когда полицейские прибыли туда, где он находился, его и след простыл!

Когда старая Синья принесла жареных кур, наступило утро. Алипио выглядел бодро. Мастер Жозе Амаро, с распухшими после бессонной ночи веками, был очень плох, даже страшен. Синью напугали рассказы Алипио о капитане Антонио

Силвино. Марта проснулась и поинтересовалась, в чем дело.

— Сеу Алипио вместе с другими торговцами кашасой прячется в каатинге от таможенников. Им там нечего есть, вот он и хочет купить немного провианта.

— Ты дала муки, Синья?

— Все в мешке сеу Алипио.

Алипио ушел, и в доме шорника стало тихо. В душу старой Синьи вселился страх, зато мастера Жозе Амаро переполняла радость. Он зарезал своих кур и подарил их капитану Антонио Силвино, перед которым трепещут многие хозяева энженьо. Смертельно напуганный Казуза Тромбоне из Масанганы даже переехал в город. А полковнику Паулино пришлось дать обед в честь капитана Антонио Силвино. Говорили, будто дочь полковника сама прислуживала за столом, словно она была служанкой у кангасейро. А вот Синья зажарила двух кур для человека, перед которым он, Жозе Амаро, преклонялся.

В Сан-Мигеле сегодня был ярмарочный день, и люди несли на рынок разные продукты. Мимо проходил слепой Торкуато, он остановился у двери мастера попросить милостыню.

Жозе Амаро любил поговорить со слепцом и

каждый раз, когда тот проходил мимо, затевал беседу. Сегодня ему особенно не терпелось перекинуться с ним словом.

— Как жизнь, сеу Торкуато?

— Разве это жизнь, мастер! Какая жизнь может быть у бедного слепца? Хожу по свету, коротаю свой век. Кабы не божье милосердие и не сострадание людей, мне бы уже давно пришел конец, сеу мастер.

— Ну что вы, сеу Торкуато, у вас же семья.

— Мать, разбитая параличом, сеу мастер, да брат, почти такой же слепец, как и я.

— А как дела в Гуриньеме, сеу Торкуато? Поговаривают, будто на ярмарке там сейчас бывает мало народа.

— Во всем виновата полиция, сеу мастер, ведь люди боятся. Особенно лейтенанта. Людей охватила паника. А лейтенант совсем разъярился. Вы только подумайте, сеньор, — он оскорбил даже падре Антонио. Священника, который все отдает беднякам. Кто-то донес лейтенанту, что падре виделся с капитаном. Но падре Антонио не такой человек, чтобы скрывать свои поступки. Он рассказал все, как было. И о своей встрече с кангасейро, и о своем разговоре с капитаном. Лейтенант взбеленился и наговорил священнику

кучу грубостей. Но падре Антонио тоже не стал молчать. Он только с виду робок, а когда надо, умеет за себя постоять. В общем, они здорово накричали друг на друга. Знаю лишь, что лейтенант после этого сел в Пиларе на поезд и уехал в город. Газеты Параибы раззвонили об этой истории. Я слышал, как один человек в Пиларе читал статью, в которой осуждают лейтенанта. Падре в бешенстве. Лейтенант творит черт знает что. Вот почему народ избегает ярмарки. Никому не хочется попасть в руки полиции.

— Хотел бы я посмотреть на этого храбреца, когда он столкнется лицом к лицу с капитаном. Вот в Инга ему досталось.

— Я ничего об этом не слышал, сеу мастер. Ведь я бедный слепец, живу милостыней. Одно только скажу вам: капитан никогда не делал мне зла. Как-то раз я шел со своим поводырем по дороге. Дело было к вечеру. Я возвращался из Сапэ в Марау и вдруг услышал, что меня окружают какие-то люди. Мой поводырь шепнул мне на ухо: «Это кангасейро, сеу Торкуато». Оказалось, и правда — они. И представьте, дали мне денег. Я сроду не держал в руках столько монет. Капитан Антонио Силвино отвел меня в сторону и стал расспрашивать, что о нем говорят на ярмарке

в Сапэ. Я все рассказал и о Казузе Тромбоне, который засел в доме с отрядом полицейских, и о Симплисио Коэльо, который куражился в лавке, говоря, что никогда кангасейро за его стол не сядет. В общем, я рассказал все, что знал. Эта сволочь Симплисио Коэльо однажды велел приказчику меня прогнать, когда я играл возле его лавки на гитаре. Прогнать бедного слепца!

— Может быть, поэтому капитан разгромил его лавку, когда совершил налет на Сапэ?

— Кто знает, сеу мастер! А только нельзя обращаться с бедным слепым, как с собакой!

Старая Синья вынесла из дома миску муки, и поводырь открыл мешок.

— Да воздаст вам господь за вашу доброту. Пошли вам господи царствие небесное!

— Как поживает ваша семья, сеу Торкуато?

— Слава богу, ничего, сеньора. Ну, мне пора.

И зашагал дальше. Солнце уже взошло и залило все вокруг ослепительным светом. Вьюнки на изгороди отливали синевой. А люди все шли и шли по дороге. Мастер Жозе Амаро был возбужден. Он еще ни разу не присел с утра. Спустя некоторое время мимо дома прошли проститутки из Пилара, они направлялись на ярмарку в Сан-Мигел, где рассчитывали подработать. Туфли они несли

в руках, а их напомаженные волосы блестели.

— Вон идут эти потаскухи.

— Помолчи, жена, ведь у тебя взрослая дочь.

Марта с кувшином на голове пошла к реке.

— Ты заметил, Зека, девочке стало лучше.

Шорник ничего не ответил. Он пошел взглянуть на улей, уже пора было вынимать соты.

— Наверное, там полным-полно. Больше года я его не трогал.

Он ни на минуту не прилег, но не выглядел усталым.

— Зека, ведь ты всю ночь не спал. Вздремни немного.

— Не суйся не в свое дело, жена. Оставь меня в покое.

Старуха ушла в дом. Во весь голос распевала канарейка.

Поставив скамейку возле двери, мастер принялся за работу. Сегодня он был доволен, как никогда. Ведь кангасейро набили себе брюхо курятиной. На дороге показался кабриолет полковника Лулы. Педро Болеейро остановился поболтать. Он ехал на станцию за доктором для доны Амелии. Вот уже несколько дней, как она была больна — ее мучила резь в животе. Мастер встал, чтобы осмотреть коляску.

— Послушайте, сеу Педро, сбруя не выдерживает потому, что вы слишком сильно дергаете вожжи. Вот ремни и рвутся. Лошадям не под силу выполнять, что вы от них требуете.

— Я тут ни при чем, просто материал на упряжи скверный.

— Ничего подобного, со сбруей надо уметь обращаться, вот и все.

Кучер усмехнулся и уехал. Колокольчики коляски полковника Лулы де Оланда Шакона снова зазвенели по дороге в Пилар. Люди, заслышав звон, сторонились, уступая дорогу. Мастер подумал о больной доне Амелии и огорчился. Не было человека в этих краях, который бы, думая о доне Амелии, не вспомнил времена капитана Томаса, праздники в Санта-Фе, процветающее энженьо. Оно было небольшим, но давало владельцам приличный доход. Пятьдесят невольников обрабатывали плантации Санта-Фе. Негры капитана Томаса стоили целое состояние. Хорошее настроение шорника сразу же исчезло. Он снова помрачнел и погрузился в свои невеселые мысли. Лицо нахмурилось, воспаленные глаза смотрели печально. Почему он так расстроился из-за доны Амелии? С реки возвращалась его дочь; какая у нее старческая походка! Мастеру захотелось

взмахнуть молотком и разбить тело Марты на куски. Он с ожесточением колотил по коже. Не с кем было потолковать. Мимо прошел падре Жозе Жоан. Он снял шляпу, приветствуя мастера. Падре направлялся в Сан-Мигел служить мессу. Жозе Жоан неплохой священник, но в политике не силен; политические заправилы края вертят им, как хотят. Но вот на дороге появился торговец Паскоал. Он шел медленно, на этот раз при нем не было линейки, которой он отмеривал материю. Жозе Амаро встал, чтобы получше разглядеть этого несчастного, которого так избили в полиции.

— Добрый день, сеу Паскоал! Не хотите ли зайти ко мне передохнуть?

Итальянец удивился гостеприимству шорника. Никогда раньше он не был с ним любезен.

— Не могу, мастер Жозе. Мне еще надо зайти в Санта-Розу и обязательно засветло добраться до Сан-Мигела.

— Что там у вас произошло с лейтенантом, сеу Паскоал?

— Да так, пустяки, мастер Жозе. Один торговец из Сапэ хотел отделаться от меня и написал донос лейтенанту.

— И сильно вас побили, сеу Паскоал?

Итальянец, видно, не хотел рассказывать, но

мастер Жозе Амаро не отступал.

— Говорят, негра Салвадора тоже забрали?

— Да, мастер. Они никого не щадят.

Мимо ехали возчики с мукой и торговцы из Пилара; везли они ящики с мануфактурой и галантерейными товарами. На рыжей лошади показался парикмахер Энрике. Он любил поговорить и остановился около мастера; Итальянец поторопился распрощаться.

— Этого храбреца здорово побили. Говорят, он ревел, как малое дитя.

— А где сейчас лейтенант, сеу Энрике?

— Я слыхал, что он со своим отрядом пошел в Инга. Ко мне тут заходил один человек, сказал, что видел отряд лейтенанта Маурисио на станции Итабайана. Капитану Антонио Силвино надо держать ухо востро. Дела неважные. Сейчас не те времена, что при майоре Жезуино.

— А я, сеу Энрике, спокоен за этого человека. Он знает все ходы и выходы; его не так-то легко поймать.

— Это верно, но лейтенант поклялся его схватить.

Парикмахер Энрике уехал. По пути он собирался заглянуть в Санта-Фе и в Санта-Розу. Жозе Амаро не нравилось, что этот человек занимается

сводничеством. Серьезным людям не пристало заниматься таким делом. Поговаривали, что он доставляет женщин из Санта-Розы доктору Жуке. Все осуждали его, но все пользовались его услугами. Полицейский отряд отправился в сертан по железной дороге. Как раз там, в какой-нибудь лиге отсюда, находился капитан Антонио Силвино. Если бы Алипио заглянул, он передал бы ему эту новость. Мастер Жозе Амаро снова сел за работу. Уже днем, в самый разгар жары, на темной ослице появился старый Виторино.

— Добрый день, кум.

— Добрый день. У вас новая скотина?

— Да нет. Мне одолжил ее полковник Анизио из Рекрейро. Я добрался туда только к утру, и моя кобыла не выдержала после утомительного пути. Тогда он предложил эту ослицу, чтобы я мог доехать до места. Не хотелось оставлять у него кобылу. Но другого выхода не было. Мне во что бы то ни стало нужно было обсудить с доктором Самуэлом одно очень важное дело. А он находился в Гойане. Доехал я туда вовремя. Но эта чертова ослица совсем растрясла меня. У нее деревянная походка.

— Так ведь она под вьюками ходить привыкла, а?

— Да нет. Тут один кабра из Пилара сказал, что раньше на ней ездил какой-то цыган. Вышагивала она у него степенно, точно благородное животное. Полковник Анизио купил ее за большие деньги. И вот что теперь с ней стало.

Виторино заговорил о выборах. Предвыборная обстановка накаляется. Доктор Самуэл получил телеграмму от полковника Рего Барроса. Тот прибывает в Параибу с четырнадцатым батальоном, тем самым, прославившимся на всю Бразилию. У доктора Санта Круз в Монтейро уже более тысячи человек под ружьем.

— Я сказал доктору Самуэлу: «Если дело дойдет до драки, можете рассчитывать на меня». Эти выборы, когда закалывают быка и повсюду пируют, не по мне. Я предпочитаю выборы с запахом пороха, поножовщиной и перестрелками. На моем счету уже немало побитых кабр.

На кажазейрах распевали птицы, в хлеву хрюкали свиньи, во дворе громко блеял козел. Капитан Виторино продолжал рассказывать своему куму, а тот молча его слушал.

— Вы знаете, кум, во времена монархии я участвовал в выборах в Итамбэ и там в церкви разбил одну урну. Тогда я был молодым, и моим шефом был доктор Жоакин Линс. Я боролся до конца в

рядах либералов, но все же они отступили. В те годы, когда во главе движения был твердый человек, достаточно было меня кликнуть. Теперь я уже стар, да и вся эта история с республикой оказалась, как мы видим, фикцией. Когда-то выборы в Пиларе проводились как положено. Теперь — совсем не то. Доктор Самуэл хочет перевернуть все вверх ногами. Вот он и вызвал меня. Но я ему сказал: «Мне не хочется впутываться в эту историю. Потому что уж если капитан Виторино Карнейро да Кунья берется за дело, то доводит его до конца». Доктор Самуэл мне нравится, у него есть желание бороться.

— Послушайте, кум, а этот доктор Самуэл случайно не сын доктора Белармино из Гойаны?

— Он самый. Он из сторонников Жоана Алфредо.

— И вы думаете, кум, он будет ссориться со здешним народом? Это же люди одной породы.

— Ну и что же, кум? Вот я — разве не двоюродный брат этой канальи Жозе Паулино? Разве не течет в моих венах та же кровь? И все же, хотя этот мой кузен был президентом провинции, я голосую против него. А этого доктора Самуэла вы, кум, не знаете.

К ним подошла старая Синья и осведомилась о

здоровье кумы Адрианы.

— Она ничего. Вот только злится из-за выборов. Ей кажется, что канальи из Санта-Розы изводят меня. Но это же смешно. Я человек свободный. Этот Жука что-то наболтал ей про меня. Старуха говорит, что мне собираются предложить место помощника полицейского инспектора в Сан-Мигеле, лишь бы я изменил свою позицию. Но, кум, Виторино Карнейро да Кунья не продается. Я не такой человек, чтобы меня покупали, как на базаре. Жука думает, что со мной можно поступать так же, как с Маноэлом Феррейрой де Серинья. Такой человек, как я, если уж берется за какое-нибудь дело, то доводит его до конца.

Позванивая колокольчиками, мимо проехал кабриолет. В нем сидел полковник Лула, одетый во все черное; он снял шляпу. Старый Виторино продолжал:

— У него очень больна жена. Там был доктор Масиэл из Параибы и сказал, что ей плохо сделали операцию. Что до меня, то я бы ни за что не доверился этим пройдохам. Пусть дьявола кромсают, но не меня.

— Но ведь сейчас доне Амелии вроде лучше, кум.

— Да, она выздоравливает. Лула де Оланда

боится принять участие в предвыборной кампании. Он приехал говорить с доктором Самуэлом о дружбе с Жозе Паулино. Труслив, как заяц. Не в пример своему отцу. Тот был настоящим молодцом. В сорок восьмом он разъезжал по лесам Алагоаса и сражался с императорскими войсками. А этот похож на беременную кошку. Разве я боюсь старого Жозе Паулино, кум? Я не боялся и старого Жоакина Линса из Итамбэ, а тот был настоящим хозяином края! И вот что я вам скажу, кума: моя старуха живет со мной уже больше тридцати лет, а все еще толком не знает, что у нее за муж. Таковы уж женщины.

На дороге появился Жозе Пассариньо, — несмотря на ранний час, он был пьян и едва держался на ногах.

— Да здравствует капитан Виторино! — крикнул он, подходя к навесу.

— Замолчи, паршивый щенок! Дай людям поговорить о деле.

— Вы, капитан, человек смелый! Не хочу с вами ссориться. Я не приказчик Кинки Наполеона.

Виторино хотел огреть прутом Пассариньо. Но мастер Жозе Амаро сдержал его:

— Да не слушайте вы его, кум.

— Капитан, дайте мне сигарету.

— Нет, вы взгляните на него, кум Жозе Амаро, этот негр только и делает, что пьянствует с утра до вечера.

— О, зачем такие слова говорить, сеу капитан. Я не выпил сегодня и четвертинки кашасы. Прохожу мимо лавки Салу, тот мне говорит: «Пассариньо, выпей немного водки, промочи горло». Я всего один глоток и сделал-то, а вы, капитан, говорите, я пьян. Дайте-ка мне лучше сигаретку, капитан.

— Ничего я тебе не дам, паршивый негр.

— Не дадите, капитан? Тогда не скажу, что говорит про вас сержант в Пиларе.

— Что же он говорит?

— Он говорит, что при первом же удобном случае заберет у вас кинжал.

— У меня? Черта с два! Еще нет на свете такого человека! Если уж и выпущу из ножен этот кинжал, то только чтобы проткнуть им брюхо проклятого кабры.

— Это вы-то, капитан, проткнете брюхо?

Тут Виторино вскочил и, не слушая уговоров кума, бросился к Пассариньо. Негр перебежал на другую сторону дороги и оттуда крикнул:

— А ну, где твой кинжал, Кусай Хвост?

Шорник прикрикнул на негра:

— Убирайся, негодник!

Старая Синья снова подошла к окну:

— Сеу Жозе, не втягивайте Виторино в ссору.

— Я разделаюсь с этой скотиной, кума. Каналья годится только на удобрение. Я убью его.

Пассариньо хотел бежать, но ноги не слушались его. Выхватив из ножен кинжал, капитан набросился на негра. Старая Синья выскочила из дома и схватила старика.

— Ради бога, кум, не делайте этого.

Виторино дрожал от бешенства. Голубые глаза его искрились ненавистью. Негр, также охваченный яростью, кричал:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

Шорник подошел к Жозе Пассариньо и толкнул его.

— Убирайся отсюда!

— Не трогайте меня, мастер Зе. Я ничего не сделал. Старик хочет убить меня. Я ему покажу!

Прохожие останавливались на дороге поглазеть на разыгравшуюся ссору. Виторино отчаянно орал:

— Пустите меня, кума, я выпущу из него кишки. С негром можно разговаривать только кнутом. Я белый человек, и мне не пристало обмениваться оскорблениями с этой сволочью.

Мастер Жозе отвел Пассариньо в сторону. Один из возчиков окликнул негра, и они, весело смеясь, ушли.

— Кум, оставайтесь с нами позавтракать, — пригласила Синья.

— Спасибо, кума. Боюсь только, как бы Аугусто из Ойтейро не рассердился. Он ждет меня к завтраку.

К дому мастера подошел маляр Лаурентино, направлявшийся в Сан-Мигел.

— Вы слышали, доктор Самуэл поссорился с падре. Кажется из-за того, что его сынишка путается с племянницей священника.

— Вранье, — не поверил Виторино. — Врешь ты все.

— Зачем же меня обижать, сеу Виторино?

— Я тебе не Виторино, а капитан Виторино! Я оплатил звание.

— Вы правы, капитан. Но только я не вру.

Мастер Амаро, который не очень-то обрадовался приходу маляра, вмешался в разговор:

— В моем доме, сеу Лаурентино, сплетни не в ходу.

— Мастер Зе, но ведь я рассказываю то, что слышал.

— А мне наплевать — слышали вы это или не

слышали, в моем доме пиларские сплетни не в почете. Пошли все к черту! Что это за край, где командует тобой грабитель, как Кинка Наполеон?

— Это оскорбление, мастер Зе. Очень большое оскорбление.

— То, что я сказал сейчас, я говорю повсюду. Он вор, так и передайте ему, что он вор.

Лаурентино почувствовал себя атакованным со всех сторон.

— Я пришел сюда не затем, чтобы ссориться. Просто проходил мимо и заглянул потолковать с мастером Зе. Ведь я не сделал вам, мастер Зе, ничего плохого.

— Мне надоело слушать его болтовню, — сказал Виторино. — Пусть проваливает отсюда!

Шорник, пристально глядя своими желтыми глазами на Лаурентино и сдерживая негодование, сказал как можно мягче:

— Сеу Лаурентино, я знаю, что вы неплохой человек и хороший мастер. Все это я знаю. Вот и живите себе на здоровье в своем Пиларе, а меня оставьте в покое.

— Хорошо, мастер Зе. Я ухожу.

— Давно бы так, — буркнул Виторино.

— И то верно, сеу Виторино.

— Опять лень пошевелить языком…

— Капитан Виторино.

— И не делай мне одолжения.

— Ах да, чуть не забыл. Сержант Дамиан разыскивает вас.

— Меня?

— Вот именно. Он сказал, что сломает ваш кинжал.

— Кинжал Виторино Карнейро да Кунья?

— Выходит, что так. Имя Виторино носите только вы.

— Капитана Виторино!

— Лейтенант грозился, что схватит вас, капитан. А он, когда зол, ни перед чем не останавливается.

— Я не из пугливых! Передай этому собачнику, что я ему еще покажу. Не так-то легко меня испугать!

Лаурентино вышел на дорогу и нарочно громко спросил:

— Эй, капитан, это ваша ослица? А где же у нее хвост? Кто ей откусил хвост, капитан?

Виторино вскочил:

— Пойди и спроси у своей матери об этом, сучий ты сын!

Лаурентино усмехнулся. Ему было наплевать на ярость старика. Вдалеке слышалось пение Пас-

сариньо. Старая Синья позвала мужа завтракать. Яркое солнце заливало своим сиянием листья деревьев, воспламеняя цветы кардейро. Высоко на ветке чирикала птичка: придет-придет. Кто придет? Чей приход она предсказывала?

— Вот чертова птица, можно подумать, что это говорит человек, — сказал мастер. О чем она предупреждает, что хочет сказать?

Он подумал о капитане Антонио Силвино. Отряд полиции находится в Инга, а капитан со своими людьми все еще отсиживается в укромном месте, питаясь курятиной. Он человек с головой. После завтрака Виторино уехал, и мастер погрузился в свои мысли. В доме стояла тишина. Только время от времени покашливала жена. Это от трубки у нее такой противный кашель. Дочь шила. Сегодня воскресенье, но шорник работал. Алипио заказал ему дюжину сандалий для людей отряда. Жозе Амаро отложил все дела ради этого заказа и выполнял его с радостью, уйдя с головой в работу; он не заметил, когда подошла жена.

— Зека, а ты не боишься иметь дело с Алипио?

— Боюсь? А чего мне бояться? Я не сделал ничего плохого! Пришел ко мне в дом человек и попросил продать пару кур. Я продал. Чего же мне бояться? Не беспокойся, жена. Иди занимайся

своим делом.

— Зека, ты мужчина, и не мне тебя учить. Но этот лейтенант черт знает что творит.

— Брось ты думать о лейтенанте, придет и его час.

Старая Синья вернулась на кухню, а мастер стал размышлять о своей работе, о людях, которые нуждались в его помощи. Сейчас он не чинит сбрую для сумасшедшего старика и не делает седла какому-нибудь бездельнику. Он выполняет заказ Антонио Силвино. Шьет сандалии людям, которые умеют умирать с оружием в руках, людям, в чьих жилах течет кровь храбрецов. Теперь он уже не бедный придорожный шорник, он важнее хозяев энженьо. Капитан Антонио Силвино знает его имя. Наверное, Алипио сказал ему: «Капитан, мастер Жозе Амаро работает на нас. Этому человеку можно довериться». Пусть катятся ко всем чертям сильные мира сего. Для него существует лишь одна сила — сила человека, который не боится правительства, ополчился против властей четырех штатов, задает перцу начальникам, убивает полицейских, выходит из окружения и способен предвидеть любую опасность.

Нож скрипел, разрезая сыромятную кожу. Мастер делал прочные сандалии, в которых мож-

но было ходить по твердой земле каатинг[25], по колючкам, камням, по горячей глине. Ему хотелось, чтобы пришел Алипио, рассказал бы ему о кангасейро, поделился бы с ним новостями. Если бы к нему заехал сам капитан Антонио Силвино, он был бы счастлив. Жена боится кангасейро, хочет предостеречь его. А ему ничего не страшно, он ни за что не перестанет помогать людям отряда Силвино. Вот у Казузы Тромбоне много денег, он политический деятель, и все же он бежал из своего энженьо, получив предупреждение от капитана Антонио Силвино. Дочь полковника Жозе Паулино прислуживала за столом кангасейро, точно негритянка, точно служанка.

Канарейка весело распевала на карнизе, будто радуясь вместе с мастером Жозе Амаро, работавшим в воскресенье. Жена то и дело кричала ему из дома, чтобы он перестал работать. В воскресный день трудиться грех. Бог там, на небе, хочет позаботиться о бедных! Но Жозе Амаро не верил в бога, не верил в святых. Рассказывали, что капитан Антонио Сил-вино не ладил с падре, но не трогал церкви потому, что об этом просила его мать. Сам же он в бога не верил. Жена говорила

---

[25] Примечания: 25

Каатинга — заросли низкорослых деревьев и кустарников в засушливых районах Бразилии.

Жозе Амаро о наказании божьем. Но самым большим для него наказанием была дочь. И мастер яростно вбивал гвозди в сандалии. Время близилось к вечеру, и ему хотелось закончить свою работу до того, как люди станут возвращаться с ярмарки. Потом Амаро улегся в гамак, предварительно закрыв входную дверь. И лежал так до тех пор, пока не услышал голоса во дворе. Старая Синья с кем-то разговаривала. Мастер вышел посмотреть, кто это, но не сразу узнал пришельца.

— Добрый вечер, мастер Зе. Я зашел к вам по поручению Алипио, который отправился в Санта-Риту. Он мне сказал: «Иринеу, зайди к мастеру домой и спроси у него то, что я заказал».

— Да, да, сеу Иринеу, заходите.

— Мастер Зе, я не здешний, я из Рибейры. Но мне несколько раз приходилось бывать тут с Алипио, когда мы шли с обозами. Вы, уж верно, знаете, о чем речь. Наш отряд нуждается в кое-каком продовольствии. Там в сертане у нас ничего нет. Так вот, капитан послал эти деньги и просил вас купить сушеного мяса, сигарет и муки. Я зайду к вам во вторник. Вот и все, мастер.

— Ко вторнику все будет готово.

Когда Иринеу ушел, мастер с тревогой подумал, что нелегко ему будет купить столько мяса и

сигарет, не обратив на себя внимания. Был уже вечер, когда Синья позвала его поесть. Но он не ответил ей. Оставаться в доме было невмоготу. Он услышал, как поет Жозе Пассариньо, возвращавшийся с базара. Ему нельзя было воспользоваться услугами этого негра. Да кто мог помочь в таком деле? Впрочем, он даже и не хотел ничьей помощи. Он должен был выполнить это поручение сам. У него в кармане лежала бумажка в сто милрейсов, совсем новенькая, хрустящая. Ее прислал капитан Антонио Силвино. Теперь он должен действовать. Ведь во вторник к нему придут за продуктами. И вдруг его осенило. Он скажет Салу, что торговцы кашасой, скрывавшиеся от податных инспекторов вдали от больших дорог в каатинге, попросили его купить им продовольствие. И сразу же почувствовал, как с его плеч свалился тяжелый груз. Жозе Амаро вышел на дорогу полюбоваться природой, насладиться одиночеством в ночной тишине. Благоухали кажазейры, окаймлявшие дорогу, залитую лунным светом. На колючих ветвях кабрейро висели белые, похожие на вату хлопья. К станции прошел обоз подвод с шерстью. Ночь вселила спокойствие в душу мастера, и шорник зашагал по направлению к Санта-Розе. Вот он идет по зем-

ле ненавистного ему Жозе Паулино. Перед ним плантации цветущего сахарного тростника. Это богатство полковника, тот мир, которого он не касался. Сколько раз у него возникало желание поджечь все! Но это была величайшая глупость. Земля ведь даст всходы и, как прежде, будет приносить доход богачу. Раньше он не мог спокойно видеть, как лениво и небрежно производились посадки на плантации полковника Лулы, как неумело, без всякого старания обрабатывалась земля. Теперь ему уже все равно. Он помогает человеку, который значит гораздо больше, чем полковник Жозе Паулино, хозяин всех плантаций, глава всех владельцев энженьо. Капитан Антонио Силвино делает все, что хочет и как хочет. Жозе Амаро сунул руку в карман и нащупал хрустящую бумажку, присланную ему этим человеком. Услышав, что навстречу ему идут люди, мастер свернул с дороги и спрятался за деревом. Несколько человек несли в гамаке покойника. Должно быть, он поплатился жизнью в какой-нибудь драке. Жозе Амаро спустился к реке и с беспечным видом зашагал дальше. При лунном свете все было видно, как днем. Теперь у него есть в жизни какая-то цель. Что ж делать, если у него такая дочь, если ему так не повезло с женой.

Он остановился передохнуть, подышать терпким ароматом, исходившим от кажазейр, увешанных плодами. Благоухала манака[26], пахла земля, которую он никогда не обрабатывал. Он всегда занимался своим ремеслом, имел дело только с кожей, резал ремни, забивал гвозди. Земля была ему чужой. Он смотрел на долину, разделанную под пашни, на заливные луга, на холмы, однако никогда не сознавал, что все это таит в себе огромную силу. Он знал, что человек все получает от земли, что земля все родит. И лишь теперь, на старости лет, сумел оценить красоту ночи; ночной покой, холодный лунный свет как бы проникал в его нутро. Его тяготило одиночество. И вместе с тем ему хотелось побыть одному. Все, что связывало мастера с домом, с семьей, заставляло его страдать и, точно острый нож, вонзалось в тело. У него не было сына, и сам он не стал таким, каким был его отец, — отчаянным, храбрым, умным. На берегу реки горел огонек. Верно, это Маргарида рыбу ловит. Он постоял под развесистым жуазейро. Под ним обычно ночевали торговцы кашасой. В свете луны дерево спокойно покачивало своими огромными ветвями. На земле виднелась зола

---

[26] Примечания: 26
Манака — лекарственное растение.

— остатки костров.

Мастер Жозе думал о капитане Антонио Силвино, но внезапно в его голове с удивительной настойчивостью возник образ несчастного Виторино, его кума, над которым потешались взрослые и которого дразнили мальчишки. Мысль о капитане Виторино неотступно преследовала мастера. И он понял, что любит этого человека больше, чем кого-либо. Странно, ведь Виторино всегда казался ему никчемным бездельником, бедным горемыкой. И откуда у него такая привязанность к старику? Мастер вспомнил, с какой яростью и негодованием набросился тот с оружием в руках на пьяницу-негра. Капитан был настоящим мужчиной, не то что он, Жозе Амаро, который так и остался шорником. И дочь — старая дева, и жена, обе они его ненавидят. Он простоял молча полчаса. На той стороне реки появилось несколько человек, они о чем-то тихо разговаривали. Он еще надежнее спрятался среди молодых деревьев. Теперь его трудно было обнаружить. Негритянка Маргарида откликнулась на чей-то зов с того берега. Мастер разглядел, — это были военные. Вероятно, полицейские, преследовавшие капитана Силвино. Потом негритянка возвратилась к реке, а люди повернули в сторону

железной дороги. Этот негодяй Энрике сказал ему, что лейтенант Маурисио отправился в сертан… А как раз там, на возвышенности, отдыхал со своими людьми капитан, ничего не подозревая об опасности. Мастера Жозе Амаро охватила тревога. Никогда ему не приходилось чувствовать то, что он чувствовал сейчас. Ему хотелось бежать, и сердце его стучало, как удары молота. От жуткого сердцебиения перехватило дыхание. Капитан был всего в нескольких километрах от полицейских. Стоит им подняться в каатингу, и они найдут там людей капитана. При свете луны преследователю ничего не стоило обнаружить его отряд. У Жозе Амаро нет сил подняться с влажной земли, на которую он прилег. Распухшие ноги стали ватными. Кончики пальцев похолодели, нестерпимая боль, казалось, разрывала тело на части. Он хотел закричать, но побоялся привлечь внимание полицейских. Скорчился, чтобы выдержать приступ страшной боли. Уткнулся головой в землю, впился в землю, которую никогда не любил. Зубы его вонзились в почву, в глину, на которой рос сахарный тростник полковника Жозе Паулино. Вдалеке громко залаяла, а потом завыла собака. Немного спустя все погрузилось во мрак. Сознание возвращалось к Амаро медленно.

Мастер ощутил солнечное тепло на своем лице. Где-то поблизости находились люди. Они о чем-то говорили. Голоса их все приближались. Вот они уже совсем рядом от того места, где он лежит распростертый на самой большой постели мира. Он ясно различает голос своей жены. Его кладут в гамак. Несут. Остановились у двери его дома. Солнце печет лицо. В горле пересохло, ноги точно налиты свинцом, голова разламывается от боли. Тихий говор людей досаждает ему. Он хорошо разбирает слова жены. Он снова все понимает, он снова хозяин самого себя.

— Зека, ты потерял сознание на берегу реки.

Мгновенно все всплыло в его памяти. Лихорадочно заработала мысль.

— А лейтенант Маурисио?

— Какое тебе до него дело?

Ему снова захотелось погрузиться в небытие, ничего не чувствовать, не слышать.

— А лейтенант?

— Тебе, видно, еще очень плохо. Спи, Зека.

И она напоила его крепким чаем из кружки. Домашнее лекарство обожгло внутренности. Он закрыл глаза и стал ощупывать гамак, как бы желая узнать, где он находится.

Немного погодя мастер Жозе Амаро открыл

глаза и позвал жену.

— Есть еще кто-нибудь в доме, Синья?

— Нет, все ушли. Спи, Зека.

— Синья, я, видно, чуть не умер. Где меня нашли?

— Я едва с ума не сошла, так долго ты не возвращался домой. Глаз сомкнуть не могла. Вдруг приходит старый Лусиндо и говорит, что ты лежишь мертвый на берегу. Я бросилась туда, а там уже народ собрался. Ты лежал весь белый, как покойник, уткнувшись лицом в землю.

— И что со мной такое приключилось? Сначала сердце схватило — вот-вот лопнет. Больше я ничего не помню.

Жозе Пассариньо сидел в кухне на полу, как собака. В доме было тихо, лишь канарейка по-прежнему распевала на карнизе. Пассариньо попытался заговорить со старой Синьей.

— Что вы хотите, сеу Жозе? Я очень занята, вы же видите.

— Дона Синья, Алипио дал поручение мастеру, а тот сейчас так болен, что уж и не знаю, как теперь быть.

— Я поговорю с Зекой.

Старуха испугалась, должно быть, это дело связано с капитаном Антонио Силвино. Как это

сеу Алипио угораздило впутать в эту историю такого человека, как Жозе Пассариньо? Совсем спятил. Мастер лежал в гамаке, широко раскрыв глаза, лицо у него было опухшее, желтое, почти восковое. Мысли его витали где-то далеко, когда вошел Пассариньо и заговорил с Жозе Амаро о поручении Алипио. Мастер хотел встать, но не смог. Он позвал жену:

— Синья, посмотри, у меня в кармане должны быть деньги!

Старуха появилась с бумажкой в сто милрейсов, хрустевшей в ее руках.

— Спрячь.

Алипио прислал Пассариньо узнать у мастера, сделал ли он сандалии. Ему они нужны во что бы то ни стало сегодня ночью. Мастер Жозе велел негру выйти и попросил жену:

— Синья, тебе придется пойти в лавку Салу и купить сушеного мяса и мешок муки. Скажи, что это для торговцев кашасой, которые в каатинге скрываются.

Он говорил с трудом, было видно, что это стоило ему больших усилий. Затем он снова впал в забытье. Жозе Пассариньо, сидя у порога, тихонько напевал:

Эх-ох, мой бог

Жернов провернуть помог.
Нет рубахи, но зато
Мне не нужно и пальто.
В лавке пьянствует приказчик,
А хозяин — в Варадо.
Я сижу в Итабайане,
Стадо бродит по поляне…
Эх-ох, мой бог
Жернов провернуть помог.

Мастеру казалось, что эти звуки идут к нему откуда-то из другого мира. Он лежал с закрытыми глазами, чувствуя боль во всем теле. Малейшее движение вызывало такое острое страдание, точно у него были переломаны кости или разорваны мышцы. И все же он должен выполнить поручение капитана.

— Синья, тебе надо сходить в лавку Салу. Возьми с собой Пассариньо, он поможет тебе донести продукты. Пусть сходит пару раз.

На дороге звенели колокольчики коляски полковника «Лулы. Экипаж остановился у двери Жозе Амаро. Послышался голос кучера:

— Эй, кто там в доме?

— Добрый вечер, сеу Педро.

— Мастера нет, дона Синья?

— Он болен, сеу Педро.

— Полковник прислал меня к нему с поручением.

— Я ему передам, сеу Педро.

И снова звон колокольчиков в тишине вечера. Пассариньо продолжал петь:

Эх-ох, мой бог

Жернов провернуть помог.

Старая Синья зашла в комнату взглянуть на мужа. Он спал, широко открыв рот, полуприкрыв глаза. Она пошла за простыней накрыть его. В этот день у Марты снова случился припадок. И вот сейчас, перед мужем, которого она боялась, перед ее суровым властелином, Синья чувствовала себя сильной, хозяйкой положения. Но вот Зека открыл глаза, посмотрел на нее, как бы желая испепелить ее своей ненавистью, и Синья, вскрикнув, убежала на кухню. Что-то дьявольское она увидела в лице мужа.

VII

— Дона Адриана, вы не верите этому потому, что не хотите поверить. Но ведь нашли же его с набитым землей ртом на берегу реки.

— Ерунда, Маргарида, все это выдумки.

— Выдумки, дона Адриана? Но я несколько раз видела, как он бродит по берегу, сам не зная зачем. Что он там делает? Ну скажите мне, что нужно мастеру Жозе Амаро у реки, раз он там бродит как неприкаянный?

— Девочка, мой кум с большими причудами и трудным характером. В этом нет ничего особенного. Ведь он целый день работает, а вечером идет погулять, размяться.

Негритянка Маргарида остановилась у дома Виторино, чтобы рассказать его жене, как старый Лусиндо нашел мастера Жозе Амаро. Она была взволнована, видно было, что это произвело на нее сильное впечатление.

— Сколько раз я его там встречала. Ведь меня сегодня могло уже не быть в живых, дона Адриана.

— Да будет вам, дона Маргарида. Злые сплетни — больше ничего. Очень скоро вы увидите кума в полном здравии.

Негритянка молча склонила голову, ничего не сказав. Она ушла под моросящим дождем, ступая по грязи. Когда она скрылась из виду, старая Адриана попыталась отбросить нелепые мысли, будто ее кум превратился в оборотня, но не смогла. Несколько дней назад Виторино отправился в Итамбэ, и до сих пор от него не было никаких известий. Она узнала от одного возчика из Гойаны, что он находился в энженьо Гамелейра, у своих родственников из Пернамбуко. Адриана старалась думать о Виторино, но это ей не удалось. Мысли упорно возвращались к мастеру Жозе Амаро. Она представила себя на месте кумы Синьи, и ей стало жаль ее. Когда люди предъявляли какому-нибудь христианину такое обвинение, они уже не отставали от него. Бедняга кум, теперь ему не будет больше покоя! Теперь до самой смерти он останется для всех оборотнем, страшным чудовищем, которое выходит по ночам губить живые существа. И как такое приходит людям в голову. Она была необразованной женщиной, не читала книг, но знала, что все это глупости, дурацкий страх запуганных людей. Надо прибраться в доме, а потом пойти разузнать, что же на самом деле приключилось с кумом. Может, он действительно очень болен?

Так она и поступила. Когда стало вечереть, она отправилась в дом мастера Жозе Амаро. Солнце все еще палило, но тень от кажазейр смягчала дневную жару. Дона Адриана прихватила с собой пятнистого петушка. Может быть, у кумы нет молодой курятины для больного. Она шагала вверх по дороге, продолжая думать о словах негритянки Маргариды. Вскоре на тропке, которая вела к дому старого Лусиндо, ей повстречалась группа людей. Судя по тому, что за спиной они несли гамаки, это были дорожные рабочие. Они разговаривали со старым Лусиндо. Завидев дону Адриану, старик пошел ей навстречу.

— Добрый вечер, дона Адриана. Далеко ли собрались?

— Да нет, хочу навестить куму Синью. Я слышала, с кумом случился обморок.

— Это верно, я сам нашел его. Вид у него был как у покойника, дона Адриана! Зубы стиснуты, рот полон земли. Я даже решил, что он мертв. Не стал его трогать. Поспешил позвать старуху, а заодно и всех, кто встретился по дороге. Бедняга Жозе Амаро! Народ болтает о нем бог знает что, распускает всякие слухи. Мои сестры дрожат при упоминании о нем. Мне трудно судить, дона Адриана. Я уже стар и, хоть прожил большую

жизнь, никогда не встречал человека с таким характером, как у мастера: он всем грубит.

— Это верно, сеу Лусиндо, но кум неплохой человек. Только вот на язык несдержан…

— Да, дона Адриана, и все же когда народ начинает о ком-нибудь говорить плохо, то это неспроста.

Рабочие остановились возле жуазейро. Потом один из них подошел к сеу Лусиндо.

— Старина, нам нужно где-нибудь переночевать. И хорошо бы поесть, мы очень голодны.

— Что вы, сеньор, такую ораву не больно накормишь. Я бедняк, у меня ничего нет, я живу тем, что заработаю на своей лошади.

— Мы заплатим.

— Да на что мне ваши деньги? Где я смогу купить продовольствие?

Когда рабочие ушли, старый Лусиндо сказал доне Адриане:

— Из сертана. А я не хочу иметь дела с сертанежо. Они, как муравьи, расползаются по свету, оставляя свои дома. Да, дона Адриана, и все же мастер Жозе внушает всем ужас. Негритянка Маргарида видела, как он бродит по ночам точно помешанный. И чего человек бродит по ночам? По правде сказать, я не очень-то верю в эту исто-

рию с оборотнем. Ведь и про беднягу Неко Паку то же самое говорили. Я знал покойного Неко. У этого мужчины было сердце девушки. А по ночам он ходил только потому, что не мог переносить солнца. С мастером Жозе Амаро что-то другое. По правде говоря, я не могу сказать о нем ничего плохого. У него свой дом, свое ремесло, своя семья. Во всем, черт возьми, виноват его язык. Похоже, нет такого человека, который был бы угоден мастеру, дона Адриана? Вот вы хорошо его знаете, он ваш кум, и все же вы не можете сказать, что я говорю неправду.

— Это все характер, сеу Лусиндо.

— Да, а говорят — полковник Лула де Оланда очень сердит на мастера. Может быть, это чьи-нибудь козни. Негр Флорипес говорил моей сестре, что полковник потребует от мастера вернуть дом. Жалко его. Я знал его отца. Он был совсем молодым парнем, когда перебрался из Гойаны в Рибейру. Его все уважали, хоть он и убил кого-то. Он был другим. Неужели, дона Адриана, для мастера Жозе Амаро нет ни одного хорошего человека?

— Да есть, конечно, есть, сеу Лусиндо. Кум только болтает. Это я вам верно говорю. Люди зря его боятся.

— Возможно, и так.

Старая Адриана распростилась, передала поклон его сестрам и пошла дальше. Старик задержал ее.

— Дона Адриана, у меня есть петушки. Хорошо бы их оскопить. Когда бы вы смогли?

— Как только наступит новолуние, сеу Лусиндо.

Из Пилара гнали скот, купленный на ярмарке в Итабайане. Шедший впереди пастух наигрывал на бамбуковой дудке грустную мелодию, от которой тоска бередила душу. За ним брели быки — их гнали на бойню в Параибу. Стадо поднимало пыль на дороге, крики погонщиков заглушали топот животных. Адриана дала стаду пройти и продолжала свой путь. Дудка негра напомнила ей далекое прошлое и юность, проведенную в сертане. Когда старый Лусиндо сказал о сертанежо, которые расползаются по свету, как муравьи, у нее было такое чувство, будто он говорил о близких ей людях. О тех людях, что, умирая с голоду, прибыли в Санта-Фе, спасаясь от страшной засухи, разорившей и ее семью. Грустный напев напомнил ей сертан, куда она уже никогда не вернется. Тоска завладела душой Адрианы. По обе стороны пыльной дороги благоухали кажазейры,

в рощах на все голоса распевали птицы. Дона Адриана несла пестрого петушка своему куму. Дом мастера был уже недалеко. Вот и питомбейра, которая, казалось, вырастала по мере приближения Адрианы к дому шорника. Однако мастера не было под навесом, как обычно. Ей вдруг стало страшно, уж не пройти ли мимо, — тут она увидела куму. Подошла поближе. Какое-то странное выражение было на лице Синьи: глубокая грусть, большое горе.

— Добрый вечер, кума.

— Добрый вечер, кума Адриана. Я весь день думала о вас.

Глаза ее наполнились слезами. А Адриана с участием сказала:

— Всему воля божья, кума. Всему воля божья. Мы должны стойко встречать удары судьбы.

Они вошли в дом. Адриана подошла к больному.

— Добрый вечер, кум.

Мастер Жозе Амаро открыл глаза, взглянул на Адриану и слабым голосом попросил ее подойти. Руки у него онемели и затекли, глаза еще больше пожелтели.

— Ничего, кум. Все обойдется. Через пару деньков вы снова будете колошматить свою кожу.

Мастер Жозе Амаро улыбнулся и устало закрыл глаза, не в силах ничего сказать.

Женщины вышли в другую комнату. Синья рассказывала гостье:

— Уже две ночи не сплю, кума. Девочке опять хуже, а у Зеки такая болезнь, что я и не знаю, что думать. Каждую ночь он уходит из дома и бродит как помешанный, в этакий вот холод. А три дня назад ко мне прибежал сеу Лусиндо и сказал, что нашел Зеку мертвым под кабрейрой на берегу реки. Прибежала, смотрю: ну, труп, — и все! А народу собралось! И бог знает что болтают, говорят, что Зека оборотень. Прямо беда! И о девочке болтают…

— Мало ли что! Глупые люди!

И слезы потекли из глаз старой Синьи. Она хотела сдержаться, но не могла. Приглушенное рыдание раздалось в тишине дома. Кума молчала. Она давала ей выплакаться.

— Кума Адриана, мать всегда страдает за свое дитя. Но те ли это страдания? Вы только взгляните, кума, на бедную Марту. Ведь она убивается от тоски и отчаяния. Видно, это кара божья. Да еще история с Зекой. Вы слышали, кума, что говорят люди? Я даже стыжусь выйти из дому. На днях у реки одна девчонка из Риашана, не зная, что я его

жена, такое мне наговорила…

— Обойдется, кума, придет день, выздоровеет Марта, и у кума не будет никаких хворостей.

В дверь просунул голову Жозе Пассариньо.

— Вам что-нибудь нужно, сеу Жозе?

— Нет, ничего, дона Синья. Я только хотел узнать, как здоровье мастера.

— Слава богу, лучше.

— Дона Синья, я снес Алипио и муку и мясо. Он уже знает о болезни Жозе Амаро. Завтра хочет зайти к вам. Как там мастер, еще не говорит?

— Входите, сеу Жозе, загляните к нему.

Когда Пассариньо прошел в комнату Жозе Амаро, дона Синья продолжала:

— И поговорить не с кем. У меня здесь нет ни одного близкого человека, ни у кого не найдешь утешения.

В комнате потихоньку стонала Марта.

— Вот, слышите? И так весь день. Я уже подумывала отвести ее к Донате, — может, та прочтет над ней молитву. Хотя я не очень-то в это верю. Да и стоит ли обращаться к этим людям?

— Верно, кума. Я тоже одна. Каждый из нас несет свой крест. Мой крест — Виторино. Он как Вечный жид — без конца шляется по свету, то с одним поговорит, то с другим.

Они замолчали. До них доносились обрывки разговора, который вели вполголоса мастер и Жозе Пассариньо.

— Кума, я хочу сказать вам одну вещь.

Дона Синья говорила дрожащим голосом, лицо ее было испуганным.

— Кума, я боюсь Зеку.

И она, замолчав, уставилась в пол, точно устыдившись своих слов. Затем повторила, как бы оправдываясь:

— Я боюсь его.

Дона Адриана подошла к подруге, желая утешить ее, подбодрить, дать выговориться.

— Чего же вы боитесь, кума?

— Не знаю, как вам сказать. Но я чувствую, что Зека не такой, как другие.

— Не говорите так, кума Синья, не говорите так.

— Я говорю потому, что мне надо освободиться от этого страха. Я сама хочу от этого отделаться, раз и навсегда. Вы знаете, как мне тяжко. Из-за девочки, из-за мужа.

И она снова заплакала. Дона Адриана не знала, как ее утешить. Да и что она могла сказать своей подруге, крестной ее сына Луиса, которую она уважала больше всех, этой доброй женщине с

мягким характером и отзывчивым сердцем.

— Кума, это у вас просто от нервов, все это вы вбили себе в голову.

Но слова ее не убеждали. Это были просто слова утешения.

— Зека где-то бродит по ночам. Видели бы вы, каким он возвращается с этих прогулок. Точно сам дьявол вселяется в него. Он ворочается в гамаке, сам с собой разговаривает, покрикивает во сне. Раньше он был другим, кума. А днем орет на нас как помешанный. Поносит дочь, бранит меня. Он стал совсем, совсем другим.

— Ну что вы, кума, Жозе Амаро всегда был таким. Просто с возрастом он стал упрямее. Вы преувеличиваете.

— Хорошо, если так. А однажды он так уставился на меня, что я испугалась и убежала. Ну, дьявол — и все! К счастью, Марта ничего не заметила.

Пассариньо вышел от мастера и сказал старой Синье, что тот хочет дать ей кое-какое поручение. Синья пошла узнать, что ему нужно.

— Послушай, Синья, завтра сюда придет Алипио с новым заказом от капитана. Если я к тому времени смогу подняться, то схожу сам к Салу, а если нет — пойдешь ты.

Жена молча выслушала его. Голос мужа пока-

зался ей громче, а лицо добрее.

— Пассариньо предупредил меня, что Алипио опасается доноса. Он подозревает Лаурентино. Я так и думал, но этой собаке меня не обмануть. Капитан им займется.

Мастер как-то сразу преобразился. Дело вооду-шевляло его. Он сел в гамаке.

— Руки еще не совсем слушаются. Но завтра я все же встану.

Старая Синья по-прежнему молча слушала.

— Кума еще здесь? Не говори ей ничего об этом. А знаешь, мне даже поесть захотелось.

— Принести кусок пирога и кофе?

— Принеси.

Когда Синья вернулась к куме, та разговаривала с Мартой. Матери бросилось в глаза, что девушка выглядит как-то необычно.

— Марта показывает мне вышивки, которые она делает для доны Ненем. Чудесно!

— Да что вы, дона Адриана!

И Марта рассмеялась. Мать сияла от радости. Она уже несколько дней не слышала ее голоса, не слышала, чтобы дочь разговаривала нормально, как все люди. И ей захотелось ее приласкать. Она подошла, погладила девушку по затянутым в пучок волосам. Марта отпрянула и зло взглянула

на мать. Потом взяла вышивку и ушла к себе. Старая Синья посмотрела на подругу и горестно опустила голову.

— Вот видите. Она всегда так, будто я ей враг.

— У девочки просто нервы не в порядке. Вы должны понять это.

Наступал вечер. Они вышли во двор.

— Какие красивые розы на этом кусте, кума!

— Это Марта принесла из Санта-Фе и посадила. Вот если бы Зека узнал, что она туда ходила, было бы дело…

Вечерний ветерок шевелил ветви красной сосны и листья жасмина.

— Кума, снесите-ка эти розы вашим святым.

— Ну что ж, хороший совет. Ведь на самом деле если я в кого и верю, кума, так только в своих святых.

За стеной потихоньку всхлипывала дочь. Ветер раскачивал увешанные плодами ветви женипапейро, поднимал пыль на дороге.

— Кажется, дождь собирается, кума, все небо затянуло.

— Божьи барашки на небе.

Откуда-то с луга доносилось пение Пассариньо.

— А он неплохо поет.

— Всю душу вкладывает. Если бы не проклятая водка, он был бы хорошим человеком. Нас-то он уважает. Но когда выпьет, просто дуреет. Как-то на днях обидел вашего мужа.

— Виторино неисправим, готов поссориться даже с этим негром. Ну ладно, кума, пойду попрощаюсь с кумом, а то уже поздно.

Когда дона Адриана уходила, старая Синья еще раз хотела пожаловаться ей на свою судьбу. Но у подруги не было времени ее слушать. Надо было торопиться, иначе ночь могла захватить ее в лесу Роло. Она взяла три розы, подаренные кумой, чтобы положить их к ногам святого Себастьяна, в надежде, что тот даст силы ее сыну Луису. Негр своими песнями наводил тоску. И зачем только Виторино затевает с ним ссору!

Жена шорника смотрела, как медленно по дороге уходит кума. Громко распевала канарейка на карнизе, голубки заполнили весь двор, подбирая что-то с утрамбованной земли. Она слышала, как на крюках поскрипывал гамак Зеки. Постояла немного, ничего не видя перед собой. Жозе Пассариньо пел:

Волн зеленый хоровод —
В море лодочка плывет.

Еще рано было загонять кур на насест. Легкий ветерок шевелил листья питомбейры. Синья поселилась здесь после смерти свекра. Сестры Зеки были устроены на стороне. А ей и Зеке досталось все отцовское добро. Она не хотела думать о прошлом. Зачем ей воскрешать его, те далекие дни, которых уже не вернешь, зачем возвращаться к той жизни, которая для нее умерла? В этом доме она пережила много горьких минут. Погруженная в свои мысли, она ничего не видящим взором смотрела на дорогу, на зеленые холмы. Ее подруга Адриана ушла. Только ей могла она доверить все свои беды. Звон колокольчиков вывел ее из задумчивости. Полковник Лула направлялся в Пилар. Коляска пронеслась мимо; лошади мчались во весь опор. Она не успела рассмотреть, кто ехал в карете. Заметила лишь, что кучер даже не обернулся в сторону их дома. Прежде, когда полковник Лула проезжал мимо, он всегда снимал шляпу. А сейчас коляска промелькнула как молния. Синья пошла загонять кур, и тут появился охотник Маноэл де Урсула с ружьем за спиной и с полным ягдташем.

— А вот и дичь, дона Синья. В этом году, правда, ее маловато, но если засуха будет сильной, она появится. Как здоровье мастера, дона Синья? Я

слышал, что полковник Лула собирается отобрать дом у сеу Жозе. Об этом везде болтает Флорипес.

— Первый раз слышу, сеу Маноэл. Думаю, Зека тоже ничего не знает. Может быть, это выдумка Флорипеса? Мы здесь живем очень давно, но между Зекой и хозяином энженьо никогда не было никаких ссор.

— Может, негр все это и выдумал. Он ходит и мелет всякую ерунду о мастере. Говорит, будто мастер Жозе оборотень.

На лице старой Синьи появилась страдальческая гримаса. Охотник почувствовал, что причинил ей боль.

— Не принимайте близко к сердцу, сеньора. Я говорю вам об этом потому, что мне обидно за мастера. Мы люди бедные, но когда надо кому-то помочь, помогаем. Я живу в Энженьо-Вельо с рождения. И ступаю по этой земле с тех пор, как научился ходить. Как-то раз ко мне явился управляющий и стал требовать плату за аренду. Я ему ответил: «Все мое достояние — мои дети. Если хотите забрать одного из них, можете взять». Управляющий посмотрел на меня, понял, что с меня взять нечего, и убрался восвояси. Передайте мастеру, что, если понадобится моя помощь, ему стоит меня лишь крикнуть. Я вам оставлю

несколько зверьков на обед.

Когда охотник ушел, старая Синья поняла, почему коляска полковника Лулы так быстро проехала мимо их дома. Она вспомнила, что ее мужа приглашают в каза-гранде. Полковник хотел видеть Зеку, чтобы переговорить с ним. Без сомнения, это проделки Флорипеса.

Тут был ее дом, ее цветы, все это принадлежало ей, в этом был смысл ее существования. Сейчас она почувствовала это особенно остро. Синья медленно оглядела ограду, которую сама соорудила, розовые кусты, которые сама посадила. Все тут сделано ее руками. Неужели у нее все отберут? Зека с открытым ртом спал в гамаке. Она боялась смотреть на мужа, ее пугало его искаженное лицо. Однако нужно было принимать какие-то меры. Неужто Флорипес говорит правду? Сумерки стали сгущаться. В небе замелькали летучие мыши. Позднее они повиснут на спелых плодах. Из комнаты, где спала дочь, ничего не было слышно. Синье казалось, что она одна во всем мире и вокруг нее мертвая тишина. Куры успокаивались на насесте, тихонько блеял козел. Она вспомнила, что не дала ему воды. Пошла на кухню. Там было темно, совсем темно. Она зажгла лампу, и вдруг ее охватило острое желание закричать, завыть,

разрыдаться. Лампа осветила кухню. В дверях возникло огромное опухшее лицо Зеки, дикое, зверское. Она выронила лампу и убежала.

— Да что с тобой, жена? Это же я.

Постепенно Синья пришла в себя, ей стало стыдно.

— Я только что видела тебя в гамаке и решила, что в доме кто-то чужой.

— Куда это годится, что тебе, старой женщине, что-то привиделось! Да, кстати, я услышал, как проезжает коляска, и вспомнил, что полковник хочет поговорить со мной. Что еще нужно от меня чертову старику? Я уверен, что все это козни проклятого Флорипеса. Он, наверное, наговорил на меня этому сумасшедшему. Но меня не запугаешь. Я болен, но еще в силах выпустить кишки подлым кабрам.

Он говорил, скрипя зубами, с таким видом, будто во всем была виновата жена.

— Успокойся, Зека. Тут проходил сеу Маноэл де Урсула и принес нам кое-что к обеду.

— Если это штуки Флорипеса, то, клянусь, я убью его! Мне не так много осталось жить, но и этому негодяю долго не протянуть!

Голос его осекся; керосиновая лампа освещала желтые глаза, грязную бороду и косматые волосы

разъяренного мастера. Он сел на ящик. Жена подала ему чашку кофе. Он совсем обессилел. В кухню вошла Марта и присела возле двери. Все молчали. Мастер Амаро медленно поднялся. Некоторое время спустя гамак снова заскрипел под тяжестью тела. Пришел Жозе Пассариньо и попросил поесть. Вокруг коптившей лампы вились комары.

— Фитиль пересох, дона Синья. Я голоден сегодня, как сертанежо.

— Сейчас, сейчас, сеу Жозе.

Марта вскочила и со злобой закричала:

— Несчастные, вы думаете, что убиваете меня, думаете, что мочитесь на меня?

Мастер пришел посмотреть, что случилось. Марта задыхалась.

— Что с тобой, девочка?

— Девочка, девочка! Я девочка… Где она, эта девочка?

И она бросилась вон из дома. Старая Синья схватила ее, но Марта стала вырываться, хохотать и кричать все громче и громче.

— Сеу Жозе, помогите мне.

Пассариньо подбежал к девушке. Мастер Жозе Амаро с ремнем в руке бросился к дочери и начал ее безжалостно хлестать. Старая Синья

закричала:

— Остановись, побойся бога, остановись, во имя Христа!

А он хлестал ее все сильнее, вытаращив глаза.

— Я хочу, жена, выбить из нее болезнь.

Марта, свернувшись калачиком на полу, рыдала, как ребенок. Мастер Амаро, обессилев, упал. Пассариньо подхватил его и поволок к гамаку. Рыдания Марты раздавались то громче, то тише, они походили на скрип повозки, которую тянут быки.

— Несчастный ты человек! — закричала старуха. И снова вечернюю тишину нарушили колокольчики проезжавшего кабриолета. В доме мастера Амаро было тихо. Сидя в гамаке, шорник хотел только одного — умереть. Сердце бешено колотилось, совсем как в ту ночь, когда случился обморок, рот был открыт, в ушах стоял звон. Но постепенно он стал приходить в себя, и взгляд его прояснился. Он улегся, натянул на голову простыню и неожиданно разрыдался. Из его желтых глаз полились горькие слезы; он страдал, ему было больно за своих близких. Он отчетливо слышал, как жена сказала на кухне:

— Злобный он, отец.

Ему захотелось встать, пойти поговорить с Си-

ньей. Он был уверен, что все болезни можно из дочери выбить, хорошенько выдрав ее ремнем. Именно так Маноэл Фейтоза из Католэ лечил свою дочь, у которой были точно такие же припадки безумия.

— Злобный отец.

Понемногу силы возвращались к нему. В открытое окно заглядывала огромная красная луна, похожая на гигантский глаз, — казалось, она наблюдает за ним. Порывы холодного ночного ветра раскачивали ветви питомбейры. С большим трудом Жозе Амаро поднялся и побрел к выходу. Жозе Пассариньо уже ушел. В комнате мастер увидел дочь, которую Синья держала в объятиях. Он ждал, что жена сразу же набросится на него.

— Зека, у тебя нет сердца.

Жозе Амаро хотел ответить, но не смог. Слезы побежали из его глаз. Он отвернулся, чтобы старуха их не заметила. Во всем виновата болезнь; она изнуряет и убивает мужество. Тень его, похожая на силуэт какого-то чудовища с огромными лапами, шевелилась на стене в колеблющемся свете лампы. Ощущая боль во всем теле, мастер Жозе Амаро подошел к жене. У него появилось желание сказать ей что-нибудь ласковое, — прежде он никогда не испытывал такой потребности. Но не

было сил, слабость одолевала его. Луна осветила ветви женипапейро; где-то далеко лаяли собаки. Марта вновь начала истошно хохотать.

— Девочка, — кричала она, — девочка!.. Помочись на меня!

Отец и мать переглянулись, сейчас они понимали друг друга. Их дочь погибла. Старая Синья казалась смертельно раненной, она была бледна и вся дрожала.

— Зека, Марта помешалась.

И вдруг, как бы пробудившись от глубокого сна, мастер приказал жене:

— Пойди принеси ремень.

— Зачем, боже мой? Ты убьешь свою дочь.

— Разве ты не видишь, что это для ее же блага, жена? — И сам отправился за ремнем. Марта закричала:

— Девочка, девочка!

Когда Жозе Амаро появился в дверях спальни, Синья встала перед ним на пороге.

— Ты не посмеешь ее бить. Я не дам тебе!

Мастер посмотрел на Синью так, будто готов был побить и ее, и, оттолкнув жену, подошел к Марте. И снова начал полосовать ее ремнем.

Старая Синья выскочила из дома и заголосила:

— Не убивай девочку, Зека, не убивай девочку!

Но тут же, взяв себя в руки, вбежала в дом и увидела оцепеневшего мужа и притихшую дочь. В доме было тихо. Ей хотелось взглянуть на Марту, но она не решилась. Зека стоял с широко открытыми глазами, устремленными в одну точку. Свет лампы колебался от порывов ветра. На женипапейро раскачивались летучие мыши. Мастер шагнул ей навстречу, сжимая ремень в руке. Это чудовище, этот дьявол теперь шел на нее. И снова старая Синья бросилась во двор и спряталась в кустах, залитых белым светом луны. Она видела, как Зека вышел из двери, огляделся и вернулся в дом. Где-то около дома старого Лусиндо завывали собаки. Старая Синья боялась теперь собственного дома. Она чувствовала себя несчастной, слабой, беззащитной. Ей стало стыдно своего страха. И, пересилив себя, она вошла в дом. То был ее дом, который она так любила. Ей почему-то снова вспомнились ее молодые годы, как в тот раз, когда сеу Маноэл рассказывал ей про болтовню Флорипеса. Она была уже старой женщиной, а вела себя, как глупая девчонка. Дочь храпела в глубоком сне. Зека окликнул ее:

— Синья!

— Иду.

Она испытывала ужас, какого никогда раньше

не знала. Но, сделав над собой усилие, переступила порог дома.

— Что тебе?

И тут старая Синья впервые в жизни увидела, как рыдает ее муж. Он плакал, как обиженный ребенок. Эти слезы разрывали ей сердце. Она стояла на пороге и смотрела на него. Он ни слова не мог выговорить. Но глаза выражали глубокое страдание. Наконец он выдавил:

— Синья, Марта помешалась.

Она не могла подойти к мужу. Ей претил запах кожи. Эта вонь с первых дней их брака наполняла весь дом. К горлу подступила тошнота. У Синьи было такое чувство, будто рядом разлагается труп. Тошнота душила ее. Рыдания Зеки, его страшное лицо, слезы — все это было связано в ее сознании с этим убийственным запахом. Синья убежала на кухню. Петухи запели на насесте, хотя до рассвета еще было далеко. Она почувствовала резкую боль в желудке, от тошноты появилась горечь во рту. Ей почудилось, что откуда-то издалека, точно с того света, до нее донеслись слова молитвы, которую поют в церкви:

Будь, о Пречистая,
Благословенна!

Славься, зачатья
Миг сокровенный!

VIII

Марта по-прежнему была в тяжелом состоянии. О ее болезни говорили вполголоса, как о чем-то секретном, нехорошем. И мимо дома мастера, который сам только недавно оправился от болезни, люди проходили с опаской. Слепой Торкуато научил мастера приготовлять слабительное из картофеля, и к нему понемногу возвращались силы. Однажды утром он проснулся с намерением поработать и немного пройтись. Лазурно-голубое небо, зеленый лес и пение птиц показались шорнику какими-то особенно яркими и звонкими. Жизнь едва теплилась в его ослабевшем теле. После той ночи, когда он избил Марту, он совсем слег. Но лекарство слепца оказалось чудодейственным. После второго приема настоя он почувствовал себя гораздо лучше. Раньше во рту была горечь, язык казался распухшим и все тело ныло. Он с трудом поднимал опухшие веки, глядел перед собой помутневшим взором. Сильный жар и лихорадочный озноб не оставляли его целый день. Но после того как он начал принимать слабительное, все прошло. В это утро мастер Жозе Амаро, лежа в гамаке, смотрел в

открытое окно и видел окружающий мир таким далеким, таким чужим. Какие-то смутные воспоминания приходили ему в голову, но она была еще слаба. Он только смотрел и всем своим существом ощущал свежесть этого утра, свежесть ветерка, который шевелил листья питомбейры. Жозе Амаро слышал голос жены на кухне, слышал голос Марты, говорившей без умолку, но все это было где-то там, за горизонтом, на далеком от него расстоянии, которое он не в состоянии преодолеть. Ярко-желтая канарейка, как всегда, распевала на карнизе. Пение, которое он с таким удовольствием всегда слушал, постепенно возвращало его к жизни. Он знал, что уже не умрет. Попробовал встать. У него закружилась голова и помутилось в глазах. Но тут же он решил во что бы то ни стало побороть в себе эту слабость и поднялся. Амаро заставил себя пройти по комнате, подойти к окну. Ветер донес запах спелых плодов кажу, рассыпанных по земле. Благоухали кусты жасмина. С жадностью, неведомой ему прежде, он впитывал в себя этот аромат, точно сладкий напиток. Отросшая борода, огромные космы волос, спадавшие на уши, делали мастера похожим на дикого зверя или на какое-то чудовище. Он этого не знал. Он смотрел на все вокруг

изголодавшимися глазами. И вдруг, как будто из-под земли, перед ним вырос его друг Алипио, он показался ему привидением, призраком.

— Добрый день, мастер Жозе.

— Это вы, Алипио? — отозвался тот холодно, почти безразлично.

— Негр Пассариньо сказал мне, что вы больны, но я вижу, вы уже на ногах.

Мастер с трудом заставлял себя говорить.

— Да, верно, я тут немного болел. Проклятая хворь! К счастью, слепец Торкуато научил меня делать слабительное. И я, как видите, сегодня встал.

— Я был в сертане, мастер Жозе. Отвозил кашасу полковнику Фелисиано из Анжико — товар, доставленный контрабандой из Пернамбуко. Мы сдали партию в Фагундесе.

— А что капитан?

— Сейчас он далеко отсюда. В последний раз я видел его там, наверху, на плоскогорье. Капитан доволен вами. Его ребятам понравились сандалии. Я ему сказал все, что думаю об этом Лаурентино, что якшается с лейтенантом Маурисио. Капитан ответил, что у него припасена «бычья лиана» — он ее растреплет на спине этого негодяя.

Ветер развевал волосы мастера. Из-за длинной бороды и блуждающего взгляда он походил на одного из тех блаженных, что бродят по сертану.

— У этого лейтенанта нюх как у лисицы. Но капитан Силвино с ним разделается. Говорят, правительство обещало заплатить семьдесят конто[27] тому, кто схватит капитана.

Отчаянно закричала и захохотала Марта.

— Она заболела, мастер Жозе?

Шорник молча кивнул головой.

— Нет ничего хуже этой болезни. Помню, мой дядя — у него была тоже эта хворь, — как только наступало полнолуние, кричал, будто его режут.

По грустному лицу мастера Алипио заметил, что тому неприятен этот разговор, и сразу же переменил тему:

— Я собираюсь вступить в отряд капитана. Быть шпионом — не по мне. Правда, боюсь, мать не переживет этого. Она догадывается, что я задумал, и ей просто страшно. А когда мать так убивается, трудно решиться. Но я все же уйду к капитану. Контрабанда кашасой мне не по душе. Работать на хозяина энженьо Анжико не очень-то приятно. Я хочу иметь дело с оружием. Вот это

---

[27] Примечания: 27
Конто — денежная единица Бразилии.

действительно мужское занятие!

Мастер дал Алипио выговориться, но мысли его были заняты другим. Когда тот кончил, мастер сказал:

— Вы все рассуждаете, а такое дело лучше решать сразу. Кончится тем, что Лаурентино донесет на нас, и все. Вы отсюда уйдете, а я ведь останусь. У меня жена-старуха и больная дочь. Пусть этот подлец лучше ко мне не суется.

Мимо проходил возчик Мигел из Санта-Розы. Он зашел к мастеру осведомиться о его здоровье.

— Я почти поправился, сеу Мигел. Можно сказать, что на этот раз бог меня миловал.

Голос шорника стал при этом каким-то резким.

— Да, мастер Зе, прошел слух о вашей смерти. Я был в энженьо, когда пришли и рассказали доктору Жуке о том, что с вами произошло. Доктор Жука даже отметил: «Этот Жозе Амаро был порядочный человек».

— Благодарю, сеу Мигел, благодарю, но доктор Жука на этот раз рано решил меня похоронить.

Бедняга Мигел широко раскрыл глаза, удивленный резкостью Жозе Амаро. Он помолчал секунду, а затем, взглянув на Алипио, сказал:

— Ну ладно, я пойду. Желаю вам доброго здра-

вия, сеу мастер.

И ушел.

— Всякая сволочь останавливается возле моей двери, чтобы потом болтать повсюду, как я выгляжу и чем я болен. Вы правильно делаете, Алипио, что беретесь за ружье.

Раздался вопль Марты. Они замолчали. Алипио сидел, склонив голову. Лицо мастера было страшным, просто звериным.

— Ну, я пошел, мастер Зе; если вам что-нибудь понадобится, пришлите за мной. Лейтенант сейчас в Инга. На ярмарке я узнаю новости о капитане.

И он сел на лошадь, у которой к седлу были приторочены пустые бочонки.

— Будьте осторожнее, мастер, с Пассариньо!

Шорник почувствовал себя немного усталым от всех этих разговоров. Он пошел к гамаку и улегся. Но теперь ему было гораздо лучше. Прекратился звон в ушах. Посещение Алипио хорошо подействовало на него.

На другой день мастеру Жозе Амаро стало еще лучше, и он даже подумал, не сходить ли в Санта-Фе к хозяину энженьо. Ему второй раз передали, что полковник Лула хочет поговорить с ним. Мастер укрепил снаружи навес на обычном

месте; у него появилось нестерпимое желание работать. Седло для заказчика из Гуриньема было почти готово. Не хватало пустяков, отделки. Он посмотрел на это седло, лежавшее на козелках, и, как это давно с ним не случалось, ему понравилась его собственная работа. Он всегда трудился добросовестно, делал все с большой любовью, не торопясь, тщательно отделывая каждую мелочь. И вот перед ним произведение собственного искусства, нужны кое-какие доделки, и оно будет готово. За последнее время он разлюбил свое ремесло, но в это утро Амаро, как никогда, ощутил, что в нем еще живет мастер старых времен. Отец его всегда любил свой труд. Он с такой гордостью говорил о седле, которое изготовил для императора, о серебряной сбруе, о шпорах из тонкого металла. Сейчас Жозе Амаро смотрел на седло, и ему оно нравилось. Он как бы заново увидел себя в этой созданной для какого-то бездельника вещи. Утро было жаркое, солнце нещадно палило, и от раскаленной земли поднимался невыносимый жар. Сухие листья кружились в воздухе, пыль клубами вихрилась на дороге. Ему нестерпимо захотелось снова взяться за молоток и ударить по коже. Инструмент мастеру показался пудовым. Жозе Амаро решительно взмахнул

им, и удар, точно выстрел, прозвучал и тишине дома. Онемевшие пальцы стали постепенно слушаться шорника. Привычный ритм работы возвращал мастерской ее прежний вид. Мастер с силой колотил по коже, проворно ее разрезал, кряхтя, когда требовалось большое усилие. И жизнь стала входить в обычную колею. Молоток казался ему уже не таким тяжелым. И странное дело: он уже не думал больше о дочери. Когда стало ясно, что Марта заболела, она перестала раздражать его. С тех пор как он понял, что дочь больна, она как бы умерла, не существовала для него. Ему уже не причиняли боль ее стоны, рыдания и хохот. Мастер с удовольствием трудился в это сентябрьское утро, и ветер обжигал его своим горячим дыханием. Все мысли были о седле, которое должно стать шедевром, о том, что он создает своими руками из кожи и ремней, с помощью ножа и иглы. Но вдруг в его сознание ворвались паровозный гудок и шум проходящего поезда. Он вспомнил об Алипио, который заходил вчера и рассказал ему новости о капитане. Паровозный гудок навел его на мысли о лейтенанте Маурисио, который мог перевезти своих людей куда угодно, перебраться из Итабайаны в Инга за два часа, мог воспользоваться поездом, тогда

как тому, другому, приходилось передвигаться пешком, под покровом темноты. Алипио говорил ему о Лаурентино. Мастер не мог понять, как бедный человек мог пойти на такую подлость. Капитан Силвино всегда защищал бедняков, не обижал одиноких девушек, не убивал невинных людей. Почему же Лаурентино стал на сторону лейтенанта? Все дело в подлом характере. Вот Алипио собирается вступить в отряд Антонио Силвино. Его удерживают только слезы матери. А он, Жозе Амаро, посоветовал Алипио следовать своему желанию. Хорошо ли он сделал? Ведь тот содержит мать, сестру. Наверное, плохо. Человек должен сам решать свою судьбу. А с другой стороны, Алипио создан не для того, чтобы заниматься перевозкой вьюков, как какой-то погонщик мулов. Он рожден для борьбы, у него горячая кровь. Если ему суждено стать кангасейро, то никакая сила не сможет его остановить. Капитану нужны такие люди — суровые, смелые, способные мстить и, как никто, знающие все уголки этого штата. Негр Пассариньо распевал на заливном лугу. За последнее время он очень изменился. Уже больше месяца он не пьет и работает. Это всех удивляло. Что случилось с Пассариньо? Он приходит в дом Жозе Амаро справиться о его здо-

ровье, съесть свою тарелку фасоли и поговорить о капитане Антонио Силвино. Знает ли он, что мука, мясо, пачки сигарет предназначаются для отряда капитана? Жозе Амаро сказал ему, что это для Алипио, для торговцев кашасой. Мастер все время опасался, как бы негр спьяну не выболтал чего. Видно, по той же причине Алипио и предостерегал его насчет негра. Пассариньо целыми днями пел песни. Слепец Торкуато уже давно не появлялся. Он исчез с того воскресенья, когда научил его приготовлять лекарство. Этот слепец, наверное, все знал, потому что ни с того ни с сего сам заговорил о капитане, дав понять, что ему известны секреты Алипио. И, переходя от одной мысли к другой, мастер вспомнил о полковнике Луле. Завтра он сходит в каза-гранде узнать, чего хочет старик. Что нужно от него этому сумасшедшему? Он подумал о Флорипесе, об угрозах этого кабры, о том, как опасно ему ссориться с полковником. Конечно, он, Жозе Амаро, не такой человек, чтобы разрешить на себя кричать.

Синья била вяленое мясо пестом. Из дома доносились крики дочери, то громкие, то приглушенные. Но они уже не причиняли ему страдания. Хуже действовали на него разговоры с Синьей; ее слова, точно острый нож, казалось, резали

его. Старуха стала избегать мужа, старалась не говорить о том, как быть с Мартой. Она задумала послать дочь в Тамаринейру[28], в Ресифе. Он слышал ее разговор с кумой Адрианой. Синью пугала больница для умалишенных, ей было страшно думать, что дочь ее будет среди чужих людей. Но дона Адриана и другие считали, что это единственный выход, и старуха не знала, что делать. С мастером она говорила, как с врагом, не смотрела ему в лицо, не называла больше «Зека». Во всем виновата жена. Неожиданно появившийся на дороге кум Виторино прервал его размышления. Он подъехал на своей тощей кобыле и остановился поговорить. Наголо обритая голова его была неприкрыта, одет он был как доктор или адвокат — в сером фраке с желто-зеленой лентой[29] в петлице. Мастер Жозе Амаро с удивлением рассматривал его странную одежду.

— Я еду, кум, из Итамбэ. Доктор Эдуардо защищает там одного человека. Вот он и послал за мной в Гамелейру, чтобы я ему помог. Мой двоюродный брат Лоуренсо, судья апелляционного

---

[28] Примечания: 28

Тамаринейра — нервно-психиатрическая больница в городе Ресифе.

[29] Примечания: 29

Желто-зеленая лента соответствует цветам национального флага Бразилии.

трибунала, сказал мне: «Послушай, Виторино, чтобы предстать перед судом присяжных, тебе нужен фрак». И дал мне фрак, который шил сам Маскареньяс в Ресифе. Вот я и напялил на себя эту штуковину. А кузен Раул отозвал меня в сторону и посоветовал обязательно подстричься. Проклятый парикмахер из Лапы так меня обкорнал, что единственным выходом было обриться наголо. И вот Раул обрил мне голову. Меня утешили, что сейчас такая мода у адвокатов в Ресифе. Но когда я прибыл в Итамбэ, суд уже закончился. Доктор Эдуардо очень расстроился, однако он передал мне два дела, чтобы защищать в суде, и подчеркнул: «Виторино, вы говорите лучше, чем Маноэл Феррейра». Я ему ответил: «Это не достижение. Маноэл Феррейра, в свою очередь, еще глупее, чем доктор Педро из Мирири». Вот так-то, кум, я и оказался в этом одеянии. Кому будут нужны мои услуги, стоит лишь позвать меня. Доктор Самуэл обещал мне несколько дел. Могу вас заверить, что я не выступлю, как этот осел Маноэл Феррейра.

— Очень хорошо, кум. Что-то ваша кобыла отощала.

— Она ничего не ест. Там, в Гамелейре, она паслась на подножном корму. Лоуренсо все время подбивал меня поменяться с ним на своего

гнедого коня. Но я не захотел. Мы ведь привязываемся к животным, как к детям. Кстати, о детях, кум, — это верно, что ваша девочка сошла с ума?

Мастер помрачнел и ответил:

— Да, кум, она действительно лишилась рассудка.

— Я знаю одно лекарство, оно очень хорошо помогает. Это корень мулунгу. Я видел сына Шико Таржино, он был совсем безумным, ходил в лохмотьях, кидался камнями, а сейчас совсем выздоровел. Теперь ходит по ярмаркам и бреет бороды.

— Что ж, очень может быть, кум Виторино.

— И если уж говорить о сумасшедших, то я слышал, что Лула де Оланда совсем спятил. А о Флорипесе падре Жозе Жоан рассказал, что тот имел наглость напялить на себя священническое облачение во время одной из молитв у Лулы. Никогда не встречал более нахального кабры.

— Кум, а что означает эта лента?

— Как, вы не знаете? Под этой эмблемой выступает полковник Рего Баррос. Лента желто-зеленая, кум. Это эмблема губернатора Дантаса Баррето, и здесь будет такая же.

Вопли Марты прервали беседу. Они замолчали.

— Надо достать корень мулунгу. Вот увидите, она сразу же выздоровеет. Кум, в пути я узнал, что вы болели. Мне рассказал об этом в Итамбэ Алипио, тот, что торгует кашасой. А в Маравалье одна девица сказала мне, что о вас люди болтают.

— Обо мне?

— Вот именно — о вас, кум.

— Что же они болтают?

— Да всякие глупости. Я сказал Синтии: «Просто удивительно. Образованная, а болтаешь всякую чушь».

— Так что же они говорят, кум?

— Да спросила меня: «Сеу Виторино, это правда, что старый Жозе Амаро оборотень?»

Мастер нахмурился, рот его скривился от страшного гнева.

— Этой скотине следовало бы заботиться о своем отце, который, точно свинья, живет в хлеву.

— Не надо сердиться, кум, поступайте, как я. Кабры дохнут от зависти, но Виторино Карнейро да Кунья не обращает на них внимания.

Шорник молчал. Козел подошел к Виторино и стал лизать ему руки. Полы фрака свисали до земли, лента в петлице развевалась по ветру. Виторино с обритой наголо головой был похож на старого, усталого клоуна. Шорник прекратил

работу. Дико захохотала Марта. Синья продолжала колотить мясо пестом. Виторино пристально посмотрел на кума и продолжал:

— Там, в Итамбэ, много толкуют о генерале Дантасе Баррето. Это человек сильный и настоящий губернатор. Он не допустит, чтобы хозяин энженьо, поссорившись с кем-то, давал волю своим рукам. И это будет правильно. При полковнике Рего Барросе штат Параиба наконец возродится. Кинку Наполеона, этого мошенника, сбывающего фальшивые деньги, посадят в тюрьму. А кабра из Энженьо-Ново перестанет выкидывать фокусы после того, как его отдубасят.

Послышался голос Пассариньо. Виторино обозлился:

— Грязный негр! Опять он придет сюда и будет болтать. Нет, хватит шуток. Виторино Карнейро да Кунья переходит на хлыст.

Мастер Жозе Амаро слушал молча, смысл слов едва доходил до него. Виторино вспотел в своем плотном кашемировом фраке.

— У меня есть собственное мнение, кум. Жука из Санта-Розы спросил меня: «Кузен Виторино, почему вы в оппозиции?» — «Почему? Что за вопрос? Зря вы протирали штаны на скамьях Академии, раз задаете мне такие же глупые во-

просы, как Маноэл Феррейра. Я буду голосовать на выборах за полковника, чтобы покончить с прогнившими правительствами». На это доктор Жука рассмеялся. Жаль, что не спрашивает об этом Жозе Паулино, я бы знал, что ему ответить. Брат Лоуренсо попал в тюрьму и стал кроток, как ягненок. Что толку, что он судья апелляционного трибунала? Он не тянет даже на инспектора квартала. Вот Дантас молодец, он губернатор. Мне бы только увидеть, как полковник начнет подрезать здесь крылья богатеям. И ему следует этим заняться, хотя бы здесь и пролилась кровь.

Виторино говорил с такой яростью, будто спорил с упрямым противником.

— Я голосую за полковника, чтобы проучить эту шайку. Чтобы засадить Кинку Наполеона в тюрьму, а Жозе Паулино заставить платить налоги.

На дороге заскрипели колеса повозок, запряженных быками; эти звуки напоминали приглушенные рыдания. Шорник вернулся к прерванной работе, а его кум по-прежнему продолжал разглагольствовать. Казалось, Виторино не замечал жары. Он говорил воодушевленно, размахивая руками.

— Они делают все, чтобы заставить меня свернуть со своего пути.

Мастер по-прежнему молчал — его раздражал этот разговор. Капитан Виторино продолжал свои разглагольствования:

— Они идут на все, чтобы сломить меня. Послушайте, кум, я отлично понимаю, что они с вами проделывают. Вы имеете право голоса, у вас свой дом, и вы не болтаете с кем попало. Вот они и выдумали эту историю с оборотнем.

— Кум Виторино, не будем говорить об этом.

— Боитесь, кум Жозе Амаро?

— Я не боюсь, чего мне бояться. Просто я не хочу больше слышать эту чепуху.

Виторино на мгновение замолчал. Кобыла била копытом. Из дома доносился громкий голос старой Синьи.

— Кума сегодня не в духе. Женщины все одинаковы. Я тоже оставил свою жену дома в плохом настроении.

Мастер Жозе Амаро сделал вид, что ничего не слышит. Виторино, сидевший на табуретке, так ничего от него и не добился. Лицо мастера было непроницаемым, он смотрел на кожу, которую обрабатывал, не поднимая глаз на капитана. Прошло несколько минут. Но Виторино не сдавался:

— Кум, я сказал вам это потому, что вы мне друг. Но если я вас чем-то обидел, считайте, что

нашего разговора не было.

— Я не обиделся. Мне известно, что про меня распускает всякие слухи эта сволочь Лаурентино.

Виторино наконец добился своего. Шорник заговорил:

— Однако эти кабры глубоко ошибаются. Такого человека, как я, не запугаешь. У меня в жизни ничего не осталось, я стою одной ногой в могиле, но лучше пусть меня не трогают.

Лицо Виторино просияло.

— Вот именно, кум Жозе Амаро, вот именно. Я как раз об этом и говорю. Первый кабра, который полезет ко мне, получит по заслугам. Я разделаюсь с ним ножом. Заколю гада.

Мастер почувствовал себя неловко и снова замолчал. Возле дома заскрипели повозки из Санта-Розы — десять повозок Жозе Паулино, груженных сахаром, везли богатство полковника на станцию. Возчик Мигел почтительно снял соломенную шляпу, приветствуя мастера и капитана Виторино. Мальчишка, восседавший верхом на мешках, крикнул:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

Виторино вскочил и, схватив прут, рванулся к мальчишке. Полы его фрака разлетались на бегу.

Мигел успел предупредить мальчика. Старик подбежал к возчику и сказал резким тоном:

— Положите этому конец, иначе я сверну негодяю шею.

Возчик, улыбаясь широкой, доброй улыбкой, успокоил капитана Виторино:

— Сеу Виторино…

— Потрудитесь называть меня капитан Виторино.

— Капитан — простите меня. Когда я прибуду в энженьо, я пожалуюсь полковнику.

— Пожалуетесь или нет, не имеет значения. Это дело рук Жуки, подлость этого нахала. Он каждый день подсылает мальчишек оскорблять меня.

Остальные возчики громко хохотали.

— Первому щенку, который посмеет хулиганить, я надеру уши.

Виторино размахивал кнутом, как рапирой. Возчик распростился, и повозки опять заскрипели. Над дорогой поднялась густая пыль. Пот катился по полному лицу капитана. Скрип колес заглушал его гневный голос:

— Негодяи! Дождутся, что убью одного из этих подлецов.

Шорник увидел задыхавшегося кума, и ему стало его жаль. И хотя его раздражала заносчивая

болтовня друга, он вдруг понял, что тот тоже страдает, как и он.

— Да, это верно, кум, порядочный человек не может жить в этом краю.

Оба замолчали. На дороге из Пилара неожиданно появился Торкуато. Его вел новый поводырь, длинноволосый желтолицый мальчик с запавшими от голода глазами.

— Добрый день людям добрым! Кто это там с мастером Жозе Амаро?

— Это я, Торкуато.

— А, капитан Виторино Карнейро да Кунья. Да будет долгой ваша жизнь, сеньор капитан. Уже давно я не имел чести говорить с моим белым господином.

Этот почтительный тон сразу же исцелил Виторино от недавней обиды.

— Откуда идете, сеу Торкуато?

— Из Итабайаны, капитан. Я пробыл там два дня, не мог вернуться, так как заболел мой поводырь Антонио. Я оставил мальчугана с оспой в благотворительной больнице.

— Что, разве в Итабайане оспа?

— Не знаю, капитан. Мальчик свалился в Маракаипе, у него был сильный жар и боль во всем теле. На другой день он покрылся волдырями.

От него в ужасе шарахались. И получилось так, что мне, слепцу, пришлось идти самому, пока я не нашел добрую душу, которая отвела меня в благотворительную больницу.

— В Гравато тоже оспа?

— Не знаю, капитан. Мастер Зе, как ваше здоровье?

— Лучше, сеу Торкуато, слабительное из картофеля вернуло мне силы.

— Я хотел бы поговорить с вами.

Шорник поднялся и вышел.

— Ну, я пошел, — обиженно сказал Виторино.

— Подождите, капитан, я только скажу мастеру пару слов. Не сердитесь на меня, сеньор.

И они отошли в сторону. Поводырь с удивлением смотрел на костюм капитана. У мальчишки были удлиненные, прищуренные глаза и сморщенный, как у старика, рот. Виторино стало не по себе от этого пристального взгляда.

— Ты что уставился на меня, как на зверя?

Бедняга опешил от этих слов. Хотел что-то ответить, но от страха ничего не мог вымолвить. Капитан сказал:

— Не нравятся мне эти секреты. Я пошел.

И он направился в сторону питомбейры, где была привязана его кобыла. Мальчик взглянул на

серый фрак капитана и прыснул со смеху, забыв о своем страхе. Виторино разъярился:

— Ты чего ржешь, паршивец?

Подошли шорник и слепец.

— Уже уходите, кум?

— Я здесь лишний, кум Жозе Амаро, мне нечего делать в этом доме. Виторино да Кунья не такой человек, чтобы молча сносить оскорбление.

— Какое оскорбление, кум?

— Что ж, по-вашему, этого хамства мало?

— Капитан, не обижайте так бедного слепого. Кто я такой, чтобы наносить оскорбления капитану Виторино Карнейро да Кунья?

Виторино смягчился, но, взглянув на поводыря, который снова рассмеялся, уже не мог сдержать своего негодования.

— А тут еще этот щенок смеется надо мной.

— Кто, капитан?

— Этот желтый.

— Северино, ты что натворил?

И слепец кинулся к поводырю, желая схватить и наказать его. Но мастер Жозе Амаро вступился, став между ними, чтобы успокоить Виторино:

— Ничего особенного, сеу Торкуато, просто мальчик не привык к куму.

— Северино, — крикнул слепой, — это капитан

Виторино Карнейро да Кунья, белый человек, к которому нужно относиться с уважением. Попроси у него прощения, Северино.

— Не надо, сеу Торкуато. Только вот что я вам скажу: я не зверь, чего ко мне привыкать?!

— А кум все на себя принимает? Давайте-ка присядем.

— Не могу. У сеньоров свои секреты, а у меня — свои дела.

И он взгромоздился на тощую кобылу. Уже сидя на лошади, которая прогнулась под его тяжестью, он сказал:

— Я нигде не лишний, без меня обойтись трудно.

И горько улыбнулся. Фалды фрака покрывали тощий круп лошади. Желто-зеленая лента развевалась на ветру. Пришпорив кобылу, он ожесточенно взмахнул хлыстом и исчез за поворотом. Мастер Жозе Амаро на мгновение замолк, но слепой Торкуато снова заговорил:

— Капитан Виторино зря рассердился. Я люблю этого старика. Он человек с добрым сердцем, но не мог же я говорить в его присутствии. Капитан Антонио Силвино послал меня потолковать о важном деле, и у меня не было другого выхода. Теперь я задам этому молокососу. Северино, ты

поводырь серьезного человека. Ох, и задам я тебе!

Мальчик дрожал.

— Я ничего не сделал, сеу Торкуато. Я не знаю, на что он так рассердился.

— Я тебя проучу.

— Не надо, сеу Торкуато, — вступился за мальчика мастер.

— Нет, надо. Кто хочет со мной работать, тот должен уважать других. Так вот, сеу мастер, капитану очень трудно, его преследует лейтенант Маурисио. Я буду здесь в понедельник. Хорошо бы разузнать, что и как, и передать сведения Тиаго, тому, что торгует сыром на базаре.

Когда слепец ушел, мастер стал размышлять о поручении капитана. Для него это было большой честью — он узнал, что пользуется доверием человека, которым по-настоящему восхищался. Нет сомнения, Алипио говорил о нем капитану, рассказал, что он сделал для отряда. Он готов сделать для них еще больше. Крики дочери не мешали мастеру размышлять. Капитан хотел, чтобы он помог его лазутчикам поймать в западню отряд лейтенанта. Для капитана он сделает все, что в его силах. Вот только как быть с Лаурентино? Нужно действовать очень осторожно.

Жозе Амаро был так поглощен своими мыслями, что даже не слышал воплей Марты. Он с силой колотил кожу. Кум Виторино обиделся на него. Бедняга, не умеет здраво смотреть на вещи. Боже избави, чтобы старик узнал о его тайных делах. Наступил день. После завтрака шорник вспомнил о Санта-Фе. Солнце еще палило вовсю, когда он отправился поговорить с полковником. Его уже вызывали два раза, но из-за болезни он не мог пойти. Старик, наверное, вне себя от злости. Кроны кажазейр, нависавшие над дорогой, делали ее похожей на крытую веранду. В том месте, где дорога сужалась, он встретил трех голых ребятишек. Завидев его, они с криками убежали в чащу зарослей. Чуть дальше на него с лаем набросилась собака старого Лусиндо. Он схватил камень, чтобы отогнать ее. Из окна выглянула одна из сестер, но, встретившись с ним взором, мгновенно скрылась в глубине дома. Он уже отошел далеко, а собака все продолжала лаять. Мастер остановился передохнуть. Сердце бешено колотилось. Силы опять покидали его. Он сделал еще несколько шагов и снова, тяжело дыша, остановился. Постоял минуту. Послышались голоса, они приближались. Из-за поворота дороги вышла женщина с мальчиком. Жозе Амаро отчетливо

услышал крик ужаса: «Это он!» И они бросились от него вверх по склону. Вид у женщины был обезумевший, она посмотрела на него, как на зверя. Не поздоровавшись, он пошел дальше, явно встревоженный. Что бы все это могло значить? И тут он вспомнил слова кума. Оборотень… От этой мысли его затрясло. Будто ему прокричали: «Убийца! Оборотень!» Они боялись его. На ветвях кардейро по краям дороги висели огромные мясистые плоды, которые жадно клевали птицы. Оборотень — выдумка Лаурентино. Теперь все будут придумывать истории, связанные с его именем. Ему захотелось вернуться домой. Он боялся встретиться еще с кем-нибудь — вдруг опять от него бросятся бежать или перед носом захлопнут окно… Он знал, что жена тоже в страхе спряталась от него в тот вечер. Его боялись даже дети. Эти ребята насмехались над старым Виторино, дразнили его, были жестоки по отношению к бедняге. Но от него они бежали. Бежали в ужасе. Шорник ощупал грубыми руками свое распухшее лицо и почувствовал, что оно воспалено. Посмотрел на свои руки с грязными ногтями. Что в нем, черт возьми, такого, что внушает страх? Он пытался связать припадок, случившийся с ним ночью, с этими выдумками. Во всем вино-

ват подлый Лаурентино. Топот бегущей рысью лошади вызвал у него желание укрыться в зарослях. Однако он не успел. Это был полковник Жозе Паулино на своей серой лошади. Он снял перед мастером широкополую шляпу, но Жозе Амаро не успел ответить на приветствие богача. Вскоре перед шорником выросла дымовая труба сахарного завода Санта-Фе. Он был подавлен. В таком состоянии вряд ли он сможет что-нибудь сказать полковнику Луле. На пороге каза-гранде показался владелец энженьо. Он был одет в кашемировый костюм, будто собирался куда-то поехать. Жозе Амаро устал и решил передохнуть у большой стены, чтобы увереннее держаться в разговоре со стариком. Он стоял, невидимый постороннему взгляду, и смотрел на белую бороду полковника Лулы де Оланда. Лучи солнца падали прямо на цифры, написанные на фронтоне дома: «1852». Мысль об оборотне не выходила у него из головы. Полковник повернулся в сторону энженьо, и тогда шорник, набравшись решимости, подошел к крыльцу.

— Добрый вам вечер, полковник Лула.

Старик уставился на него своими остекленевшими глазами, стараясь узнать пришельца.

— Хм, это сеньор Жозе Амаро, не так ли?

— Да, сеньор полковник, он самый.

Не зная, как ему быть, мастер постоял мгновение молча, в то время как старик смотрел на него в упор. Потом раздался злобный голос плантатора:

— Хм? Разве вы не говорили, сеу Жозе Амаро, что ни за что не придете сюда?

— Этого я не говорил, полковник.

— Флорипес, Флорипес! — громко позвал старик.

Сумасшедшая дона Оливия появилась и тут же снова скрылась за дверью. Мастер почувствовал, как закипает у него кровь. Ему даже стало страшно, но хочешь не хочешь, а говорить с полковником было необходимо.

— Флорипес!

— Вы сказали неправду, полковник. Я никому не говорил, что не приду сюда.

Появился Флорипес, но, увидев мастера, в нерешительности остановился. Желтые глаза шорника буравили его.

— Флорипес, разве не говорил тебе Жозе Амаро, что он не придет сюда на мой вызов?

Негр молчал.

— Так что же, говорил он тебе это или не говорил?

— Говорил, крестный!

— Этот подлый негр лжет!

Флорипес бросился в дом с криком:

— Он убьет меня!

Старый Лула взглянул на мастера Жозе Амаро. Огромное распухшее лицо шорника маячило перед ним.

— Кто распоряжается в этом энженьо, мастер Жозе Амаро? Кому принадлежит эта земля, мастер Жозе Амаро?

— Сеньор полковник, вам это известно лучше, чем мне.

Голос мастера был тверд, словно камень. Вышла дона Амелия, она встревожилась.

— Что случилось, Лула?

Встретившись взглядом с мастером Жозе Амаро, отвела глаза.

— Лула, не нервничай.

— Хм, мастер Жозе Амаро, я послал за вами, чтобы узнать, что вы там такое обо мне говорите.

— Полковник, я ничего о вас не говорю. Я живу в своем доме, занят своей работой.

— Кто хозяин на этой земле, мастер Жозе Амаро?

— Вы хозяин энженьо.

— Значит, здесь распоряжаюсь я, мастер Жозе

Амаро?

— Лула, говори Спокойно.

Белая борода старика, стоящего на крыльце, сверкала на солнце. Казалось, он в этот момент как-то вырос, стал гигантом, возвышающимся на пороге дома. Внизу стоял мастер Жозе Амаро.

— Полковник, я не болтун. Я живу в этом энженьо со времен капитана Томаса и никогда никому не делал ничего плохого.

— Флорипес!

— Крестный, он меня убьет.

— Хм, мастер Жозе Амаро, так кто же распоряжается в этом энженьо?

— Полковник, я уже сказал.

Шорник едва сдерживался. Он уже не мог выносить этих глупых вопросов.

— Полковник, а чем вы, собственно, распоряжаетесь?

— Ты слышишь, Амелия, что он говорит?

Дона Оливия снова просунула голову в дверь, оглядела всех и скрылась.

— Вот видишь, Амелия, я уже не могу свободно высказываться в своем энженьо. Так вот, мастер Жозе Амаро, здесь распоряжаюсь я. Я распоряжаюсь.

— Полковник, вам не следует верить сплетням

этого негра. Я порядочный человек.

— Хм, мастер Жозе Амаро, ваш отец убил человека в Гойане, не правда ли? И я не хочу держать сына убийцы в своем энженьо. Не так ли, Амелия? Можете подыскать себе другое энженьо, мастер Жозе Амаро. Вот так-то, вам понятно? Поищите себе другое энженьо.

Это была пощечина. Мастер отступил назад, вытаращил глаза, в горле застрял комок. Когда же он заговорил, то перед ним никого не было; только яркие лучи солнца искрились на белой стене дома.

— Я не собака, полковник Лула. Я не собака.

И он шагнул вперед, намереваясь подняться по ступенькам. Старик закричал откуда-то сверху:

— Не смейте переступать порог этого дома.

Дона Амелия подошла к нему.

— Мастер Жозе Амаро, оставьте моего мужа в покое.

Слова этой женщины, к которой мастер привык относиться с уважением, смягчили его.

— Дона Амелия, я не хочу никому причинять неприятности, и я пришел потому, что меня позвали. Я поднялся с постели. И пришел сюда, а полковник обращается со мной, как с собакой.

— Я уже сказал, мастер Жозе Амаро, подыщите

себе другое энженьо. Кто здесь хозяин, мастер Жозе Амаро?

Мастер опустил голову. Белая борода старика поблескивала на солнце.

— Хорошо. Пришлите мне распоряжение.

И он ушел. На мосту Жозе Амаро остановился поговорить с кучером Педро.

— Это все проделки негра. Я и сам скоро плюну и уйду отсюда.

— Пусть так, но этот негр мне заплатит, сеу Педро.

— Лучше всего, мастер, не обращать внимания.

— Не обращать внимания, сеу Педро? Хозяин энженьо выгоняет меня на улицу, как собаку, а вы считаете, что не надо обращать внимания? Я уже одной ногой стою в могиле, но клянусь вам: этот негр не останется безнаказанным. Это ему так не пройдет. Мастер Жозе Амаро не такой человек, чтобы сносить оскорбления. Я знаю, старик помешан. Если бы не дона Амелия, я бы сказал ему все, что о нем думаю. В конце концов мы тоже заслуживаем уважения. Капитан Томас был другом моего отца. И если бы не это, я тут же разделался бы с этим негром. Ведь он спрятался под кроватью своего крестного.

— Да, этот негр в самом деле сволочь. Он подстроил так, что дона Амелия выгнала кухарку. Целыми днями молится, а дьявольские козни строит.

— Сеу Педро, я разделаюсь с ним.

И мастер зашагал к дороге. Вечер становился прохладным, деревья раскачивались на ветру. Жозе Амаро никак не мог прийти в себя. Все случилось так неожиданно, что он не мог этому поверить. Постепенно он осознал то, что произошло. Его прогоняют из Санта-Фе. Ему стало ясно: совершилась страшная несправедливость. На дороге ему повстречался обоз с кашасой. Он подумал, не Алипио ли это, и действительно увидел его среди возчиков.

— Добрый вечер, мастер, я проходил мимо вашего дома, и дона Синья сказала мне, что вы пошли в Санта-Фе.

Мастер рассказал все, что произошло. У него был глухой, хриплый голос и усталые глаза.

— Вот что я вам скажу, мастер Жозе: не уходите из своего дома. Этот старик скоро узнает силу капитана Силвино. Не уходите. Я иду из Инга. С лейтенантом Маурисио скоро будет покончено. Пошлите вы этого старика ко всем чертям.

Мастер Жозе Амаро передал ему сообщение

Торкуато.

— Верно. Тиаго мне тоже рассказал об этом.

И, как бы желая поднять настроение друга, Алипио добавил:

— Не уходите с этой земли. Капитан защитит вас. Я вот поднимусь с обозом на плоскогорье, а на обратном пути загляну к вам.

И он простился. Обоз спустился к реке, и мастер почувствовал себя совсем одиноким. Сгущались вечерние тени, дул холодный ветер. Он шел по дороге и вспоминал свой разговор со старым Лулой. Неужели ему придется покинуть Санта-Фе? Неужели дом, который принадлежал его отцу, дом, где он родился, где он научился ремеслу, перейдет к другому из-за какого-то подлого сплетника-негра? А его жена, а больная дочь? Куда он пойдет, где он сможет прожить остаток своих дней?

Вечерняя тишина умиротворяла. Дорога казалась пустынной, лишь откуда-то издали доносился собачий лай. Раздался выстрел, вслед за ним снова лай. Вероятно, это Маноэл де Урсула охотится. Немного спустя он и в самом деле встретил охотника.

— Вы здесь в такой час, мастер Жозе Амаро?

— Я ходил в Санта-Фе по вызову хозяина.

— Неужели это правда, он вас выгоняет?

Жозе Амаро рассказал все. Охотник внимательно выслушал его.

— Да, я уже говорил об этом с доной Синьей. Похоже, старик окончательно спятил. Вы никого не убивали, ничего не украли, а этот полоумный вытряхивает вас вон из дома, который достался вам еще от отца. Мастер, я человек тихий, у меня есть семья, растет сын, откровенно говоря, я бы потерял голову, окажись на вашем месте. Ручаюсь, всему виной Флорипес. Ведь не зря же он в кабаке Салу болтал, что распоряжается в энженьо. Я вам не советчик, вы старше меня, но на вашем месте я бы нипочем не стал выезжать. Уверен, что закон на вашей стороне.

Мастер Жозе Амаро поговорил еще немного с охотником. Пес, которого охотник держал за поводок, рыча, рвался от одного к другому.

— Замолчи, Ураган! — прикрикнул на него Маноэл де Урсула. — Этот проклятый пес точно чует что-то. Я бедняк, мастер, у меня ничего нет, но я всегда к вашим услугам, можете на меня рассчитывать.

Шагая в вечерних сумерках, мастер Жозе Амаро размышлял о словах Алипио, о совете Маноэла де Урсула. Земля принадлежала хозяину энженьо, и

тот мог распорядиться ею, как ему заблагорассудится. Но неужели нет закона, который помог бы ему сохранить свой дом? Синья знала обо всем и ничего ему не сказала. Может быть, удастся найти какого-нибудь надежного покровителя? Мысль о том, что он должен будет умереть не у своего домашнего очага, приводила его в отчаяние. Он добрался к себе почти в семь часов. У них был кто-то посторонний; окна были открыты, и в комнате горел свет. Это оказалась кума Адриана. Мастер чувствовал себя совсем разбитым. Он выпил кружку воды. Тут к нему подошла кума.

— Кум, я как раз ожидала вас, чтобы поговорить. Синье очень плохо. Болезнь Марты совсем ее доконала. Я подумала — почему бы вам не поместить Марту в Тамаринейру? Сказала об этом куме, а она разрыдалась. Конечно, ей тяжело, я понимаю. Но что делать, надо взять себя в руки и сделать как лучше. Девочка не может больше оставаться дома. Становится даже страшно за нее. Ведь она может натворить что угодно, и тогда будет еще хуже. Вот я и подумала, что надо бы отвезти бедняжку в Ресифе. Послала Виторино поговорить с доктором Самуэлом, и тот дал ему письмо к доктору Лоурейро.

Мастер Жозе Амаро выслушал и ответил с го-

речью:

— Вы правы, кума. Я человек конченый. Только что в Санта-Фе мне приказали убираться из этого дома. Если девочку удастся поместить в Тамаринейру, ей хоть будет где умереть.

И он, не сказав больше ни слова, улегся в темном углу в гамак, отказавшись от ужина. В голове его роились тревожные мысли. Неужели нет такого закона, который защитил бы его права? Земля принадлежит хозяину энженьо — будь он проклят и пусть катится ко всем чертям. Его неожиданно охватила смертельная ненависть. Он не испытывал ее, когда говорил с полковником. У него не было зла к этому безумному старику. Но сейчас, когда он лежал в гамаке, скрипящем на кольцах, его охватывало бешенство, появилось желание разделаться со своим врагом — убить его. Дом наполнял дикий хохот Марты. Подумать только — его дочь будет жить в Тамаринейре… Этот подлый негр расплатится за все. И мастер поднялся с гамака. Открыл окно. Перед ним в ночной темноте заблистало звездное небо. Он подошел к двери и решил немного пройтись. Оборотень… Мальчишки убегали от него, он слышал, как при его приближении захлопывались двери. Дойдя до питомбейры, он уселся на одном

из ее корней. Что в нем такого, что пугает мальчишек, нагоняет страх на стариков? Вся ненависть к Флорипесу пропала. По телу побежали мурашки. Что заставляет людей спасаться от него бегством? Он вспомнил тот вечер, когда умерла старая Лусинда. Люди избегали его. Оборотень… Еще ребенком он слышал рассказы о тех, кто выходит по ночам бродить, подобно хищному зверю, чтобы пить человеческую кровь, убивать невинных людей. Что было особенного в его поведении, в его жизни? Дочь сошла с ума. Но при чем тут он? Какое он имеет к этому отношение? Почему люди выдумали про него? Он редко выходил из дома, никогда никому не причинял зла. Почему вдруг его окрестили оборотнем, почему он пугал народ? Ночь была тихая, даже не жужжали комары; где-то вдалеке лаяла одна из собак сеу Лусиндо. В доме Синья беседовала с кумой. А Марта то бормотала что-то, то хохотала — ее мучили кошмары. Мастеру не с кем было поделиться своим горем, не у кого найти поддержки. Он вернулся в свою комнату, по-прежнему мучимый беспокойством, лишенный уверенности. Угрозы полковника Лулы, злопыхательство Флорипеса — все растворилось в этом страхе, наполнявшем его душу. Он боялся, сам не зная чего. Между тем

это он спугнул мальчика на дороге. Его считали оборотнем, исчадием дьявола, колдующим в темных зарослях. Никогда ни одна мысль прежде не мучила его. Собака отчаянно лаяла, будто она напала на след зверя. В этот час все женщины молились, они думали об оборотне, которого представляли себе в виде какого-то чудовища с большими когтями и вытянутой волчьей мордой. От холодного ветра леденели ноги. Почему народ в страхе шарахался от него, почему поверил, что он может быть оборотнем? Что он такое сделал, почему заслужил это? Сердце учащенно билось. Нет, завтра же надо что-то предпринять, как-то покончить с этой историей. Лаурентино и Флорипес поплатятся. Только они во всем виноваты. Дочь завтра отправят в Ресифе. Его дом станет еще более одиноким, еще более печальным. И все же он любит свой дом. А что, если он уйдет и поселится на другой земле и там окончит свои дни? Ведь полковник его выгоняет. Это хороший предлог уйти от людей, которые желают ему зла, ждут от него беды, видят в нем дьявольское исчадие. Все бы разрешилось само собой. Мастер Жозе Амаро найдет какое-нибудь другое энженьо в Итамбэ, другую землю, где его радушно примут другие люди, которые его полюбят. Найдет, в

этом нет сомнения. Но как быть, черт возьми, с поручением от капитана Антонио Силвино, которое принес ему Торкуато? Алипио просил его: «Мастер, не уходите отсюда». Несомненно, кангасейро нуждались в его помощи. Его дом стоит на бойком перекрестке. Отсюда дороги расходятся во все стороны. Капитану нужен надежный человек, который мог бы передавать ему сведения. Здесь Алипио и слепой Торкуато могут узнавать о передвижении полицейских. И никто ничего не заподозрит. Одна лишь Синья все знает. Но он не доверял жене. Она была его врагом. Почему? Чем заслужил он такую смертельную ненависть с ее стороны? С той самой ночи, когда он побил Марту, она не смотрит на него, не разговаривает, словно она не хозяйка в доме, а прислуга, и выполняет всю домашнюю работу нехотя. Синья знала об его связях с капитаном. Не рассказала ли она чего-нибудь своей подруге Адриане? Это было бы опасно. Кума ходит из дома в дом и может проговориться, а тогда все пропало. Сумеет ли Синья сохранить тайну? Женщины тихо беседовали в глубине дома. Жозе Амаро чувствовал себя одиноким, всеми покинутым. Он поднялся с гамака и вышел на воздух. Ночь была на редкость темной. Только звезды сияли в небе.

Ему захотелось немного пройтись, и он зашагал вниз по дороге, по направлению к дому старого Лусиндо. Сейчас никто здесь не ходит, и его не увидят. Он шел минут пять. Под кажазейрами поблескивали светлячки, похожие на летающие звездочки. Оборотень… Ему снова стало страшно, тоска сжимала грудь. Он ощупал себя. Сжал кулаки и почувствовал распухшие суставы, толстые пальцы. Глупые люди! И пошел дальше. Собака лаяла теперь где-то поблизости, где-то в двух шагах от него. Он увидел свет в доме старого Лусиндо. Там, где мастер стоял, его не могли заметить. Дома осталась жена, она готовила к отъезду Марту. Все толковали о том, что случилось с его дочерью. И выдумывали, конечно, всякую чепуху. Глупые люди! Лаурентино и Флорипес распустили свои языки, изобретая всякие небылицы. Он разделается с обоими негодяями. Мастер заколебался, идти ли ему дальше. Должно быть, в доме старого Лусиндо произошло что-то необычное, раз там горит огонь в такой поздний час. Он не хотел приближаться к дому, но собака подбежала к нему, неистово лая у его ног. Он схватил камень, чтобы отогнать, но пес еще яростнее набросился на него. Амаро не мог убежать, у него оставался только один выход — ударить собаку палкой по

голове. Животное взвыло и опрометью бросилось во двор. И сразу набежали люди. Мастер попытался спрятаться, но не удалось. Один из сыновей старого Лусиндо испуганно закричал:

— Кто там?

— Свои.

— Кто это?

— Это я, Жозе Амаро.

Наступило молчание. Человек остановился. Мастер не знал, что ему делать.

— Чертова собака набросилась на меня, как бешеная.

— Она не кусается, мастер.

— Откуда мне было знать?!

— Она не кусается.

— Ну, я пошел, спокойной ночи.

— Мастер, вы уже слышали? Мой отец только что пришел из Итабайаны. Лейтенант Маурисио арестовал слепого Торкуато и посадил его в тюрьму. Полицейские в Можейро и бесчинствуют там вовсю.

— В самом деле?

Он не хотел продолжать разговор. Сообщение об аресте слепца напугало его. Он повернул назад, в темноту. Собака снова принялась лаять. Лисица, сверкнув огненно-красными глазами,

перебежала дорогу. Он быстро пошел к дому. Слепец в тюрьме; неужели что-нибудь раскрылось? Алипио ни о чем не знал. Когда мастер вошел в дом, там был страшный переполох. Дочь в одной сорочке выбежала из дому, и, если бы не Жозе Пассариньо, она бы скрылась в зарослях кустарника. Сейчас она истошно вопила и билась о стены. Жена плакала, а кума Адриана сказала:

— Она в ярости, кум. Наверное она догадывается об отъезде. Не успели мы оглянуться, как она выскочила на дорогу. Негр Пассариньо лежал под питомбейрой, он сразу побежал за ней. Тут мы и схватили бедняжку. Никогда я не видела такой силищи. А теперь видите, что с ней творится. Боюсь, как бы она не разбила себе голову. Может быть, к рассвету успокоится. Завтра мы едем девятичасовым поездом.

Мастер не проронил ни слова. Он слышал, как рыдала жена, как неистово билась головой о стену дочь. Сейчас самым главным для него было то, что слепец Торкуато попал в тюрьму. Лейтенант узнает обо всем и арестует его, Алипио, Тиаго. Капитану Антонио Силвино угрожает опасность.

— Кум, — снова заговорила старая Адриана, вы бы не смогли поехать с нами? Доктор Самуэл дал письмо к доктору Лоурейро, но мы никого

в городе не знаем. Кума надумала было позвать сына сеу Лусиндо. А парень извинился и отказался. Будь Виторино дома, он бы, конечно, поехал с нами.

— Я поеду, кума. Хоть я и болен, но долг есть долг.

Он ушел в свою комнату. Мысль о том, что слепой в тюрьме, не оставляла его. У этого лейтенанта дьявольский нюх. Вот уже негр Салвадор перестал торговать билетами «жого до бишо», вот и Итальянец сюда больше не заходит. Теперь лейтенант арестовал слепца. Мастер больше не мог лежать в гамаке. Черт знает что! Несчастье с Мартой, казалось, не касалось его. Алипио, прошедший с обозом, ничего не подозревал. За окном глубокая ночь. Негр Пассариньо храпит, как боров. Почему же Жозе Амаро не трогают болезнь дочери, страдания жены? Вероятно поэтому народ убегал и прятался от него. Он бессердечный отец и жестокий муж. Вот кума Адриана замужем за полоумным, а между тем нашла еще в себе силу прийти помочь им в трудную минуту. Он действительно потерянный человек, он уже не любит ни свое ремесло, ни жену, ни дочь. Завтра он принесет самую большую жертву в своей жизни. Отправит дочь в больницу для

умалишенных.

Когда рассвело, приехал Виторино. Он узнал о новостях во время поездки. И явился помочь кумовьям. Жена сообщила ему о планах отвезти девушку в Ресифе. Им нужна была помощь мужчины, который сопровождал бы их, ибо мастер болен и вряд ли в таком состоянии способен ехать. Заря залила все мягким светом, а первые лучи солнца окрасили дом мастера Амаро, окруженный кустами жасмина и цветущих роз. Запели петухи на насесте. Мастер лежал в гамаке, не решаясь выйти и поговорить с кумом. Виторино беседовал на кухне со своей женой:

— Ты, старуха, только и делаешь, что ругаешь меня из-за моих разъездов. Так вот у меня сейчас есть предложение арендовать плантацию. Понимаешь, Жозе Жардин поссорился с зятем и пригласил меня. Когда я к нему приехал, он сказал: «Виторино, мы с тобою родственники, ты человек серьезный. Есть тут у меня плантация, которую обрабатывал мой зять Жозе Сезар; я хочу сдать ее в аренду. И тут я вспомнил о тебе». Я ему сразу ответил: «Жозе, откровенно говоря, я не рожден для этого. Если бы я высидел на скамьях Академии, то сегодня был бы таким же адвокатом, как доктор Эдуардо. Не хочется мне

заниматься сельским хозяйством, не нужна мне твоя плантация».

Жена слушала его молча, а он продолжал:

— Все тут болтают обо мне всякую чепуху, а случись что серьезное, только Виторино и вспоминают.

Марта снова начала биться.

— Я предлагал куму попытаться вылечить ее корнем мулунгу. Так это правда, что вы едете в Ресифе?

— Кум не может, он болен.

— Ладно, я ее отвезу. Сделаю, раз надо. Несколько дней назад в этом доме кум Жозе Амаро проявил ко мне неуважение. Но Виторино Карнейро да Кунья умеет быть настоящим другом. Сегодня проводником едет Белмиро. Мы купим билеты до Тимбаубы, а доедем до Ресифе. Надо отвезти девочку, помочь ей. Там, в городе, у меня есть хорошие знакомые. Эуфразио, зять Лоуренсо, постоянно предлагает мне остановиться в его доме. Настал час, когда он действительно может мне услужить. На то он мне и друг.

Затем он пошел поговорить с кумом. Капитан нашел его в темной комнате, в гамаке.

— Кум Виторино, откройте окна.

Утренние лучи осветили чудовищное, отекшее

лицо шорника. Вид у него был жуткий, таким Виторино его еще никогда не видел. Он с трудом узнавал мастера.

— Вы чем-то расстроены, кум?

— Это верно.

— Что поделаешь! Человек для того и создан, чтобы переносить превратности судьбы. Гораздо хуже сейчас Жозе Паулино: вчера во время родов умерла его дочь Мерсес. Он самый богатый человек в этих краях и ничем не смог помочь ей. Сейчас он просто труп. Он уже не человек. В политике я его противник. Ведь я, Виторино Карнейро да Кунья, не согласен с тем, что хозяева энженьо стремятся превратить такую землю, как Пилар, в свалку. Жозе Паулино — порядочный человек, непонятно только, как он терпит Кинку Наполеона в палате. Но вчера я пожалел кузена. Прибыл врач из Параибы, и ей стало еще хуже — этот костоправ и прикончил бедняжку.

У дверей остановилась лошадь. Виторино встал посмотреть, кто приехал.

— Это какой-то возчик, кум.

Шорник вышел.

— Добрый день всем. Мастер, я хочу, чтобы вы взглянули на мое седло.

Когда они остались вдвоем, Алипио шепотом

рассказал все новости. Капитан встретил обоз в Мата-де-Вара и пожелал получить точные сведения о полиции и лейтенанте. Один из его осведомителей донес, что лейтенант направился в Инга, но он не очень-то поверил ему. Всю ночь он крадучись пробирался в Пилар и дошел туда лишь на рассвете. Как раз в энженьо Фазендинья он наткнулся прямо на полицейских. Капитан не знал, как быть. Он не мог вернуться, опасаясь, что будет замечен. И не было никого, с кем можно было бы передать записку. Если бы лейтенант обнаружил его, то мог бы застать всех кангасейро врасплох.

Виторино подошел взглянуть, как идет починка седла.

— Везешь контрабанду, парень?

— Да, я был в обозе, но меня послали обратно в Анжико-Торто.

— Это жизнь, о которой мечтает мой кузен Фелисиано да Кунья.

Мастер Жозе Амаро решил переменить тему разговора и заговорил о здоровье дочери, о поездке в Ресифе.

— Если бы не доброта кума Виторино, мне бы самому пришлось ехать в город. А я так плохо чувствую себя, что вряд ли вынесу этот путь.

Старая Синья вошла в комнату. Она не сразу узнала Алипио.

— Добрый день, дона Синья.

А когда узнала, испугалась.

— Кофе подан.

Они уселись. Марта смеялась, кричала. Алипио, озабоченный своими мыслями, выпил кофе и ушел. Капитан Виторино какое-то мгновение сидел молча. Утреннее солнце сияло и палило, как в полдень. Капитан подошел к питомбейре, огляделся и увидел свою кобылу, привязанную к ограде хлева.

— Кум, я выпущу ее на луг. К тому времени, как я вернусь из Ресифе, она разжиреет.

И он спустился с лошадью к берегу реки.

Оставшись один, мастер снова стал думать о капитане Антонио Силвино. Жозе Амаро уже забыл о том, что он бесчеловечный отец, жестокий муж. Он страшился опасности, которая угрожала кангасейро. Мата-де-Вара находилась на расстоянии всего одной лиги от Фазендиньи. В эту минуту уже, возможно, завязалась перестрелка. Может быть, захваченный врасплох капитан уже убит. Мастер чувствовал, что ему нельзя бездействовать. Он вышел на площадку перед домом. В это мгновение негр Жозе Гедес проскакал

галопом на взмыленной лошади из Санта-Розы. Должно быть, какое-то спешное дело, раз он так мчался в столь поздний час. Уж не известие ли о схватке между полицией и кангасейро? Марта в доме отчаянно завывала. Он снова подумал о дочери. К дому подошел Жозе Пассариньо. Мастер вспомнил о предостережении Алипио, но что-то подсказывало ему, что Пассариньо мог в данную минуту оказать услугу.

— Добрый день, мастер Зе, я пришел по просьбе доны Синьи. Заходил за сыновьями сеу Лусиндо, просил помочь отвезти девушку на станцию. У нее ведь силы как у мужчины, Жока Лусиндо согласился прийти. Он мне сказал также, что встретил вас. Болтает всякую всячину. Рассказал мне даже, что полицейский отряд завязал перестрелку у Новой дороги.

Мастер вздрогнул.

— Где же, сеу Жозе?

— На Новой дороге. Жока лучше знает, где именно.

— Есть убитые?

— Насколько я знаю, нет. Жока Лусиндо знает все подробности.

Немного спустя появился Виторино. Жозе Пассариньо взглянул на него и почтительно снял

шляпу.

— Добрый день, капитан.

— Добрый день. Знаете, кум, на заливном лугу отличное пастбище.

Пришел наконец и Жока Лусиндо, он принес с собой веревки.

— День добрый. Ну как, все готово?

— Жока, что там было вчера вечером с отрядом?

— Да мне рассказал пекарь из Сан-Мигела. Стреляли, мол, на Новой дороге, но что там было, кто его знает.

В дверях появилась старая Адриана.

— Пора.

Мастер Жозе Амаро не хотел видеть, как увезут его дочь. Взволнованный, он вошел в дом; плач жены сжал ему сердце. Когда вошли Жока и Пассариньо, кума Адриана воскликнула:

— Осторожно, не ушибите бедняжку.

Он не в силах был присутствовать при этом. До него доносились крики дочери, и громче всех слышался властный голос кумы. Прошло какое-то время. Теперь пустой дом со всех сторон обступила тишина. Это утро было для него темнее ночи. Он ничего не слышал, ничего не видел. Мимо проехал кабриолет полковника Лулы, позвани-

вая колокольчиками, — что-то праздничное было в этих звуках. И мастер словно очнулся от тяжелого сна. Подошел к двери. Постоял на пороге, поглядел перед собой ничего не видящим взором. Послышались чьи-то голоса. Несколько человек несли покойника в запачканном кровью гамаке. Один из них остановился попросить у Жозе Амаро кружку воды. Оказалось, что несли тело человека, которого убили полицейские. Сказали, что то был Кокада, один из кангасейро. Лейтенант затеял перестрелку, думая, что это отряд Антонио Силвино. Люди, несшие труп, уже отошли далеко. И человек, попросивший напиться, поспешил за ними. Мастер ни о чем не думал. В его душе была какая-то странная пустота. Он боялся вернуться в дом. И там же, под питомбейрой, опустив голову, заплакал, как ребенок. Козел подошел к нему и стал лизать руки, а потом заблеял так сочувственно, будто у него было человеческое сердце.

Часть
вторая

ЭНЖЕНЬО СЕНЬОРА ЛУЛЫ

Часть вторая
ЭНЖЕНЬО СЕНЬОРА ЛУЛЫ

I

Капитан Томас Кабрал де Мело прибыл в Варзеа-де-Параиба из Инга-до-Бакамарте еще до восстания 1848 года. Он привез с собой скот, рабов, свою семью и нахлебников и создал энженьо Санта-Фе. Эта местность находилась поблизости от Санта-Розы, и так как прежний хозяин ее — старый Антонио Лейтан — не хотел больше владеть здесь землями, капитан Томас обосновался на них. Он был человеком энергичным и на редкость трудолюбивым. Свое энженьо он назвал Санта-Фе и все в нем устраивал по-сво-

ему. Он купил у индейцев несколько куадр[30] каатинги и расширил свои владения. Теперь ему принадлежала и небольшая роща анжико[31]. Его энженьо настолько выросло, что стало граничить с энженьо Санта-Роза. Капитан происходил из семейства Кабралов, уроженцев Инга, людей состоятельных, пользующихся влиянием в провинции. Они славились умением возделывать землю. Поговаривали, что у старого Кабрала на плантациях в Инга работало более пятисот невольников. Что касается капитана Томаса, то он спустился в долину, потому что хотел своим детям дать хорошее воспитание. После раздела наследства он уехал в Пилар, прихватив с собой все свое состояние, золотые монеты, племенной скот и, что всего важнее, горя безмерным рвением к работе. Некоторые из его братьев женились на уроженках Пернамбуко. Он же остановил свой выбор на двоюродной сестре, женщине весьма рассудительной, посвятившей всю свою жизнь дому и детям. Она воспитывала дочерей, заботилась о неграх. Санта-Фе, созданное капитаном Томасом, казалось карликовым по сравнению с

---

[30] Примечания: 30
Куадра — сельскохозяйственная мера площади.

[31] Примечания: 31
Анжико — дерево с красной твердой древесиной.

другими близлежащими энженьо. Но Томас был доволен своим имением и отдавал ему всю свою душу и силы. Поначалу ему пришлось столкнуться со всякого рода трудностями. Он ничего не смыслил в производстве сахара, прежде он разводил и сажал хлопок. Однако для его энергии не существовало никаких препятствий. Он основал энженьо, купил жернов для выжимки сахарного тростника, бочки для патоки и два года спустя уже собирал в Санта-Фе первый урожай. Соседи какое-то время не принимали как Томаса, так и имения Санта-Фе всерьез. Они наблюдали за этим человеком, который, нисколько не заботясь о собственном престиже, обрабатывал землю своими руками, и не верили, что у него что-то получится. Капитан был сух, немногословен и замкнут. Про него начали выдумывать всякие небылицы, говорить, что он с семьей голодает, что губит негров на работе, что он скряга. Но вот каза-гранде была покрыта кровлей; черепица заблестела на солнце, а вокруг выросли стены. Вскоре Санта-Фе стало настоящим энженьо с плантациями сахарного тростника, раскинувшимися на заливных лугах. В первый год, когда посадили сахарный тростник, пришел падре Фредерико освятить энженьо. Капитан не устроил пышного

празднества по этому поводу, как было принято в здешних местах. Ему еще многое надо было сделать, чтобы иметь возможность закатывать подобные пиршества. Первый урожай сахара он сбыл по очень хорошей цене; сам отправился в город с обозами, продавать товар. Поведение капитана повсюду вызвало недоумение. Что, делать ему нечего, что ли? Как мог хозяин энженьо опуститься до того, чтобы отправиться на рынок вместе с возчиками, совсем как надсмотрщик? Зато капитану Томасу его энженьо приносило столько дохода, сколько другим, более богатым хозяевам и не снилось, хотя у них и были большие земли. И вскоре о капитане заговорили как о человеке настойчивом, честном, трудолюбивом, с большими хозяйственными способностями. Про него ходило много всяких сплетен и анекдотов. Черные рабы капитана стали притчей во языцех. Говорили, что негра в Санта-Фе кормят один раз в день, подвергают ужасным наказаниям, что по его спине то и дело гуляет кнут. Невольники Санта-Фе никогда не ходили на праздники в Пилар, не танцевали коко, как в Санта-Розе. Негр в Санта-Фе был поистине вьючным животным. Капитан считал, что негр только и пригоден для тяжелой работы, ведь и сам-то он, плантатор, с рассвета

до позднего вечера трудился как вол. И Санта-Фе приобрело печальную славу. Правда, время от времени капитан созывал гостей, — например, по случаю крестин дочери. К ним приезжали соседи или кое-кто из его родственников, оставшихся в Инга. Томас не любил эти сборища. По натуре он был человеком суровым, привык встречать восход солнца в поле с хлыстом в руке, как надсмотрщик, заставляя негров корчевать лес, рыхлить землю, сажать тростник. Его не пугали ни ливни, ни палящее солнце — он выходил на работу в любую погоду. Капитан не жалел своих сил. Он хотел скопить капитал и дать детям хорошее образование. Старшая дочь училась в монастырском коллеже в Ресифе. Ему хотелось, чтобы его дети стали настоящими людьми. Не нужны в доме женщины, которые курят трубку, а написать свое имя не умеют, как многие богатые сеньоры, которых он знал. Именье капитана Томаса Кабрала процветало. Дочь вернулась из коллежа образованной девушкой, удивлявшей всех своими знаниями. Капитан Томас купил для нее в Ресифе рояль. Это был настоящий праздник, когда по дорогам двигался большой рояль капитана Томаса. Люди сбегались поглазеть на эту диковинку, которую несли на своих головах

десять негров. Позади них шли еще десять на смену. Огромный инструмент, весь обмотанный тряпками, тащили по узким дорогам. Впереди шел негр и серпом срезал ветки, которые могли задеть рояль капитана Томаса. Сам капитан ехал на лошади сзади, отдавая приказания. Негры ступали по каменистой почве или по сыпучему песку с такой осторожностью, будто несли тяжелобольного, которому опасно было малейшее сотрясение. В небольшой рощице остановились отдохнуть. Заночевали в энженьо Фазендинья. Негры улеглись вокруг рояля, точно охраняя сокровище. Капитана пригласили в каза-гранде. Ему пришлось снять с рояля тряпки, чтобы показать инструмент дочкам хозяина энженьо. Они любовались зеркальной поверхностью полированного дерева, белизной клавиш из слоновой кости. Наконец большой рояль, который Томас Кабрал де Мело купил в Ресифе для своей дочери Амелии, благополучно доставили в Санта-Фе. Рояль в этих местах видели впервые. Он был намного больше церковного органа в Пиларе. Говорили, впрочем, что в Марангуапэ был еще один рояль подобного размера. Таким было энженьо Санта-Фе. Оно возникло на пустом месте, на землях какого-то бездельника, и в руках капи-

тана превратилось в одно из самых прибыльных хозяйств долины. Капитан занялся политикой, стал членом либеральной партии, хотя в Санта-Розе голосовали за консервативную партию. Его родственники участвовали в восстании 1848 года, терпели гонения при правительстве, которое убило Нунеса Машадо. Он всегда выступал против консерваторов. Не раз доводилось ему председательствовать в палате Пилара. Когда его партия возвысилась, он стал первым человеком в округе. Капитан пользовался всеобщим уважением, к нему почтительно относились даже его враги. Только один раз на выборах ему пришлось повысить голос, чтобы ответить на оскорбления какого-то бакалавра, который недавно прибыл в Пилар и еще не знал его. Но за капитана тут же вступились люди даже из другой партии, и все кончилось хорошо. Вот каков был капитан Томас Кабрал де Мело, хозяин энженьо Санта-Фе, глава либеральной партии, отец дочери, получившей воспитание в Ресифе, а она играла на рояле, говорила по-французски и искусно вышивала своими прелестными ручками. По воскресным вечерам, когда капитану нечего было делать, он ложился на софе в гостиной и просил дочь:

— Амелия, сыграй какую-нибудь вещицу.

И дом наполняли звуки грустного вальса. Мать девушки спешила из кухни в гостиную и вместе с неграми слушала прекрасную музыку, которую дона Амелия извлекала из огромного инструмента. Капитан закрывал глаза и наслаждался нежной мелодией. Его дочь была само совершенство. Жена, замученная постоянной работой на кухне, где она варила кукурузную кашу для прислуги и резала треску, была счастлива, ее загорелое лицо светилось радостью. Вторая их дочь, Оливия, тоже училась. Мать мечтала, чтобы у ее дочерей была иная судьба, чем у нее. Она не хотела, чтобы они привыкали к тяжелой работе, к жизни, как у невольниц. Томас, лежа на кушетке, наслаждался игрой дочери. Мать желала для Амелии не такого мужа, как Томас; он ничего не хотел знать, кроме работы. Муж ее дочери должен иметь еще что-то, быть лучше Томаса. Дона Амелия наигрывала веселые вальсы, вкладывая в музыку всю себя. Капитан засыпал в воскресные вечера, убаюканный приятной мелодией. Негры в это время не работали; земля давала жизнь семенам. В такие вечера каза-гранде преображалась — для матери, отца, негров жизнь представлялась совсем в ином свете. Все ходили точно зачарованные, негритянки говорили,

что у девушки волшебные руки. Капитан Томас Кабрал де Мело, казалось, достиг предела своих мечтаний. Что еще нужно было такому человеку, как он? Образованные дочери, процветающее энженьо, отборный скот, плантации сахарного тростника, хлопковое поле, всеобщее уважение, почет даже со стороны политических противников. Он создал энженьо своими руками. И очень гордился этим. Он не пришел на готовенькое, как другие местные богачи. Здесь все создано им, его трудом. На фронтоне его каза-гранде стоит дата — 1852 год. В том году он заново перекрасил дом и привез рояль. Амелия вернулась из коллежа, она была способной, образованной девушкой, не имевшей себе равных. Но шли годы, и капитан Томас загрустил. Почему она не выходит замуж? Казалось, у его дочери есть все. Она достойна самого хорошего мужа! Она недурна, умна, обладает всеми качествами образцовой супруги. Но годы идут, а дочь не выходит замуж. Он слушал, как она играет на рояле, и думал. Значит, в этой проклятой Рибейре нет мужчины, который мог стать ее мужем. Жена никогда не заговаривала с ним о замужестве Амелии, но беспокоилась. Впрочем, незачем ломать себе голову. Время само все решит. Санта-Фе приносило шесть тысяч

голов сахара, много мешков шерсти, и на его пастбищах бродило двести голов скота. Было у него и сорок невольников. А большего ему и не нужно было. К нему частенько обращались хозяева более крупных энженьо с просьбой одолжить денег. Капитан никогда не отказывал, причем проценты с должников брал по-божески. Деньги для него были как бы его плотью и кровью. Долина, заливные луга, холмы — все это было прекрасно. Он вспоминал свои разговоры с другими хозяевами энженьо. Все хвалили его урожаи, сахар, скот, хлопковые плантации, кукурузные поля. В руках капитана Томаса все давало доход, все приносило деньги. Правда, ему во всем помогала жена, она делила с ним заботы, присматривала за хозяйством, заботилась о слугах, сама шила им хлопчатобумажную одежду, готовила ангу[32], жарила мясо. Его негры были сильными, выносливыми людьми. Он привез из Инга самых лучших.

Никогда не покупал он невольников, которым была грош цена; с ними одна лишь морока. Ему нужны были хорошие работники и здоровые негритянки, которые рожали бы как можно боль-

---

[32] Примечания: 32

Ангу — каша из кукурузной, маниоковой или рисовой муки.

ше будущих тружеников для его плантаций. Все, что капитан Томас задумал сделать в Санта-Фе, он осуществил. Но дочь, которая играла на рояле, читала книги в красивых переплетах и образование которой стоило ему так дорого, не выходила замуж. Местные мужчины были недостойны ее. А сын Жоана Алвеса из Канабравы к нему не пришел. Впрочем, он и не выдал бы за него дочь ни за какие деньги. Лучше пускай останется старой девой, чем свяжет свою судьбу с подобным бездельником, который ведет разгульную жизнь и насилует принадлежащих отцу невольниц. А сыновья Маноэла Сезара из Итайпу? Ведь они учились и получили высшее образование. Достойны ли они Амелии? Нет. Эти люди из Итайпу обращались с женщиной, как с рабыней. Амелия была нежным созданием. Нет! Он предпочтет, чтобы она осталась на всю жизнь с ним, но не отдаст замуж ни за одного из этих скотов. У него было отложено золото, которое он охотно отдал бы, чтобы купить энженьо для дочери. Отдельное энженьо с закрытыми воротами. Ему хотелось, чтобы нашелся мужчина с хорошим характером, способный сделать ее счастливой и относиться к ней так, как она того заслуживает.

Капитан Томас стал заметно стареть, он уже

был не тот, что раньше. Но Санта-Фе по-прежнему процветало, это было богатое энженьо с хорошими плантациями, которые приносили верный доход. Как-то раз, когда дона Амелия играла на рояле, к капитану приехал погостить молодой человек, родственник из Пернамбуко, сын Антонио Шакона из района Палмарес — Луис Сезар де Оланда Шакон. Отец его погиб в сражениях 1848 года. Ходило много разных легенд о храбрости Антонио Шакона, который попал в окружение в лесах Жакуипе вместе с Педро Иво[33] и сражался с правительственными войсками, пока его не сразила пуля. После его смерти жена осталась с малолетним сыном. Вот этим сыном и был тот молодой человек, которого капитан Томас принял, как горячо любимого родственника. Капитан всегда слышал, что старый Шакон был порядочным, мужественным человеком, отдавшим свою жизнь за вождя, которого убили в Ресифе. Имя Нунеса Машадо капитан произносил с благоговением. Нунес Машадо, тот, что погиб на поле брани и вошел в историю, был его родственником.

У сурового капитана Томаса, когда он произносил это имя, на глаза навертывались слезы. И вот

---

[33] Примечания: 33

Педро Иво — один из героев восстания в штате Пернамбуко в 1848 г.

к нему в гости приехал единственный сын Антонио Шакона, погибшего с оружием в руках. Гость оказался воспитанным молодым человеком, приятной внешности, с изысканными манерами. Капитан сразу стал называть его Лулой и отнесся к нему, как к родному сыну. Амелии он тоже пришелся по душе. Теперь рояль звучал особенно выразительно, музыка рыдала, пальцы девушки так и порхали по клавишам. Кузен, сидя на софе, молча слушал, как она играет вальсы. Мать, гордая за дочь, нет-нет да бросала дела на кухне и шла в гостиную развлечь гостя. У кузена Лулы была модная черная бородка, голубые глаза, грустное выражение лица, мягкий говор. Старуха внимательно приглядывалась к нему, стремясь составить представление о будущем зяте, который прибыл издалека, чтобы сделать Амелию счастливой. Никогда девушка не играла на рояле с таким чувством. Она играла волшебно. Капитан по-прежнему молчал, слушая дочь, изливавшую душу кузену Луле в нежных мелодиях. Но вот Луис Сезар де Оланда Шакон назначил день своего отъезда. Капитан Томас ждал, что накануне отъезда тот попросит руки его дочери. Он даже предложил Луле отправиться в Ресифе на буланом коне, которого купил у старого Рибейро

в Итабайане. Однако кузен горячо поблагодарил, но отказался от этого заманчивого предложения. Поездка — долгая, он мог загнать породистую лошадь. И уехал, так и не заговорив о браке.

В каза-гранде имения Санта-Фе стала редко слышна музыка. Старая Марикинья вернулась на кухню к котлам с кашей, рояль умолк. И тут капитан получил письмо из Ресифе от своего знакомого, тот сообщал ему горестную весть: их семнадцатилетняя дочь Оливия тяжело заболела. В письме говорилось о том, что ее пришлось поместить в Тамаринейру. Капитан тотчас же собрался в путь. То, что он увидел в больнице, потрясло его: дочь потеряла рассудок. Как сказал врач, надежды на излечение почти не было. Отец хотел увезти Оливию домой, но ему посоветовали оставить ее на некоторое время в больнице. В Санта-Фе капитан вернулся другим человеком. Горе как-то сразу состарило его. Ведь он сделал для своей дочери все, что мог. В отличие от других хозяев энженьо, которые растили своих детей в невежестве, он послал ее в Ресифе, чтобы она стала такой, как Амелия, — хорошо воспитанной, умной, умеющей вести себя в обществе с достоинством. И вдруг такое горе. Марикинья, казалось, не поддалась отчаянию. Капитан видел ее либо

на кухне, либо за веретеном, либо с негритянками. А у него уже не было сил. Он подорвал их на работе. Болезнь Оливии доконала его. Так прошло несколько месяцев. Все в доме уже смирились с несчастьем, все, кроме капитана Томаса. Каждые два месяца он седлал коня и отправлялся в Ресифе навестить больную дочь. Ему было тяжело видеть, как она сидела, неподвижная, с застывшим взглядом, и не говорила ни слова. Возвращаясь в Санта-Фе, он не рассказывал о состоянии Оливии. Страдал молча. Забросил хозяйство, не проявлял никакого интереса ни к урожаю, ни к скоту. Его больше не интересовали ярмарки в Итабайане, он не посещал собраний либеральной партии, передав все в руки старого Перейры Боржеса. И те, кто наведывался в Санта-Фе, уезжали, испытывая чувство жалости к капитану. Трудно было поверить, что человек мог так быстро сдать. А между тем он часами валялся на софе в гостиной. Амелия, как могла, пыталась развеселить отца. Капитан делал вид, что слушает ее, и через силу улыбался. Она садилась за рояль и играла, но он ничего не слышал и чувства гордости больше не испытывал, хотя его дочь по-прежнему извлекала из инструмента нежные, чистые звуки. И только внезапный побег негра из энженьо вы-

рвал капитана из оцепенения. Сбежал Домингос, восемнадцатилетний парень, приятной наружности и завидного здоровья. Побег возмутил капитана до глубины души.

В нем снова заговорил прежний капитан Томас Кабрал де Мело, владелец Санта-Фе. Он вскочил на своего серого коня и вместе с негром Лауриндо отправился на розыски Домингоса. Марикинья просила, чтобы он обратился к лесному капитану[34]. Но он не хотел. Впервые у него посмел убежать невольник. Негодующий капитан Томас бросился на его розыски. Он объехал многие энженьо Севера. Побывал в Марангуапэ, был в штате Рио-Гранде-до-Норте, но так и не напал на след. Тогда он понял, что ищет его не в том направлении. Спустился к энженьо долины, пересек всю провинцию и в одно воскресное утро прибыл к соборной мессе в Гойану. Все его думы были о сбежавшем Домингосе. Весь смысл жизни сейчас заключался в том, чтобы схватить беглеца. Он поговорил с полицейским инспектором. Но след беглеца простыл. Наконец в гостинице он получил от лесного капитана кое-какие обнадеживающие сведения. Парень,

---

[34] Примечания: 34

Лесной капитан — человек, специально занимавшийся поимкой беглых негров-невольников.

по приметам похожий на Домингоса, находился в энженьо Сипо-Бранко. Хозяин энженьо был человек суровый и очень резкий. Капитану Томасу следовало остерегаться выходок старого Но. Сразу же после завтрака капитан сел на коня и вместе с Лауриндо отправился в путь. К вечеру они подъехали к воротам энженьо Сипо-Бранко. Когда они въехали во двор, в каза-гранде свет еще не зажгли. Навстречу вышел высокий старик в ситцевом халате. Капитан объяснил ему, в чем дело. Старик, не предлагая капитану спешиться, раздраженно ответил:

— Здесь вам не киломбо́[35]. За моих негров я заплатил деньги.

— Я нисколько не сомневаюсь. Но у меня есть сведения, что один молодой негр, принадлежащий мне, прячется в вашем энженьо. Я приехал не для того, чтобы ссориться. Но принципы…

— Ну что ж, если у вас есть свои принципы, то у меня свои. В мое энженьо не ступит ногой ни один беглый негр.

Зимний вечер опустился на Сипо-Бранко. Дом погрузился в темноту, с работы возвращались негры. Начался дождь, и капитан распростился.

---

[35] Примечания: 35

Киломбо́ — поселение беглых негров-невольников.

В Гойане он не смог заснуть. На следующий день Томас обратился к полицейскому инспектору. Тот ничем не мог помочь. Старый Но двоюродный брат сеньора Гойаны. Капитан отправился к самому сеньору. Он встретился с человеком, о котором так много говорили в округе. Каза-гранде его была похожа на дворец. На всем лежала печать роскоши и богатства. Капитан рассказал, что прибыл с Севера, из Верзеа-де-Параиба, ищет своего беглого раба. По имеющимся у него сведениям, тот находится в Сипо-Бранко. Он туда заезжал. Однако старик принял его недружелюбно. Сеньор выслушал капитана молча. Потом они сели за стол позавтракать. За столом было много народу — семья, родственники, управляющие. После завтрака капитан вернулся в Гойану с письмом к полицейскому инспектору. Тот прочитал его и сказал:

— Капитан, можете возвращаться домой, негр будет доставлен в ваше энженьо не позднее среды.

Полицейский инспектор сдержал свое обещание. В среду после обеда Домингос бросился в ноги Томасу. Лесной капитан привез письмо от полицейского инспектора. Капитан Томас посмотрел на своего невольника со смертельной

ненавистью.

— Паршивый негр, из-за тебя я объездил полсвета, подвергся оскорблению, просил милости. Леополдо!

Тотчас же появился Леополдо, высокий, сильный, здоровый негр.

— Привяжи этого паршивца к повозке и проучи его как следует.

Немного погодя Санта-Фе огласили душераздирающие крики Домингоса. Капитан лежал с закрытыми глазами. К нему подошла Амелия попросить за негра. Старик выслушал ее и, заметив, что она огорчена, приподнялся:

— Не надо, дочка. Не надо. Теперь он никогда больше не убежит от своего хозяина.

Мать Домингоса, работавшая на кухне, упала ему в ноги.

— Господин, простите беглого негра.

Но капитан Томас Кабрал де Мело только ожесточался, это уже не был тот человек, который так переживал болезнь Оливии. Крики Домингоса не причиняли ему страдания, не ранили его сердца.

— Теперь ему уже никогда не захочется больше бежать. Амелия, дочка, сыграй-ка эту грустную мелодию, которую я так люблю.

Дочь подошла к роялю. В Санта-Фе наступал

грустный вечер. В каза-гранде звучал вальс, звуки его вырывались из дома на зеленую плантацию сахарного тростника, наполняли круглую сензалу[36], где на утрамбованном глиняном полу спали голые негритята, заглушали крики привязанного к телеге Домингоса, по обнаженному телу которого стекала кровь. Музыка Амелии размягчила сердце капитана. Он поднялся, подошел к двери и крикнул:

— Хватит, Леополдо!

Дочь посмотрела на него с благодарностью. На кухне у ног хозяйки рыдала негритянка. Капитан Томас улегся на софу, и опять перед взором его возникла Оливия с остановившимся взглядом, с горькими складками у рта и опущенными руками. И за что ему такое наказание!

— Играй, доченька, сыграй еще!

И он закрыл глаза, чтобы не побежали слезы; его страдания казались ему более тяжелыми, чем страдания Домингоса под ударами плети. На другой день негритенок, который ездил в Пилар, привез письмо, полученное из Ресифе. Он решил, что это плохое известие о дочери. Но это было письмо от кузена Лулы, в котором тот просил

---

[36] Примечания: 36
Сензала — жилище негров-невольников.

руки Амелии.

— Марикинья, — крикнул капитан, — пойди сюда! Лула просит руки нашей дочери. Она выходит замуж!

В словах капитана слышалась большая радость. Он позвал дочь и, не решившись сказать ей сам, молча протянул письмо. У Амелии глаза наполнились слезами, она обняла мать. Обе расплакались. Капитан вышел во двор каза-гранде. Тучи саранчи опускались на влажную землю; долина была покрыта зарослями сахарного тростника; негр Домингос понес должное наказание. Положение Санта-Фе прочно, нет никаких долгов, золотые монеты спрятаны у него под кроватью, и вот теперь еще выходит замуж Амелия. Он взглянул, какая будет погода. Одна лишь беда — несчастная Оливия по-прежнему находится в Тамаринейре.

II

Капитан Томас хотел, чтобы после замужества дочь жила в его доме. Энженьо у него было небольшое, но оно вполне могло прокормить всех. Марикинья с радостью разделяла желание мужа. Зять будет жить вместе с ними, как сын. Первые месяцы брачной жизни молодоженов были такими же, какими они бывают обычно у всех. Поначалу капитан удивлялся молчаливости зятя. Молодой человек часами лежал в гамаке на веранде, просматривая старые газеты, листая книги. Ему даже не приходило в голову оседлать лошадь и поехать взглянуть на плантации сахарного тростника. Он держался очень скромно и, вероятно, считал бестактным вмешиваться в управление энженьо. Пусть хозяйничает тесть. Меж тем капитан Томас хотел предоставить зятю полную свободу действий и однажды затеял с ним разговор. Он решил отдать ему плантацию на плоскогорье, отдать в полное распоряжение, как полновластному хозяину. Молодой человек молча выслушал капитана и решил поутру поехать посмотреть на свои владения. Негры с удивлением поглядывали на этого господина с

отсутствующим взглядом, одетого по-городскому, всегда при галстуке, который держался так, точно был не хозяином, а гостем в энженьо. Капитану не понравилось поведение зятя. Неграм нужен хозяин с верным глазом и твердой рукой. Зять казался придурковатым. Томас не раз говорил Марикинье:

— Наш Лула все еще никак не привыкнет к здешней жизни. Он прожил тут уже полгода, а кажется, будто вчера приехал.

— Свыкнется, — отвечала старуха. — Просто он очень стеснительный.

Амелии не нравилось отношение отца к ее мужу. Правда, муж отличался от отца. Ему не по душе была та жизнь, которая его окружала, и она, как могла, пыталась вызвать в нем интерес к хозяйству.

— Лула, как у тебя дела на плантации?

Тот отвечал неохотно. Больше всего ему было приятно слушать, как жена играет на рояле. Вначале все в доме полагали, что они ведут себя так потому, что молодожены. Вечера они проводили в гостиной, Муж — сидя на большой софе, а Амелия — за роялем, играя все, что она знала.

— Сыграй-ка тот вальс.

И она играла и играла все, что помнила.

Марикинье все это казалось очень красивым. Таким вот и должен быть муж — любящим, близким для жены человеком, относящимся к ней нежно, а не так безразлично, как Томас. Какое счастье, что Амелия нашла такого хорошего, такого нежного мужа! Неграм нравились манеры молодого господина. Он как будто сошел с иконы: борода как у святого Северино дос Рамос, благородные манеры, беззаветная привязанность к жене, как это бывает только в сказках с принцами и принцессами. Капитан же никак не мог понять характера Лулы. Он вспомнил свою жизнь, первые дни после свадьбы, когда он жил в Инга, и поведение зятя показалось ему нелепым. Он не высказывал своего мнения, чтобы не ссориться с дочерью, дороже ее у него не было никого на свете. Другую свою дочь, которая по-прежнему находилась в Ресифе, он считал потерянной. Да и в самом деле, что у него еще оставалось в жизни, кроме Амелии, которую он вырастил в достатке, как дочь богача. Наверное, парню, думал он, не привили любви к труду. Капитан Томас чувствовал себя старым и боялся оставить Санта-Фе без энергичного хозяина, каким был сам. Такому маленькому энженьо необходим человек с решительным характером, который су-

мел бы управлять им разумно, твердо. Зять вряд ли справится с этой задачей. Томас даже сказал как-то Марикинье:

— Этот твой хваленый Лула, по-моему, размазня.

Жена обиделась за зятя и ответила с несвойственной ей резкостью:

— Томас, мне бы хотелось иметь много дочерей и для каждой из них найти такого мужа, как кузен Лула. Только такой мужчина, как он, может сделать женщину счастливой.

Он хотел было ответить на эту дерзость, но тут в дверях появилась Амелия.

— Отец, я хотела попросить тебя об одном одолжении.

— Ну что ж, девочка, говори, что тебе надо.

С дочерью капитан Томас был всегда мягок и нежен.

Амелия подошла к старику.

— Отец, у Лулы есть кабриолет в Ресифе, и он хочет привезти его сюда. Ему нужна только пара лошадей.

Старик выслушал дочь.

— Девочка, привезти сюда эту штуку дело нелегкое. До Итамбэ дорога хорошая. Но от Итамбэ — не знаю, удастся ли добраться. Лошадей

отсюда посылать не стоит. Скажи мужу, чтобы он подобрал в городе пару хороших коней.

С тех пор как появился кабриолет, популярность Санта-Фе стала возрастать. Капитан Томас был человеком простым, но ему нравилось показывать хозяевам энженьо Рибейры, что он не так прост, как они думают. Только у него была дочь, которая играла на рояле, и зять с кабриолетом. Лула подготовился к поездке. Он взял с собой в Гойану четырех негров, и вот в один прекрасный летний вечер, когда в Санта-Фе выжимали сахарный тростник, в усадьбу въехал кабриолет Луиса Сезара де Оланда Шакон. Для энженьо это явилось таким же праздником, как и прибытие рояля. Некоторые зеваки даже сопровождали экипаж на всем пути от самого Итамбэ до Санта-Фе. На плоскогорье колеса кабриолета завязли в песке. На смену усталым лошадям впряглись в экипаж негры. Появление в энженьо кабриолета Лулы подняло настроение капитана. Теперь он ездил на мессу в Пилар в кабриолете. Зять никак не мог найти подходящего негра, который бы выполнял обязанности кучера, и сам, с вожжами в руках, разъезжал по дороге, обрамленной кажазейрами. Пришлось послать людей, чтобы выровнять дорогу. Люди таращили глаза на

проезжавшую коляску, которая громко звенела колокольчиками. Быстро бежали лошади, и мир казался капитану Томасу таким же прекрасным, каким он рисовал его себе, когда Амелия играла на рояле, извлекая из него столь красивые звуки. Кузен Лула отличался хорошим вкусом. Капитан не ошибся, когда отдал ему в жены дочь. Лула был человек изысканный. Великосветские манеры позволяли ему сесть за стол самого сеньора Гойаны. А выйди Амелия замуж за этого грубияна, сына Маноэла Сезара из Итайпу, пришлось бы бедняжке помучиться. Амелия была счастлива. Некоторое время спустя настроение капитана заметно испортилось. Негры, которых он передал зятю, бездельничали, плантация стала зарастать сорняками и кустарником. Он поговорил с Лулой. Но тут же пожалел. Марикинья сказала ему, что дочь очень расстроилась. Между тем он желал им добра. Он хотел, чтобы зять всерьез занялся хозяйством. Ведь его энженьо предназначалось для Амелии. Бедняжка Оливия в таком состоянии, что фактически ее уже нет. Давая советы зятю, он и не предполагал, что тот обидится. Капитану хотелось только, чтобы муж его дочери проявил больше рвения к труду, чтобы он всерьез занялся энженьо. Но зять предпочитал весь день торчать

в гостиной, рассуждать о политике, о сильных мира сего, — их интересы были слишком разными. С появлением кабриолета хозяева Санта-Фе приобрели в округе еще больший вес. Когда семья капитана Томаса разъезжала в нем, то привлекала внимание жителей всего округа. А капитану Томасу льстило такое внимание. Он хвастался своей коляской, запряженной парой лошадей. Ведь он видел, что другие, более богатые плантаторы приезжали со своими семьями в церковь на повозках, запряженных быками. Когда его кабриолет останавливался у паперти, его со всех сторон окружали люди и восхищались. Благодаря коляске зятя капитан стал видной персоной. Правда, немаловажную роль играл и рояль в их доме. К тому же его дочь окончила монастырский коллеж. Сидя в кабриолете, он испытывал удовлетворение и был доволен собой. В конце концов Лула не привык к труду, но с хорошим управляющим он с хозяйством справится. Все шло отлично. Только болезнь Оливии угнетала владельца энженьо. Он знал, что она никогда уже не поправится. И даже подумывал о том, чтобы поехать в Ресифе и забрать ее домой. Дома, по крайней мере, ее окружат лаской и заботами мать и сестра. Он знал, что всех волнует болезнь

Оливии. Пусть уж лучше она живет среди своих. Амелия была очень счастлива в своей супружеской жизни. Отец видел, какая веселая сидит она за роялем, играя для мужа те вещи, которые она прежде исполняла по его просьбе. Когда у нее в гостях бывали дочери судьи, он любил смотреть, с какой легкой непринужденностью ведет она с ними беседу. Лула тоже всегда умел поддержать разговор с любым важным гостем, появлявшимся в их доме. Старый адвокат из Пилара, командор Кампело, сказал как-то капитану:

— Знаете, Томас, этот ваш зятек разбирается, откуда и куда дует ветер.

Плохо было лишь то, что он не проявлял никакого интереса к управлению энженьо. Чем станет Санта-Фе без расчетливого хозяина Томаса, который знал энженьо как свои пять пальцев, дал ему имя, создал плантацию на пустом месте? И капитан Томас начал волноваться за будущее Санта-Фе. Он знал, что случается с имением, когда оно остается без настоящего хозяина. Что станут делать негры, когда энженьо перейдет в руки этого недотепы; Лула только и делает, что слушает рояль, читает газеты, холит свою бороду. Судьба отца Лулы была трагической. Лула не раз рассказывал о бедной матери, вдове повстанца-

революционера, брошенной всеми на произвол судьбы вместе со своим маленьким сыном. Она переехала в Ресифе. Там у нее было два домика, которые ей оставил отец, нотариус в Олинде. Когда Лула говорил о своем отце, убитом в бою, его светлые глаза наполнялись слезами. Тот погиб из-за своего родственника — Нунеса Машадо, сражавшегося с правительственными войсками. Кузен Лула привез большой портрет отца и повесил его в гостиной. У него была такая же борода, как и у сына; и тот же суровый взгляд. Томас думал о Шаконе-старшем, который покинул жену и сына, умерев, как бандит, в лесу. Почему оставил он жену и сына? Мысли капитана Томаса невольно обращались к Санта-Фе. Когда-нибудь этот Лула поступит так же с его дочерью и разорит то, что создавал он, Томас, в поте лица своего. Тогда его энженьо придет конец, хотя казалось, что даже камни на его земле будут жить вечно. Да, у старого капитана Томаса Кабрала де Мело был и зять с кабриолетом, и образованная дочь, игравшая на рояле, но он опасался за будущее своей семьи и не мог умереть спокойно.

Эта земля, которую он переделал на свой лад, заселил, обработал и засеял, после его смерти, возможно, вернется к своему прежнему со-

стоянию и снова станет убогим безымянным пустырем. Он не верил в зятя. Хорошо, конечно, разъезжать в коляске. Очень хорошо. Но для него, для отца, который чужому мужчине отдал свою единственную дочь, это был лишь праздник для глаз. Колокольчики кабриолета позванивали на дороге не хуже церковных колоколов; и все сбегались поглазеть. Капитан Томас гордился этой великолепной коляской, вызывавшей всеобщую зависть. Но по ночам его мучила бессонница, он думал о жизни и рисовал себе будущее в черных красках. Понимал, что все созданное им с таким трудом может рухнуть. И решил поговорить с зятем. Во что бы то ни стало надо было пробудить в нем желание управлять тем, что должно принадлежать только ему и Амелии. Но Томасу скоро пришлось раскаяться. Амелия пошла к матери и расплакалась. Все считали его упрямцем, старым скрягой, который хотел сохранить свои деньги, боялся умереть и оставить другим то, что принадлежало ему. Луле не понравился разговор. Томасу стало известно, что Марикинья даже посоветовала Амелии уехать с мужем из энженьо и поселиться где-нибудь вдали от отца. Этого капитан не мог вынести. Если бы Амелия уехала, он бы не пережил разлуки. Во всем ви-

новата беззаботность его зятя, его леность, его полное безразличие к хозяйству. Все отдано в его распоряжение: плодородная земля, деньги, негры, семена, а он день-деньской валяется в гостиной. Как может человек торчать дома в такое майское утро, когда негры роют лунки для посадки сахарного тростника? Как может он не любить труд, землю, энженьо, где с утра до вечера выжимают сахарный тростник и собирают урожай? Неужели его не волнуют запахи патоки, влажной земли, дождь, солнце, ящерицы, речные половодья? Жена по секрету сообщила ему, что их дочь забеременела. Он обрадовался. Может быть, это заставит зятя взяться за ум. Ребенок требует больших забот, нужно думать о его будущем.

Появилась на свет девочка, а Лула продолжал жить по-прежнему. Видно, ничего не изменишь. И старый Томас окончательно разочаровался. И вдруг снова сбежал Домингос. Он удрал, уведя двух верховых коней. Капитан Томас был уже не таким, как прежде. И все же принял дело близко к сердцу. Как бы стар он ни был, он отправится на розыски своего добра. Зять вызвался поехать с ним. По пути им удалось узнать, что Домингос отправился в сторону сертана. Беглому негру трудно было найти убежище в каком-либо энже-

ньо в долине или скрыться в Гойане. Вероятно, он отправился на плоскогорье, в сертаны. Старый Томас почти не знал этих мест. В Можейро они выяснили, что Домингос был там вместе с каким-то крестьянином из Кампина-Гранде. Им ничего не оставалось, как отправиться в Кампину. Они прекрасно понимали, что в тех краях у них возникнет немало трудностей. В сертане недолюбливали людей из долины. Но старый Томас отстаивал свое право, он хотел вернуть себе то, что ему принадлежало. Они добрались до поселка. Стоял страшный холод, и Томас со своими людьми разместился на ночь в шалаше. Здесь, возле горевших костров, грелись разные люди, направлявшиеся на плоскогорье. Капитан разговорился с одним из возчиков, и тот откровенно сказал ему:

— Вряд ли вам удастся чего-нибудь добиться, Сертанежо не любят чужаков.

На следующее утро Томас отправился в дом одного старика, которого считали самым уважаемым человеком в этих местах. Тот, даже не дослушав его историю до конца, сказал:

— Трудно вам будет, сеу капитан. Очень трудно. Я живу в Кампина-Гранде уже много лет и ни разу не встречал в этих краях вора. Если негр добрался

до сертана, то вы, сеньор, его больше не найдете. Здесь свободная земля, капитан. У народа этого края нет межей на земле.

Однако капитан Томас и Лула не признали себя побежденными. Из разговора на ярмарке они поняли, что негр скрывается в Фагундесе, на фазенде какого-то парня, приехавшего из Сеара́. Капитана предупредили, чтобы он действовал как можно осторожнее, так как этот парень — человек горячий. Капитан Томас защищал свое право: негр принадлежал ему и лошади тоже. Он должен их вернуть в Санте-Фе. Вечером добрались они до фазенды. Жилой дом со скотным двором. Самый обычный дом арендатора — из темной глины, с верандой. В дверях стоял человек в рубашке навыпуск и соломенной шляпе. Капитан въехал во двор и спросил, где хозяин.

— Это я, старина.

Капитан показал ему письмо полицейского инспектора, которым он запасся в Пиларе, и рассказал о побеге негра и краже лошадей.

— Старина, вы пришли по ложному следу. Я здесь новый человек. Приехал из Сеара, чтобы зарабатывать на жизнь своим трудом. А вы приехали ко мне искать беглого негра и краденых лошадей?

Капитан объяснил, что приехал не для того, чтобы ссориться. Он просто хочет вернуть себе свою собственность. Это его право.

— Все, что вы говорите, справедливо, старина, совершенно справедливо. И я не оспариваю вашего права. Но почему вы приехали именно ко мне? Выходит, я прячу краденое, так, что ли? Это уже оскорбление!

Капитан разговаривал вежливо, стараясь избежать ссоры. Но тут вмешался зять и все испортил: он повысил голос на сертанежо. Тот обозлился. Два негра с изумлением смотрели на своих господ, которые разрешали какому-то парню так непочтительно с ними говорить.

— Молодой человек, я вас не знаю, я разговариваю с капитаном Томасом, который разыскивает беглого негра и украденных у него лошадей. А вы кто такой?

— Это мой зять.

— Ну что ж, тогда пусть помолчит. Я хочу говорить со стариком. Для меня он уважаемый человек.

— Мы здесь не для того, чтобы нас оскорблять, — возмутился Лула.

— Кто же здесь кого оскорбляет? Выходит, вы приходите ко мне искать беглого негра, и я же вас

оскорбляю? Обратная дорога вам известна, старина, — я вас не задерживаю. Если вы приехали сюда оскорблять меня, то скатертью дорога.

Подошли двое кабр с кинжалами за поясом.

— Эти два человека прибыли из Брежо, они ищут беглого негра. И думают, что он прячется именно здесь.

Капитан Томас пояснил:

— Не совсем так, сеньор, в Кампине мне сказали, что негр останавливался на этой фазенде.

Сеу Лула закричал срывающимся от возмущения голосом:

— Мы не какие-нибудь бродяги!

— Я знаю, что вы люди порядочные, владельцы энженьо. Все это так. Но криком вы здесь ничего не добьетесь, молодой человек. Будь я на месте капитана, я бы заночевал вон под тем деревом и подождал бы рассвета. Если хотите закусить, то я могу предложить вам несколько тарелок простокваши. А вот беглого негра и краденых лошадей у меня нет.

Один из кабр громко захохотал. Капитан взглянул на зятя и сказал хозяину энженьо:

— Ну что ж, сеньор, если так, извините меня. Мы уезжаем. Будете в наших краях, в долине, заезжайте ко мне. Мой дом к вашим услугам!

— Доброго вам пути, капитан. Вон там, под тем деревом. Чем богаты, тем и рады. Вы, господа, люди знатные. А я всего-навсего бедный сертанежо.

Капитан перебросился несколькими словами с зятем, и они выехали на дорогу, которая вела в Кампину. Поднявшись на плоскогорье, они увидели огромное дерево, под которым сделали привал. Первым заговорил зять:

— Скверные люди! Я уверен, что негр у них.

— Я тоже так думаю, но с сертанежо шутки плохи. Сразу видно, что этот кабра не здешний. Он сам смахивает на конокрада. По тому, как он нас встретил, можно догадаться, что эта фазенда — пристанище для воров, которые едут с юга Пернамбуко в сертан.

Сеу Лула чувствовал себя униженным. Ему не спалось. В лесу рыскали звери, слышались ночные шорохи. Негры похрапывали, капитан лежал в стороне, завернувшись в одеяло. А сеу Луле не спалось. Он думал об отце, который, точно дикий зверь, скрывался в лесах Жакуипе и которого потом убили, как опасного разбойника. Он погиб, сражаясь за своего вождя — Нунеса Машадо. И здесь, в этом пустынном сертане, лежа под жуазейро рядом с неграми и тестем, сеу Лула вдруг понял, что сам он трус и не способен стать

таким, каким был его отец Антонио Шакон. Что он собой представляет? Сейчас, когда он был наедине со своими мыслями, это не давало ему покоя. Он даже не сумел поговорить с вором, как тот того заслуживал. Тесть велел ему замолчать. Они уехали оттуда, бежали. Четверо мужчин не могли дать отпор этому наглому кабре. Комары жужжали у него над головой. Капитан, наверное, тоже не спит. Разве может спокойно уснуть человек, у которого не хватило мужества вырвать своего негра из рук явного конокрада?

III

Капитан Томас выглядел тяжелобольным. Лесной капитан привез беглого негра, но старик даже не взглянул на него. Он чувствовал себя оскорбленным, обесчещенным. Целыми днями он молча лежал в своем гамаке, безучастный ко всему. То вдруг, точно призрак, капитан Томас начинал ходить из угла в угол, охваченный безысходной тоской. Каза-гранде в Санта-Фе погрузилась в тишину. Сеу Лула читал газеты, доставлявшиеся из Ресифе. Дона Амелия в жаркие послеобеденные часы играла вальсы, которые так любил слушать ее муж. Все были озабочены состоянием капитана. Не могла же эта история с Домингосом подействовать на него! Но он так переменился. Капитан молча переживал свое унижение. Он чувствовал себя побежденным, опозоренным, уже ни на что не годным. Теперь он, Томас, хозяин энженьо, не заслуживает никакого уважения. От него убежал негр, а он отправился за ним вдогонку и не смог вернуть, его оскорбил какой-то хам в рубашке навыпуск и чуть не избил. Нет, теперь он не сможет прикрикнуть ни на одного негра. Если бы у него был сын, способный отомстить

за оскорбленного отца, или хотя бы мужчина в семье, который бы снял с него этот позор! Зять — неплохой человек, но что взять с этого размазни! Он смотрел на связанного негра, избитого лесным капитаном, и, казалось, не видел его. Для него Домингос продолжал оставаться беглым негром, более сильным и могущественным, чем он сам. Хозяин энженьо Санта-Фе погнался за беглым негром и оказался не в силах вернуть его. Такого унижения он не мог вынести: отныне он считал себя человеком конченым. Что у него осталось в жизни? Сумасшедшая дочь (теперь Оливия жила дома) и Амелия, преданная своему мужу, который ничего не умел делать. Капитана Томаса навещали друзья; он принимал их, лежа все в том же гамаке. Заехал каноник Фредерико, который собирал деньги на постройку церковной колокольни. Томас молча дал священнику денег, так и не поднявшись с гамака и не проронив ни одного слова, хотя каноник пытался поговорить с ним по-дружески; казалось, он не слышал его слов. Перед отъездом каноник сказал «Луле, что очень обеспокоен состоянием капитана. Вероятно, тот болен. Утром и вечером к нему заходил управляющий сообщить новости и получить дальнейшие распоряжения, но Томас относился безучастно

ко всему, что происходило в энженьо. Он стал совсем другим. Старая Марикинья высказала свои опасения зятю и дочери. Она боялась, как бы с мужем не стряслась беда. Все в доме беспокоились за капитана. Весть о его болезни разнеслась по округе. Ходили слухи, что Томас помешался после того, как его оскорбили в Кампина-Гранде и он уехал оттуда оплеванным. Прошло несколько месяцев. Дона Амелия перестала играть на рояле. Лула начал заниматься хозяйством Санта-Фе. Во всяком случае, болезнь тестя отвлекла его от газет. Сеу Лула стал разъезжать верхом на лошади, покрикивать на негров. Старая Марикинья благодарила бога. Муж мог теперь быть спокоен, зять взял управление Санта-Фе в свои руки. Но это уже было не то энженьо, что раньше. Начался сбор урожая. Лежа в своем гамаке на веранде, капитан вдыхал запах патоки, варившейся в котлах, слышал шум колеса, приводившего в движение механизмы, крики негров, скрежет жернова, выжимавшего сахарный тростник. Но даже и это не вывело его из состояния полного оцепенения. Дона Марикинья надеялась, что сбор урожая поможет вернуть к жизни ее мужа. Она часто говорила негритянкам:

— Вот увидите, как только начнется выжимка

сахарного тростника, он встанет и возьмет дело в свои руки. Вот увидите, когда начнется работа, Томас встанет.

И вот работы начались, негры пели у жернова, сахар все прибавлялся и прибавлялся в цеху очистки, а капитан продолжал лежать в гамаке. Он почти ничего не ел, мрачно смотрел вдаль, говорил тихо, как смертельно больной человек. Все разом отошло от него: плантации, невольники, хлопковые поля. Все ушло из жизни капитана Томаса — хозяина энженьо. Дона Оливия целый день что-то бормотала, то плача, то смеясь. А капитан все молчал и лежал в гамаке с длинными оборками. Он уже больше не поправится, думала жена. Он умер духовно. Марикинья сразу поняла, что зять не способен управлять энженьо. И тогда она решила сама взяться за дело. Ей было нелегко прийти к такому решению. Но выхода не было. Она хорошо поняла это во время сбора урожая. Видела, что зять поступает не так, как было заведено в энженьо, что он несправедливо велел выпороть отличного работника — сахаровара Николау. Она не могла допустить, чтобы негров избивали просто так, из-за пустяков. Система майора Урсулино из Итапуа, измывавшегося над невольниками, ее не устраивала. Нет, этого

допускать нельзя. Она вызвала зятя и потребовала, чтобы он не смел понапрасну наказывать негров. Лула рассердился. Амелия ходила хмурая. Марикинья не стала обращать внимания на недовольство молодых. Теперь все распоряжения исходили от нее. Она была хозяйкой энженьо, сама продавала сахар возчикам из Итабайаны. Иногда она поручала зятю вести переговоры в Пиларе. И он ездил туда в кабриолете, наполняя окрестности звоном колокольчиков. Сама дона Марикинья редко выезжала на мессы в Пилар. Она вела хозяйство, присматривала за всем и всем управляла. Негры утром и вечером приходили к ней за благословением, управляющий — за распоряжениями.

Санта-Фе было уже не таким, как в те годы, когда им управлял сам капитан Томас, но все шло своим чередом благодаря энергии и заботам Марикиньи. Это дало пищу для сплетен. Хотя в доме и был муж дочери, старая Марикинья предпочла взять в семье роль мужчины на себя. Болезнь капитана Томаса продолжалась. Однажды весь дом переполошился. Капитан встал со своего гамака, дошел до сахароварни и даже поднялся к верхней плантации сахарного тростника. Негры смотрели на него со страхом. Огромная бородища, длинные

косматые волосы, как у кающегося грешника, раскачивающаяся походка. Томас пошел в сторону дороги. На кажазейре пели птицы. Но он их не слышал. По мокрой земле, сырому глинозему ступала нога хозяина, который столько раз взрыхлял эту почву, выращивал на ней сахарный тростник. Прошел он немного, солнце жгло ему лицо, заросшее седой бородой. Вернувшись домой, капитан лег в гамак и разрыдался, как ребенок. Старуха прибежала взглянуть, что случилось. Томас лежал, прикрыв лицо бахромою гамака, и плакал. В каза-гранде встревожились; впервые в жизни они видели хозяина энженьо в слезах. Слишком велико было его страдание. Дона Марикинья в тот вечер собрала в молельню негритянок, и Амелия прочла вслух молитву. Все молились, прося избавить Томаса от ужасного горя, которое заставило этого сурового, мужественного человека плакать, как ребенка. Оливия болтала без умолку. В голосе доны Амелии слышалось столько нежности, столько проникновенности, что смягчались самые окаменелые сердца. В ту ночь дона Марикинья не могла уснуть, думая, какие муки испытывал ее муж, каким камнем легла ему на душу болезнь дочери. Но после этой поездки в Кампина-Гранде за беглым негром и

украденными лошадьми он совсем сник, целыми днями лежал в гамаке, безучастный ко всему. А теперь еще эти слезы. Томас не говорил ни слова, и его молчание беспокоило ее гораздо больше, чем болтовня Оливии. Родители ее мужа были людьми трудолюбивыми, они трудились до конца своей жизни, чтобы обеспечить будущее своих детей. Жизнь Томаса угасала. На зятя она не могла рассчитывать. К тому же можно ли обращаться с неграми так, как это делал Лула? Ласковый и нежный по отношению к жене, он приказывал пороть негров без всякого повода. Видно, злое у него сердце. Томас был суров с неграми, но он редко наказывал их так жестоко. Только раз он велел выпороть негра Луиса за то, что тот много пил, а потом дрался и сквернословил. Он предпочитал привязывать рабов к позорному столбу. Невольники никогда не причиняли капитану хлопот. Если бы не Домингос, он не мог бы пожаловаться на своих негров. Во всем виноват Домингос. Вот почему при первой возможности она продала его майору Урсулино. Это была для него вполне заслуженная кара. Она продала его за восемьсот милрейсов и тем самым отплатила ему за все неприятности, которые он причинил Томасу. Потом ее охватило раскаяние, бог мог наказать за

этот жестокий поступок. И все же угрызений совести у нее не было. Негр принадлежал ей, он был ее собственностью, и она продала его, чтобы другим было неповадно следовать его примеру. Однако зять думал иначе. Кто бы мог подумать, что этот человек, столь кроткий с виду, целый день читавший газеты, способен подвергнуть порке такого хорошего негра, как Николау. Мастер сахарного завода пожаловался сеу Луле, дескать, Николау наговорил ему дерзостей. Когда-то Томас привез Николау из Инга, и все в доме относились к этому негру с уважением. После того как его выпороли, Николау заболел от перенесенного позора. Дона Марикинья сама ходила в сензалу поговорить с ним. Ей было очень жаль старика. Бедный Николау не мог сдержать слез:

— Моя госпожа, ваш негр больше ни на что не годен.

Как могла, утешала она невольника, которого ценила за преданность и хорошую работу. Ей не хотелось, чтобы Амелия узнала о том, что она ходила в сензалу. Но опозоренный негр нуждался в поддержке. Марикинья серьезно поговорила с зятем, узнав, что он наказал еще и мальчишку из Гойаны. Лула возразил ей: болезнь Томаса — результат терпимого отношения к неволь-

никам. С негром следует разговаривать кнутом. Марикинья стояла на своем: Лула не смеет так обращаться с неграми. Она не желала, чтобы о Санта-Фе пошла такая же дурная слава, как о поместье майора Урсулино. Дона Марикинья уже не относилась к зятю так хорошо, как прежде, для нее его обаяние исчезло. Она увидела в нем безжалостного, бездушного человека. Негритянка Жермана как-то, плача, сказала ей:

— Сеньора, да и Шикиньо ведь не сделал ничего плохого. Просто сеу Луле нравится избивать негров.

Слова негритянки произвели на нее сильное впечатление. Ему нравится избивать негров… Она знала людей, которым доставляло удовольствие безжалостно измываться над невольниками. Одна из дочек старого Жоана Алвеса специально для этого держала при себе негритяночку. У бедняжки всегда все тело было в синяках от щипков и побоев. Как можно так жестоко относиться к живому существу? Она подумала о добросердечной Амелии, и ей стало страшно за нее. Неужели у ее зятя такой же характер, как у майора Урсулино, только его сразу не раскусишь: жестокость скрывают изысканные манеры? Это еще хуже — тот, по крайней мере, откровенно

жесток. Но пока она жива, в ее доме никто не посмеет так обращаться с неграми. Благодаря ее заступничеству Николау вернулся на работу. Зять рассвирепел. Амелия пришла с жалобами, но мать не стала ее слушать.

Она не позволит, чтобы негра пороли ни за что ни про что. Дочь обиделась. Дона Марикинья не хотела, чтобы люди страдали без оснований. Бедняжка Оливия все в том же состоянии. Неужели это божье наказание? За что он их проклял? Томас — порядочный, добрый человек, и у нее чистая совесть. И все же Оливия мучается. Но зачем избивать негров?

После этого инцидента сеу Лула перестал разговаривать с тещей. Сначала дона Марикинья огорчилась. Амелия, как могла, пыталась смягчить отношения. Марикинье было жалко дочь: ведь та старалась ей угодить. У ее девочки — золотое сердце. Теперь она знала, что Амелия не будет счастлива с Лулой. Томас — человек суровый, мрачный, сдержанный, но у него благородная душа. А у этого Лулы, такого манерного, такого изысканного, опасный характер. Амелии будет тяжело с ним. Негритянки сочувствовали госпоже и говорили о сеу Луле, как о враге. В казагранде Санта-Фе жизнь становилась печальнее.

По вечерам меланхолические звуки вальсов, которые дона Амелия играла по просьбе мужа, наполняли их молчаливый, горестный мир. Капитан Томас теперь каждый день бесцельно бродил по долине, поднимался на плоскогорье. Он ходил так часами, а потом возвращался и снова молча ложился в гамак. Это был уже не человек, а тень. Урожай в этот год был очень плох из-за засухи, но зато невиданно подскочили цены на хлопок, благодаря войне в США[37]. Хлопок, который удалось собрать, принес доне Марикинье целое состояние. Все шло своим чередом, как вдруг однажды вечером негритянка с криком прибежала к госпоже.

Когда дона Марикинья выскочила на веранду, капитан Томас лежал на полу и едва дышал. Его подняли и понесли в комнату. Но не успели положить на кровать, как он умер.

После смерти Томаса произошла ссора между зятем и тещей. Сеу Лула потребовал раздела наследства. Он заявил о своем праве на золото и хотел даже нанять адвоката, чтобы заставить Марикинью признаться судье, сколько золота оставил капитан. Амелия сначала рассердилась

---

[37] Примечания: 37
Имеется в виду гражданская война в США 1861–1865 гг.

на мужа. Она считала, что тут двух мнений быть не может. Однако сеу Лула все же сумел взять над женой верх. Но старая Марикинья не уступала. Приехали родственники из Инга. Вся округа стала на сторону вдовы. Сеу Луле пришлось сдаться. Санта-Фе продолжала управлять Марикинья.

По воскресеньям сеу Лула с женой ездил в кабриолете на мессу в Пилар. На Лулу смотрели с неприязнью. Считали, что он женился на Амелии ради денег капитана и вот теперь вознамерился ограбить вдову. Но и сеу Лула был несчастлив. Много молился, стоя на коленях и перебирая в руках четки, шептал молитвы, как блаженный. Каноник Фредерико восторгался им. Среди владельцев энженьо в Рибейре только Лула был таким набожным. Вот почему при разделе наследства капитана Фредерико обратился к Луле с советом не ссориться с тещей. Но сеу Лула не послушался. Падре надеялся, что благочестивость и молитвы удержат Лулу от неблагоразумного решения. Но не тут-то было. Он не желал отказываться от того, что, по его мнению, принадлежало ему. Судья, однако, решил иначе, хотя дона Марикинья готова была уступить, если бы так повелел ей сеньор Гоувейя. Но старый судья выносил свои решения согласно определенным принципам.

Он не допустит, чтобы зятья обворовывали тещ! Сеу Лула побывал у судьи дома, и тот высказал все, что он о нем думал. В Рибейре нет места для таких, как Лула, которые женятся на деньгах. Он произведет раздел так, как сочтет нужным. Сеу Лула выразил свое несогласие, но сеньор Гоувейя прикрикнул, заявив, что в своей комарке[38] распоряжается он.

Кабриолет злодея-зятя стал вызывать у людей раздражение. Стоило зазвенеть колокольчикам, как каждый представлял себе бессердечного, жестокого человека — Луиса Сезара де Оланда Шакона. Дона Амелия чувствовала неприязнь людей к мужу и очень страдала. Однажды она даже предложила ему уехать в другие края и жить там вдвоем. Лула рассердился на жену. Первый раз он говорил с ней резко. Никуда он отсюда не уедет. Он знает, что этого хочет теща, но не доставит ей такого удовольствия. Он поступает так не из-за себя, а из-за дочери. Избалованная с рождения девочка плакала по ночам. И негритянке, нянчившей ее, приходилось не спать. Когда сеу Лула заставал няньку дремлющей у гамака, он будил ее пинками. Он сам занимался воспита-

---

[38] Примечания: 38
Комарка — судебный округ.

нием дочки и никому не разрешал вмешиваться. Дона Марикинья страдала от характера Лулы. Когда должен был появиться на свет ребенок, у нее теплилась надежда, что в Санта-Фе снова воцарится мир. Она окружила Амелию заботами, сама прислуживала ей. Но сеу Лула по-прежнему смотрел на нее с ненавистью, как на врага. Дона Марикинья любила внучку, а зять делал все, чтобы отдалить ее от девочки. Когда он уезжал в своей коляске, она потихоньку пробиралась к Ненем и играла с ней. Однажды Лула застал ее с девочкой. Дона Марикинья увидела злое лицо зятя. Однако сохранила спокойствие. Ей хорошо запомнилось, как он закричал тогда на няньку:

— Унеси Ненем в детскую!

Узнав о случившемся, Амелия расплакалась. Но она ни в чем не перечила своему мужу. Он делал все, что хотел. Уж лучше бы она вышла замуж за бедняка!

Жизнь доны Марикиньи превратилась в сплошной ад. Она видела внучку на руках негритянки, слышала ее плач по ночам и не могла поступить так, как подсказывало ее сердце, сердце бабушки. Она лишилась мужа, мучительно переживала болезнь Оливии; что же касается Амелии, то для нее существовал только Лула. Дона Ма-

рикинья надеялась, что внучка станет для нее утешением. И вот зять разрушил все ее надежды. Негритянки видели, как мучается госпожа, и искренне сочувствовали ей. Иногда старая Марикинья не выдерживала. До нее доносился плач девочки, и все ее существо тянулось туда, в детскую. Она убаюкивала Ненем. Вкладывая всю свою материнскую нежность, она пела грустную колыбельную. За стеной слышалось сухое покашливание сеу Лулы, она знала, что это предупреждение зятя, и возвращалась в свою постель, чтобы молча страдать до самого рассвета. Плач Ненем разрывал ей сердце. Амелия все больше отдалялась от нее, стала совсем чужой. Дона Марикинья вдруг почувствовала — первый раз в жизни, — что ненавидит этого безжалостного человека, это чудовище, относившееся к ней с такой жестокостью. В дни полнолуния Оливия отчаянно кричала у себя в комнате. Видно, к концу жизни бог наказал Марикинью, как нераскаявшуюся грешницу. Когда Ненем заболела, она все свои силы отдавала внучке. Зять не отходил от постели больной дочери. Марикинья даже восхищалась им. Отцы здесь, в Рибейре, волновались, когда их дети болели, но ухаживали за ними только матери. Она видела, как ревностно

зять заботится о своей дочери, и это смягчало ее сердце. Но когда однажды вечером она вошла в детскую, чтобы помочь Амелии искупать Ненем, то он грубо крикнул жене:

— Амелия, оставь девочку, я сам ее выкупаю.

Это относилось, конечно, к ней. Она вернулась на кухню, где еще работали негритянки. Жермана сразу же увидела, что ее госпожа чем-то расстроена.

— С сеньорой что-нибудь случилось?

Дона Марикинья, чувствуя себя глубоко несчастной, бросилась в объятия Жерманы и расплакалась.

— Неужели девочка при смерти, сеньора?

Рыданья не дали ей ответить. Она плакала в кухне, окруженная взволнованными негритянками. Сеу Лула крикнул няньке, чтобы она принесла чайник с горячей водой. И тут старая Марикинья, собравшись с силами, пошла в комнату дочери и выложила все, что скопилось у нее на душе. Зять стал отвечать ей. Но услышал от теши еще более резкие слова. Она называла его жестоким, бессердечным. Амелия пыталась успокоить мать, убеждала, что она ошибается, что муж ее не таков. Он просто очень нервный, она несправедлива к нему. Но дона Марикинья не могла остановиться.

Зять не выдержал и прикрикнул на дону Марикинью, как на негритянку:

— Сумасшедшая старуха!

Дона Марикинья вышла из себя:

— Убирайтесь вон из этого дома.

— Я здесь распоряжаюсь так же, как и вы, — заявил он. — Как и вы!

Плач Ненем положил конец перепалке. Дона Амелия рыдала в углу. А оскорбленная бабушка вернулась в свою комнату. Негритянки в сензале обсуждали происшедшее. Добрая бедная госпожа не вынесет такого горя. У молодого хозяина сердце каменное. Такое же, как у майора Урсулино. Он будет обращаться с ними, как со скотом. Горе придет в Санта-Фе. На другой день — чего никогда не случалось — дона Марикинья не вышла, как обычно, рано утром на кухню. Несчастная старуха заболела. Не встала она потому, что в боку была резкая боль, будто от удара ножом. А на следующий день у нее появилась рвота и боль настолько усилилась, что стало трудно дышать. Срочно послали в Гойану за доктором Белармино — этот молодой врач пользовался славой чудодейственного исцелителя. Через два дня хозяйка энженьо Санта-Фе скончалась. Крики Оливии в эти дни были невыносимы. Негритянки оплаки-

вали смерть своей госпожи, как родной матери. Санта-Фе погрузилось в траур. Старый Томас стал мертвецом еще при жизни. Другое дело его жена. Ее любили, ее слушались. Невольники встревожились. Ведь теперь сеу Лула станет хозяином энженьо. Николау побежал в Санта-Розу просить покровительства владельца энженьо. Он хотел, чтобы тот его купил и вырвал из когтей нового хозяина.

Несколько дней спустя после смерти доны Марикиньи сеу Лула, одетый в глубокий траур, собрал негров во дворе каза-гранде и держал перед ними речь. Он говорил не так, как прежде. Теперь, когда Лула стал полновластным хозяином, он резким, крикливым голосом отдавал распоряжения управляющему энженьо, негру Деодато. Сеу Лула потребовал, чтобы в энженьо никто не болтался без дела. Отныне каждый вечер негры должны читать «Аве Мария». Им запрещалось ходить молиться святому Косме и святому Дамиану. Это равносильно колдовству.

Сеу Лула, лежа в гамаке, играл с дочкой, ползавшей на четвереньках. Ее белокурые волосы, ее звонкий смех, голубые глаза смягчали молодого хозяина. По вечерам управляющий докладывал о выполненной работе. Но сеу Лула, казалось, не

слышал, что ему говорят. Он не ходил на плантации, целыми днями лежал на веранде в гамаке и читал газеты.

Оливия металась по дому; Амелия заменила на кухне мать. Она наблюдала за варкой ангу, за приготовлением еды для негров.

Нежные ручки доны Амелии заменили огрубевшие руки доны Марикиньи.

Шли годы. Сеу Лула стал капитаном Лулой де Оланда. Негров в Санта-Фе поубавилось. Николау был продан, двое умерли от лихорадки. Эпидемия чумы, которая ураганом пронеслась через Пилар, унесла в могилу пятерых, работавших на сахарном заводе Санта-Фе. И все же энженьо собирало свои урожаи. Вопреки всему, земля давала всходы и управляющий Деодато вел хозяйство. Тесть оставил наследство в золотых монетах. По тому времени это было довольно приличное состояние. Сеу Лула не хотел его трогать. Оно пойдет на воспитание дочери. Он пошлет Ненем учиться в лучший коллеж Ресифе, Кабриолет по-прежнему позванивал на дороге и на улицах Пилара. Капитан Лула де Оланда в своей коляске, запряженной парой серых лошадей, приезжал на воскресные мессы, как король. Кучер приносил две шелковые подушки и подкладывал их хозяевам под колени.

Люди поглядывали на эту роскошь с неприязнью. Паршивый фидалго! Приехал в Ресифе гол как сокол, а тут изображает из себя вельможу. Лула де Оланда в черном шерстяном костюме входил в церковь, склонял голову к земле, истово крестился и читал молитвы, как святоша. Дона Амелия, в кружевах, с золотыми кольцами на руках, гордо следовала за ним, точно призрак. Она выходила из церкви и садилась в коляску. «Лула ни у кого не бывал. Судья после раздела наследства Томаса стал для него врагом. Один лишь каноник Фредерико поддерживал с их семьей какие-то отношения. Но никогда не решился бы просить капитана «Лулу о пожертвовании на церковь: все равно тот не дал бы. О его жадности ходило много разных слухов. Говорили, что, при всей роскоши своего выезда, он морит негров голодом. Те, кто в Пиларе привык к подаркам капитана Томаса, не скрывали своего недовольства новым хозяином энженьо. О нем стали рассказывать всякие истории, изображая Санта-Фе как новое Итапуа. Капитан не обращал ни на кого внимания. Ему было наплевать, что думают о нем другие. На святой неделе он вместе с Амелией отправился в церковь на пасхальное богослужение. Капитан выглядел очень эффектно.

Черный шерстяной костюм, серьезное лицо, устремленные в землю глаза — все, как у набожного, истинно верующего человека. Люди утверждали, что это притворство, — у негров в его энженьо спины все в рубцах. Капитан Лула обманывает бога своим внешним благолепием. Жалели дону Амелию, которая, должно быть, очень страдает в руках этого безжалостного человека. Сеу Лула никуда не выезжал из своего энженьо. Либеральная партия лишилась избирателей Санта-Фе. Сидя у себя дома, капитан не помышлял о политике.

Когда к нему приходили рассказывать о различных ссорах, о подготовке к выборам, он заговаривал о Нунесе Машадо, об отце, которого убили в лесу, как бандита. Единственно, чего он хотел, это чтобы его оставили в покое: от гостей, от всяких сборищ он ждал одних только неприятностей. Негры страдали от произвола сеу Лулы. Негритянка Жермана чуть не умерла, когда хозяин продал ее сына Шикиньо и того отправили на юг страны. Сеу Лула решил избавиться от Шикиньо, потому что считал его опасным смутьяном. Управляющий Деодато, по наущению хозяина, стал обращаться с невольниками, как палач. Кнут безжалостно ходил по спинам негров. Слухи

о зверствах Деодато разнеслись по всей округе. Говорили, что, мол, у хозяина энженьо Санта-Фе есть такой негр, который избивает других невольников до смерти. Никто не мог понять, что случилось с неграми Санта-Фе. Всегда такие тихие и послушные, они теперь работали только из-под палки.

О Санта-Фе стали говорить, что это самое страшное энженьо в долине. Деодато избивал своих собратьев куда сильнее, чем майор Урсулино. Во всем виноват капитан Лула де Оланда. Как мог он, такой благовоспитанный человек, с такими прекрасными манерами, допустить все эти безобразия? Второй ребенок доны Амелии родился мертвым. Акушерка сказала, что у него была голова чудовища. Он родился уродом. Это кара божья! Негритянки оплакивали горе госпожи. После неудачных родов Амелия, потеряв много крови, стала похожа на привидение. Теперь она была не способна рожать. Господь лишил ее этой благодати. Капитан был безутешен, он стал еще печальнее, молчаливее, и только белокурые волосы Ненем, ее голубые глаза наполняли радостью отцовское сердце.

В этом году в Санта-Фе едва-едва собрали урожай. Не оказалось даже лошадей, чтобы вертеть

жернов на сахарном заводе. И все же доход от сахара позволил Луле не трогать наследства капитана Томаса. Золото пойдет на воспитание Ненем.

IV

К неграм пришло освобождение[39], и они ушли из Санта-Фе в другие энженьо. Остался только кучер Макарио, который любил свое дело. Сбежали даже кухарки и прислуга. Плантации сахарного тростника в Санта-Фе зарастали бурьяном, потому что Деодато ничего не смыслил ни в полевых работах, ни в выжимке тростника. Только за большую плату удавалось нанять людей для полевых работ. А где взять мастера-сахаровара, рабочих для обслуживания котлов, для очистки патоки? Хозяева Санта-Розы помогли Луле снять небольшой урожай. Судьба невольников Санта-Фе привлекала внимание любопытных, желавших узнать подробности о жизни негров в энженьо.

О зверствах Деодато ходили легенды. Когда коляска капитана Лулы де Оланда направлялась на воскресную мессу, люди сбегались посмотреть на чудовище в праздничном костюме и разодетую семью. Одна из газет в Параибе писала о жестоком обращении с рабами и приводила в пример

---

[39] Примечания: 39
В 1888 г. в Бразилии было отменено рабство.

имения Санта-Фе и Итапуа. Дона Амелия, прочитав статью, расплакалась. Все это волновало хозяев Санта-Фе. Дона Амелия видела, что у мужа портится характер и он становится совсем другим человеком. Куда девались его мечтательность, его нежное отношение к жене! Вероятно, он уже ее не любит, как раньше. Она видела, как нежно относится он к дочери, которая вернулась из ресифского коллежа совсем взрослой девушкой. Ненем была копией отца. От матери она ничего не унаследовала. Дона Амелия находила дочь красивой: белокурая, голубоглазая, с нежной белой кожей. Своей ласковостью и хорошим характером девушка пленяла всех. Когда она приехала домой из монастырского коллежа, отец окружил ее заботами и вниманием, которые Амелия, как мать, считала даже чрезмерными. Ненем была, пожалуй, самой образованной девушкой в округе. В Пилар выезжали они в коляске, дона Амелия видела, с каким обожанием смотрит Лула на сидящую впереди дочь, одетую, как самые знатные дамы. Дона Амелия знала, что многие дурно отзываются о ее муже, видела, как смотрят на них, когда они входят в церковь. При жизни ее отца все было иначе. Тогда их окружали знакомые: дочери судьи, сестры священника,

друзья капитана Томаса. Теперь они приезжали в коляске, входили в церковь, а затем выходили и снова садились в коляску. Почему его так не любили? Неужели зависть? Лула был нелюдим, держался особняком, с высокомерием, которого она не одобряла. Во всем виновата его манера держаться. Людям в Пиларе не нравилась его заносчивость. Лула с надменностью рассказывал о своей пернамбукской родне. Амелия старалась не замечать этого. Пусть кичится себе своим происхождением. Стоит ли из-за этого ссориться? Семья для Лулы была священной. Сам он рано лишился отца, видел, сколько страдала его мать, подвергавшаяся политическим преследованиям из-за покойного мужа. У Лулы были все основания говорить о своих родителях с гордостью. В доме для него существовала только дочь. Он всегда подчеркивал, что Ненем похожа на его мать, что большего сходства он никогда не встречал. Она все унаследовала от ресифской семьи, от старых Шаконов, людей, которые умели себя держать в обществе, — не чета здешним неотесанным плантаторам. Дона Амелия не перечила мужу, хотя и улавливала в его словах пренебрежение к ее родным. Почему Лула так ненавидит людей их энженьо? Разве он сам не породнился с семьей ее

отца? До сего дня у нее не было с мужем никаких ссор. Она поступала так, как хотел он, безропотно выполняла все, что он требовал. Ненем была его дочерью. Лула был для девочки и отцом и матерью. Вначале Амелия восхищалась этой привязанностью мужа. Он сам все делал для Ненем. Но теперь она видела, что Лула перебарщивает. По-настоящему девушку понимала только мать. Она лучше знала ее нужды, ее желания. Весь смысл жизни для Лулы заключался в Ненем. Когда она находилась в коллеже, он писал ей длинные письма, содержания которых Амелия не знала. Зачем так много писать дочери? Она ничего не говорила мужу, опасаясь его рассердить. Ненем, в свою очередь, тоже часто писала отцу. Иногда Лула читал жене письма дочери, но чаще всего он их ей не показывал. Она спрашивала его:

— Ну как, Лула, что пишет Ненем?

Муж либо отговаривался, либо менял тему разговора. Ненем была такой искренней, такой нежной дочерью. Мать опасалась, как бы отец не испортил ее баловством. Но спорить с мужем дона Амелия не решалась. Она хорошо запомнила ярость Лулы, когда пожаловалась ему на Деодато. Ей было известно, что тот избивает негров без всякой причины, и она пришла к Луле

поговорить об этом. Ярость его была безгранична — как будто она восстала против него самого. Амелия видела, сколько горя Лула причинял ее матери, — бедняжка выполняла свои обязанности, как раба. И теперь дочь понимала, что была несправедлива к доне Марикинье. Особенно ее мучило, что мать заболела и умерла как раз после той ссоры с Лулой из-за Ненем. Такая любовь и такая привязанность мужа к дочери не могла идти на пользу воспитанию девушки. Эта мысль не покидала дону Амелию. Негры ушли из энженьо, даже кухарки не захотели остаться. А вот в Санта-Розе они живут по сей день. Негры хорошо относились к старому хозяину энженьо. Если бы отец не умер, все было бы как в Санта-Розе. Дону Амелию мучили мрачные мысли. Лула не любил негров. В день освобождения бедняги, обезумев от радости, собрались перед энженьо. Она испугалась. Управляющий скрылся в каатинге, а Лула принес в гостиную заряженные карабины. Негры пели во дворе вокруг полыхающего костра. Никто не спал в ту ночь. Негритянка Жермана плакала, как маленькая девочка. Пение на мотив коко чем-то напоминало церковные псалмы. Лула запер Ненем в спальне и сел на софу, зажав между ног карабин: он ожидал нападения на каза-гранде.

Ночь прошла, занялась заря. Подошли негры из других энженьо. Собрались у дверей каза-гранде, подняли крик. Лула вышел на веранду. И тогда все началось. Среди негров был кабра из Пилара.

— Капитан, мы пришли за Деодато.

Лула в бешенстве закричал, чтобы они убирались ко всем чертям. Кабра дал ему выговориться, но, как только капитан Лула де Оланда стих, сказал:

— Капитан, мы пришли для того, чтобы взять вашего управляющего. Это приказ полицейского инспектора.

— Чей приказ? Чей?

Дона Амелия увидела, как ее муж схватил карабин и прицелился.

— Свора псов, немедленно убирайтесь отсюда, или я буду стрелять!

Негры ушли, понурив головы, и тогда она впервые увидела страшную вещь: ее муж побледнел, подошел к софе и упал, содрогаясь в конвульсиях. Припадок продолжался всего несколько минут, но это были самые ужасные минуты в ее жизни. У рта клокотала белая пена, судороги сводили руки и ноги. Напуганная, она бросилась в соседние комнаты. Но там не было ни души. Все слуги ушли. Дом был пуст. Только Оливия не прекраща-

ла болтать. Когда Амелия вернулась в гостиную, Лула уже начал приходить в себя; ей горько было видеть мужа в таком состоянии.

— Амелия, Амелия, скажи Жермане, чтобы она согрела мне воды для ног.

Амелия пошла на кухню. Там царила мертвая тишина. На кухне Санта-Фе не оказалось ни единой негритянки. Все ушли, все покинули энженьо, даже Маргарида, которая вынянчила Ненем. Не нашлось никого, кто бы пожелал остаться в Санта-Фе. Припадок Лулы заставил Амелию со страхом думать о том, как же они будут жить дальше. Муж оказался больным человеком. До сего дня с ним не случалось ничего подобного. Он никогда не болел. И вдруг этот припадок. Эти страшные судороги.

Когда она появилась с тазом горячей воды, Лула, казалось, уже пришел в себя. Глаза у него запали, он постарел сразу лет на десять. До следующего дня он не проронил ни слова. Только Оливия, как обычно, что-то без умолку говорила. Амелия была одна, совсем одна. Лула уснул. Ей стало страшно. А вдруг бывшие рабы из других энженьо нападут на них? Песни в ритме коко слышались непрерывно в течение всего вечера. Теперь до нее отчетливо доносилось пение со

стороны Пилара. Они танцевали, празднуя свое освобождение. Люди энженьо, принадлежавшие некогда ее отцу, пели и танцевали коко, делали все, что им хотелось. Она услышала, как муж позвал негритянку:

— Жермана!

И пошла узнать, что ему нужно.

— Это ты, Амелия? Поспи немного. Где Жермана?

Она не стала его огорчать и ничего не сказала об уходе служанок. Кое-как объяснила их отсутствие и пошла согреть для него воды. И тут она услышала шум позади дома. Люди подходили со стороны усадьбы. Она задрожала от страха. Голоса приближались. Издалека доносились размеренные удары в барабан. Нет сомнения, это вернулись негры, чтобы напасть на Санта-Фе. Хлопнули ворота скотного двора, и вот они уже совсем рядом. Она хотела бежать в комнату, где находился Лула, но побоялась, что эта новость плохо подействует на него. Смолкла Оливия. Только в очаге потрескивали дрова. И тут постучали в дверь. Она сдержалась, чтобы не закричать. Кто это может быть? Постучали еще раз. Раздался знакомый голос, в котором она сразу почувствовала участие.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, дона Амелия, я, Макарио, кучер.

У нее отлегло от души, и она открыла дверь. На пороге стоял негр, на которого она могла положиться.

— Дона Амелия, я тут пришел с тремя приятелями, чтобы приглядеть за порядком.

Она почувствовала себя среди друзей.

— Там на улице негры танцуют коко. Вдруг является какой-то тип из Пилара и рассказывает, что капитан Лула в ярости, что он с ружьем в руках грозится убивать людей. Я поговорил с Луджеро, а также с Леонсио и Матиасом, и вот мы решили прийти посмотреть, что тут такое. В кое-кого из негров вселился дьявол. Они говорят, что не дадут Деодато скрыться.

Негры отправились в сензалу, а дона Амелия понесла мужу таз с горячей водой.

Имение осталось без рабов. О капитане Лула де Оланда поползли разные слухи. Однажды в церкви во время службы прихожане услышали стук падающего тела. С капитаном Лулой случился припадок прямо в церкви. Женщины шарахнулись от него, но каноник Фредерико дослужил все же мессу до конца, как будто ничего не случилось. Сеу Лула бился в судорогах на пли-

тах церковного пола. Под голову ему положили шелковую подушку. Лицо у него перекосилось, глаза остекленели, тело содрогалось в отчаянных конвульсиях. Белая пена, клокотавшая у рта, стекала на каменный пол. Дона Амелия растерялась, увидев мужа в таком состоянии. Никогда ей не забыть участия жены судьи, поддержки, которую та оказала ей в трудную минуту.

Лула де Оланда все больше и больше отдалялся от людей. Его мучила подагра. Но когда Ненем приезжала из коллежа, он воскресал. Кабриолет снова звенел на дороге — это дочь отправлялась на прогулки или ехала навестить девушек из Санта-Розы. Дона Амелия сопровождала ее в этих поездках. Лула же оставался дома. Бороду его пронизывали белые нити. Он целыми днями молчал, и только дочь была способна вырвать его из этого состояния. Все его помыслы и дела были связаны с ней. Иногда Лула ловил себя на том, что восхищается дочерью как влюбленный. Он уходил в себя, молчал и думал только о ней. Амелия для него больше не существовала. Воспоминания о матери, о погибшем отце, о прежней жизни — все это умерло для капитана Лулы. С жизнью его связывало только одно существо: его дочь с нежной молочной кожей, голубыми глазами и

белокурыми волосами, как у его родных в Ресифе. Для него она была самой красивой, самой умной. Теперь уже не Амелия играла вальсы, которые так радовали его, а Ненем. Ему казалось, что она это делает с большим чувством и звуки, которые она извлекала из рояля, идут из иного мира. Капитан просил дочь поиграть. И она играла, вкладывая в свою игру столько любви, что у него навертывались слезы на глаза. С того воскресенья, когда с ним случился припадок в церкви, он больше не решался ездить в Пилар. Впрочем, он поехал бы с Ненем: если она будет рядом, с ним ничего не случится.

И вот в одно из воскресений капитан Лула вошел в церковь вместе с дочерью и женой, убежденный в том, что сможет простоять на коленях несколько часов. Каноник Фредерико попросил Ненем поиграть на органе. Она играла, как ангел. Капитан закрыл глаза, чтобы лучше чувствовать божественную музыку, которая действовала на него как бальзам. Орган под руками Ненем казался небесным инструментом. И вечером, когда она пела в хоре, ему казалось, что он возносится с земли, с этой ничтожной земли, по которой ступал. Он не знал, что Ненем могла петь с такой страстью, с таким чувством. И потом, когда ехал

домой, покачиваясь в кабриолете, фонари которого освещали деревья холодным светом, капитан Лула де Оланда чувствовал себя так, будто вез в золотой карете самую прекрасную принцессу мира. Это была Ненем, его дочь, вылитая копия его матери, дочь, ради которой он жил. Он сделал все для того, чтобы она стала образованной. Но кто достоин Ненем? Капитан перебирал в уме тех молодых людей в округе, которые по своим качествам могли бы подойти его дочери. Но не нашел среди них ни одного, кто сравнился бы с ней умом и воспитанием. Нет, он не выдаст свою дочь за этих прощелыг из соседних энженьо. Лула размышлял о своих родственниках в Ресифе. Среди них были молодые люди, которые могли бы стать хорошими мужьями. Но в нынешние времена не так-то просто выдать дочь замуж. Санта-Фе не богатое энженьо, и сам он не такой состоятельный человек, как старый Жоан Алвес, которому легко выдать дочь благодаря своему богатству; как Жозе Паулино из Санта-Розы, осыпавший зятьев подарками. Он дал Ненем образование, чтобы обеспечить ей большое будущее. Вспомнил врача из Параибы — доктора Са Андраде. Он видел, как тот ухаживал за его дочерью на празднике святого Педро в Санта-Розе. Порядочный ли он

человек, из хорошей ли семьи? Ненем не такова, чтобы связать свою судьбу с первым попавшимся дипломированным бездельником.

Шли годы. В Санта-Фе собирали плохенькие урожаи. Ни один управляющий не задерживался в энженьо, плантации оскудели, однако жизнь в каза-гранде текла так же, как и раньше. Размеренно, монотонно. Дона Амелия после неудачных родов сразу постарела. Совсем не менялась лишь дона Оливия, как будто для нее не существовало времени. Она все так же, как в детстве, звала негритянку, которой уже давно не было в доме, и все так же болтала без умолку. Для нее еще жили старая Марикинья и капитан Томас. Время остановилось для доны Оливии. Для Амелии оно летело слишком быстро. Она состарилась. С того дня, когда с Лулой случился припадок, ничто уже ее не радовало. Она сопровождала Ненем в ее прогулках только по обязанности. Зачем ей жизнь, если ее ничего не радует? Она перестала носить кружева, кольца. Однажды, когда они садились в кабриолет, чтобы ехать к мессе, Лула, заметив, что на жене нет драгоценностей, сказал:

— Амелия, а где же твои кольца? Надень их.

Будь ее воля, она бы вообще не выходила из дома. Ее дочь отличалась от других девушек.

Почему все в их доме было иным, не таким, как в других энженьо? Не в силах ответить себе на этот вопрос, она часто вспоминала свою мать. Не слишком ли жестока была она по отношению к ней? Лула обращался с ее матерью, как с негритянкой, как с невольницей. Она вспомнила и ту ссору из-за Ненем и почувствовала себя виноватой. Почему она тогда не вступилась за мать, которую муж так несправедливо унизил? Она любила Лулу больше всего на свете. Он всегда был с ней очень нежен, мягок, но в тот вечер она поняла, что он ничем не отличается от других мужчин в долине. У нее не хватило мужества подойти к матери и заступиться за нее, сказать мужу, что он неправ, что так ведут себя только неблагодарные люди. Она горячо молилась за своих близких, не сомневаясь, что припадки Лулы — эта пена у рта, этот остекленевший взгляд — божья кара за его жестокое отношение к покойной матери. Лула — больной человек. Она подумала о негре Николау. Еще сегодня он проходил мимо ворот энженьо и даже не остановился, чтобы поговорить с ней. Он не мог забыть, как по распоряжению Лулы его избили. А старые служанки ее матери? Жермана, Луиза, Жоана — все ушли от них навсегда. Ни разу никто не навестил ее в Санта-Фе. Меж тем как

в других энженьо, например, в Санта-Розе, и по сей день полно негров. Невольники не бросили своих господ, потому что были привязаны к ним, а некоторые стали почти что членами семей в каза-гранде. А из Санта-Фе они ушли, затаив на хозяев злобу. Старый негр Николау, проходя мимо их ворот, нехотя снял шляпу. Можно было подумать, что он никогда не жил в этом энженьо и никого здесь не знал. Остальные же, за исключением кучера, сбежали. Дона Амелия думала обо всем этом со все возраставшей горечью. Она знала, что Лула не любил энженьо. Не раз он ей говорил, что эта скотская жизнь не для него. Если бы ему здесь нравилось, он стал бы таким, как ее отец Томас. Она сравнивала отца с мужем. И видела, что ее отец гораздо добрее, настойчивее, трудолюбивее; он был настоящий отец, отдающий семье все, что у него есть. Лула — человек со странностями. Поначалу ему нравилась эта новая для него жизнь: воздух, зеленые плантации энженьо. Но он привык жить в городе, и работа в поле претила ему. К жене Лула относился с нежностью, но характер у него был тяжелый. Да, он всегда был добр и внимателен к ней. Амелия имела любящего, преданного мужа до злополучных родов. Но с тех пор она перестала для него

существовать. Лула стал относиться к ней, как к больной. Ее обижало это. Амелия чувствовала себя одинокой, никому не нужной. Лула не был бабником, как другие хозяева энженьо. Напротив, такого благородного и благоразумного человека она еще не встречала. Другие имели любовниц, которые каждый год рожали им детей. Лула же был хорошим семьянином, но держался слишком высокомерно по отношению ко всем окружающим. Иногда ей даже хотелось, чтобы муж что-нибудь натворил, стал проще, человечнее. Амелия не могла разобраться в своих чувствах, не могла понять своего отношения к мужу. То были не ненависть, не страх, не презрение. Что-то встало между ними, разъединило их. Сколько времени она любила его… Вспомнила жизнь в первые годы после замужества. Лулу так трогали ее грустные вальсы, ее игра на рояле. Теперь для него существовала только Ненем. Когда девушка садилась за рояль и извлекала из старого инструмента печальные звуки, Амелия не могла отделаться от грустных воспоминаний. Она видела себя девушкой рядом с отцом, который, лежа на кушетке, с наслаждением слушал игру своей обожаемой дочери. Видела себя с Лулой, влюбленным, ласковым, горячо любимым и ею. К

ней возвращались давно ушедшие образы, самые дорогие в ее жизни. Теперь для мужа существовала только Ненем. Черная борода побелела, голос огрубел. Лула стал суров по отношению ко всем. Оказывается, душа человека может зачерстветь, а сам он может стать другим, совсем другим. Она считала, что в тот день, когда с Лулой случился первый припадок, в него вселился дьявол. Она молила богородицу спасти душу мужа. Этот искаженный рот, судороги и перекошенное лицо делали его непохожим на нормального человека. Но, к счастью, припадок кончился, выражение лица стало прежним, и она поняла, что муж тяжело болен. И все же не было ночи, когда бы она не молила богородицу о спасении души Лулы. Санта-Фе, вопреки всему, приносило им доход. Земля здесь была воистину божьей благодатью. Она давала достаточный урожай для того, чтобы прокормить владельцев энженьо. Но Лулу с жизнью связывала только дочь. В те дни, когда он запирался в своей комнате, чтобы никого не видеть и не слышать, только Ненем могла проникнуть туда, отнести ему тарелку с едой и стакан воды. Несколько дней подряд он пребывал в таком состоянии, отрешенный от мира. Обычно эти тяжелые периоды молчания сменялись кри-

ком и бранью. Доставалось всем, и снова лишь Ненем умела смягчить его гнев. С дочерью сеу Лула был всегда хорош. И когда в летние вечера при лунном свете, падающем на землю, на сухие кроны деревьев, рояль разливался в скорбных вальсах, он тихо лежал с закрытыми глазами, как когда-то старый Томас. В такие минуты он становился прежним Лулой, любившим красивую жену, преданную ему до конца жизни. Дона Оливия не менялась.

Неожиданно началась тяжба с новым хозяином Энженьо-Вельо, каброй, который приехал из каатинги с туго набитой мошной и купил имение. Как-то раз он заехал в Санта-Фе поговорить с капитаном Лулой де Оланда. Он привез показать ему бумаги, из которых ясно было видно, что земля на холмах, на границе с имением Лулы, принадлежит ему, как обозначено на плане. Он приехал к капитану не ссориться — он этого терпеть не может, а для того, чтобы прийти к обоюдному согласию. Он знал, что люди, с которыми ему придется иметь дело, станут отстаивать свои права, и поэтому заранее запасся всеми нужными бумагами. Сеу Лула повысил голос, но тот еще раз дал ему понять, что хочет разрешить вопрос по-дружески.

— По-дружески, — закричал Лула, — вы пришли угрожать мне и еще рассуждаете о дружбе?

— Ну зачем же так? Я хочу обо всем договориться мирно.

— А я ни о чем не собираюсь с вами договариваться, понятно? Ни о чем! Амелия, пойди-ка сюда!

Когда Амелия вошла, Лула встал и с достоинством произнес:

— Послушай, Амелия, этот человек утверждает, что твой отец украл у него землю. Ты слышала что-нибудь подобное?

— Капитан, это же не так. Я приехал показать вам нотариальную запись.

— А я ничего не желаю смотреть, ясно? Вы можете делать что угодно, но свою землю я вам не отдам!

Так началась тяжба между владельцем Энженьо-Вельо и капитаном Лулой де Оланда. Доктор Эдуардо из Итамбэ, довольно известный молодой адвокат, взял на себя защиту интересов сеу Лулы. Все владельцы энженьо долины приняли его сторону. Жозе Паулино из Санта-Розы вызвал к себе нового хозяина Энженьо-Вельо и предложил ему отказаться от иска. Однако тот не согласился и выразил намерение настаивать на своем. Сеу

Лула, со своей стороны, тоже был преисполнен решимости бороться за принадлежавшую ему землю. Этот нелюдимый, мрачный человек взялся за дело с неожиданной для него энергией и стал ездить в Пилар, Итамбэ, Параибу. Он доказывал, что не воровал ничьей земли. В газете «Норте» появилась статья, подписанная противником Лулы, в которой тот просил губернатора защитить его от преследований владельцев энженьо. Сеу Лула в ответной статье дал ему резкую отповедь. Он писал о Нунесе Машадо, о благородстве своего отца и несправедливом преследовании его семьи. Начались обычные расследования и волокита. Так бы все это и тянулось, не случись внезапного нападения, которое совершил кабра из Энженьо-Вельо на сеу Лулу. Это было в нотариальной конторе Маноэла Вианы, когда Лула, выйдя из кабриолета, направился потолковать с нотариусом. Сюда же явился его противник и потребовал от него объяснения. Сеу Лула повернулся к нему спиной, но тот стал настаивать. Они наговорили друг другу дерзостей, и кабра поднял руку на сеу Лулу, выкрикивая при этом оскорбительные слова. Маноэл Виана предотвратил столкновение.

Эта история была расценена в долине как хулиганство. Хотели, дескать, избить хозяина Санта-

Фе. Полковник Жозе Паулино из Санта-Розы сел на коня и отправился в Энженьо-Вельо. Он сразу же все устроил. На другой день подписали купчую. Жозе Паулино купил Энженьо-Вельо, чтобы выручить соседа, попавшего в затруднительное положение, заплатив за землю втридорога, лишь бы в долине не было больше кабры, который так нагло вел себя по отношению к владельцу Санта-Фе.

Сеу Лула сел в кабриолет и вместе с семьей поехал поблагодарить Жозе Паулино за великодушный поступок. Он уже не казался молчаливым, мрачным человеком. В тот вечер он, к удивлению своих близких, был очень разговорчив. Дона Амелия и Ненем беседовали с девушками из каза-гранде, а сеу Лула громко разглагольствовал о своих родных из Ресифе, рассказывая всякие случаи из их жизни. Он говорил о Нунесе Машадо, о том, как отец сражался в лесах Жакуипе. Домой вернулись поздно вечером. Кажазейры по обочинам дороги казались припудренными лунным светом. Колеса вязли в мягком песке, но лошади бежали, весело позвякивая колокольчиками, которые распугивали ящериц и будили птиц. Лисица перебежала дорогу, светящиеся фонари коляски казались ослепленными лунным светом.

Дона Амелия и Ненем говорили о дочерях полковника Жозе Паулино, о том, какие они веселые и добрые люди. И вдруг сеу Луле стало стыдно за себя. В глазах других он был беспомощным, трусливым человеком. Кучер объехал большую лужу. Вскоре показался дом шорника Амаро, храброго человека, отец которого после того убийства в Гойане вынужден был перебраться сюда. Проезжая мимо дверей мастера, Лула вдруг подумал, что следовало бы ему воспользоваться услугами старого Амаро, чтобы защитить себя от дерзкого кабры. Конечно, он мог бы сам проучить наглеца, а не искать помощи других, чтобы разрешить вопрос, который касался его одного. Настоящий хозяин энженьо так бы не поступил. Кабриолет остановился у каза-гранде. При свете луны ясно видна была дата: «1852». Это был год наибольшего расцвета энженьо капитана Томаса. Тысяча восемьсот пятьдесят второй год был годом изобилия, годом могущества старого капитана. Они вошли в дом. В гостиной было темно и сильно пахло плесенью. Рояль, ковры, картины на стене, портрет отца с грустным взглядом. Капитан Лула де Оланда схватился за кресла, перед глазами у него все поплыло, сердце пронзил смертельный холод. Он упал на пол, корчась в конвульсиях. Же-

на и дочь, остолбенев от ужаса, смотрели, как его тело сводят страшные судороги. Это был припадок. Дона Амелия боялась подпустить дочь к нему близко, но Ненем все же обняла отца, положила его голову к себе на грудь, и слезы полились из ее глаз. Капитан Лула лежал неподвижно, точно мертвец. Дона Амелия пошла на кухню согреть воды, чтобы сделать мужу ножную ванну. Счастливый вечер кончился припадком, да еще при дочери. Дона Оливия по-прежнему о чем-то говорила и кричала. Лунный свет проникал сквозь окна в каза-гранде и как-то по-особому влиял на поведение и доны Оливии и собак, которые подвывали, каждая в своем углу.

Несколько дней спустя, когда сеу Лула все еще находился в постели, в Санта-Фе приехал полковник Жозе Паулино, чтобы предложить соседу звание полковника батальона национальной гвардии[40], батальона, который правительство попросило его организовать в Пиларе.

---

[40] Примечания: 40

Национальная гвардия — вооруженные отряды из гражданских лиц, которые организовывались в поместьях и поселках главным образом для подавления народных волнений. Во главе их назначался владелец энженьо, которому формально присваивалось звание капитана, полковника или подполковника, хотя никакого отношения к армии эти люди не имели.

V

Полковника Лулу де Оланда совсем не радовало новое звание. Он воспринимал его как еще одно подаяние со стороны соседа. Он не нуждался ни в чьем сострадании. Сколько ни уговаривала его жена поехать в Гойану на прием к доктору Белармино, он не хотел. Он знал, что болен, знал, что его дядя, брат отца, страдал той же болезнью. Знал, что она неизлечима. Вот потому-то он и сторонился людей. Ненем выезжала в гости в соседние энженьо. Иногда он сопровождал ее, чтобы еще раз порадоваться тому, насколько красивее, умнее и изящнее других была его дочь. Он много думал о боге и становился еще нелюдимее. Вера в бога была для него утешением, помогала ему справиться с тем подавленным состоянием, которое наступало после припадка. И чем больше он любил бога, тем больше ненавидел людей. Это была нездоровая, безумная любовь, которая сжигала его изнутри, как пламя. Только Ненем еще связывала его с жизнью. Дочь для него была самым дорогим существом на свете. Каждое воскресенье он отправлялся в Пилар в своем кабриолете. Видел, с какой ненавистью

смотрит на него уличная чернь. Знал, что его считают негодяем, гордецом, злодеем. Однажды даже разыграли сцену, в которой хозяина Санта-Фе изобразили в виде чудовища, убивающего негров. Эта чернь в Пиларе не могла простить ему презрения, с которым он относился к чернокожим. Рабы надеялись, что и после смерти его тестя будут продолжать пользоваться добром Санта-Фе, получать из энженьо дрова, горшки патоки и прочее — все, что по глупости раздавал им капитан Томас. Нет, теперь все здесь принадлежит ему, Луле, и он ничего не станет давать этой своре попрошаек. Этой черни!.. Ему было отлично известно, как его ненавидят и что выражают эти злобные взгляды. Когда в церкви с ним случился припадок, все бежали от него, точно от прокаженного. Только жена судьи нашла в себе мужество подойти и как-то помочь доне Амелии.

Кучер приносил шелковые подушки, подкладывал их под колени сеу Луле, его жене и дочери. Негр входил в церковь, преисполненный гордости и тщеславия. Он склонялся перед алтарем и, оставив на кирпичном полу три подушки, шел к двери и слушал мессу издалека, как бы желая этим подчеркнуть, что он — бедный негр полковника Лулы де Оланда. Господа ближе к богу.

Они, в отличие от своих рабов, могли позволить себе большую близость со всемогущим, великим господом. Сеу Лула слушал всю мессу, стоя на коленях. Он шевелил губами и перебирал четки. Белая борода, потухший взор делали его похожим на монаха, одетого в светский костюм. Все это люди считали лицемерием. Лула был самым жадным хозяином в округе. Он мог спокойно спать, когда его негра подвергали телесным наказаниям и избивали до смерти, а потом приходить в церковь и молиться вот так, как безгрешный человек, с чистым сердцем, с легкой душой. У дверей церкви стоял его кабриолет, возле которого толпились мальчишки, будто никогда его раньше не видели. В упряжке давно уже не было сказочной пары серых коней. Теперь кабриолет таскали две жалкие низкорослые лошаденки, самые обычные ломовые лошади. Во всяком случае, у них было достаточно силы, чтобы привезти сюда из Санта-Фе всю семью Лулы де Оланда.

Сеу Лула истово молился. Для него больше ничего не существовало. Молитвы целиком поглощали его. Когда каноник Фредерико воздевал к небу руки с золотой чашей и при этом звонили в колокола, Лула чувствовал себя жертвой человеческой несправедливости. Перед ним воз-

никали его отец и Нунес Машадо, вспоминалось собственное детство, сына бедной вдовы. Да, он, Луис Сезар де Оланда Шакон, так и не стал тем, кем должен был стать; у него украли то, что принадлежало по праву только ему, ему одному. Он опускал голову и бил себя в грудь. Он был ограблен. Убили его отца, обокрали мать, закон отнял у него негров. Все, что сделал для него сосед, богач Жозе Паулино, давший ему патент полковника, купивший землю, чтобы освободить его от преследований кабры, все, что другим могло показаться великодушием, унижало и оскорбляло его. Из него сделали ничтожество. Но ведь господь бог, который все видит и все слышит, пострадавший из-за людей и распятый на кресте, был же вознагражден за все свои страдания воскресением. И народ пал ниц, испугавшись, когда Христос вознесся к небесам.

После мессы кабриолет, звеня колокольчиками, проезжал по главной улице Пилара. Кучер останавливался у здания палаты и, сделав красивый разворот, поворачивал обратно. Полковник Лула де Оланда, одетый в черный костюм, суровый, с гордо поднятой головой, показывал глазевшей черни свое разряженное семейство: дочь Ненем — самую красивую девушку в долине,

и жену Амелию в кружевах и драгоценностях, с кольцами на руках. Пусть завидуют ему те, кто считает, что он, Лула де Оланда, ничего собой не представляет. Он-то знал себе цену. Хорошо знал. Чего стоило богатство Жозе Паулино, если тот не смог воспитать своих дочерей так, как это сделал он, Лула, если в его жилах не текла благородная кровь? Нет, как бы ни приходило в упадок имение Санта-Фе, он все же знал себе цену и гордился тем, что он не чета всей этой черни Пилара, всему этому хамью, не имеющему никакого понятия о правилах приличия. Он не хотел, чтобы Ненем поддерживала отношения с кем-либо из Пилара. Даже чтобы бывала в доме судьи. Ему как-то сказали, что доктор Карвальиньо не благородного происхождения. А он не позволит своей дочери общаться с людьми другого круга. Как-то к нему заехал полковник Жозе Паулино потолковать насчет предстоящих выборов. Лула откровенно сказал соседу, что он либерал, подобно своему отцу, который за эту партию отдал свою жизнь, но с тех пор, как у него, Лулы, украли права в восемьдесят восьмом году, он не вмешивается в политику. Правительство ограбило его. Он всегда был сторонником империи, но раз император может лишить его права владеть собственными

невольниками, он не желает больше участвовать в выборах. Но вот полковник Жозе Паулино попросил Лулу, чтобы тот разрешил своим людям голосовать за него, Жозе Паулино. Лула де Оланда согласился, но когда тот уехал, раскаялся в своем поступке. Выходит, жители его энженьо будут голосовать за соседа? Луле это было неприятно. К тому же в этот день Амелия сообщила ему новость, которая привела его в бешенство. Она сказала, что Ненем питает симпатию к прокурору Пилара. Луле было известно, что молодой человек из простой семьи. Отец его был портным в Параибе. Лула раскричался так, что весь дом содрогался от его криков. Он хотел поговорить с дочерью, но та заперлась у себя и плакала. Дона Оливия на крики сеу Лулы не реагировала; она говорила, все еще обращаясь к капитану Томасу:

— Замолчи, отец. Я шью тебе саван.

Сеу Лула в бешенстве продолжал браниться. Лучше ему увидеть дочь в гробу, чем замужем за человеком без рода и племени. Жена пыталась возразить, но ее слабый голос тонул в яростном крике полковника. Не смолкала и дона Оливия; она пела, а Лула рычал. Хриплый голос доны Оливии неутомимо напевал: «Пила, пила, пильщик, пили древо господа бога». Дона Амелия сидела с

дочерью в комнате. Девушка плакала. В гостиной продолжал ругаться отец, будто совершилось что-то невероятное. До нее отчетливо доносились его слова:

— Флиртовать с прощелыгой! Чтобы моя дочь путалась с кем попало из Пилара… этого я не допущу! Амелия, иди сюда с этой девчонкой.

Амелия, плача, вошла в гостиную и увидела искаженное от злобы лицо сеу Лулы.

— Позови сюда эту девчонку!

Ненем появилась в дверях, опустив голову, вся в слезах.

— Ты что плачешь, дочка? А? Кто тебя обидел? Не смей выходить замуж за этого прощелыгу, слышишь? По мне лучше, чтобы ты умерла.

Дона Оливия грустно напевала: «Пила, пила, пильщик, пили древо господа бога».

— Амелия, скажи этой несчастной, чтобы она перестала.

— Замолчи, отец. Я шью тебе саван.

Сеу Лула поднялся с кресла. Он хотел пройти по комнате, но вдруг остановился, ища руками опору, глаза его расширились, и он в судорогах рухнул на пол. Жена и дочь бросились к нему. Изо рта пошла пена, руки и ноги свело. Такого сильного припадка еще никогда не было. Лула

не успокаивался несколько дней. Даже дочь не могла войти в его спальню, он тут же на нее обрушивался с криками и бранью. Потом он замолк, его мучили угрызения совести, ярость его понемногу стихла. Он неподвижно лежал, вытянувшись в гамаке, и не слышно было даже скрипа петель на крюках. В комнате не было никаких признаков жизни. Еда, которую ему приносили, оставалась нетронутой. Каза-гранде Санта-Фе погрузилась в мертвую тишину. Все молчали. Даже дона Оливия дала поглотить себя тишине.

Полковник Лула де Оланда ушел в себя, точно морская улитка в раковину. Иногда он поднимался. Ввалившиеся глаза, длинные волосы делали его похожим на привидение. Тихий, смиренный Лула держался так, будто его жизнь зависела от других. Он садился на крыльце, откуда открывался вид на Санта-Фе. Земля была покрыта цветами. Старая, почерневшая от дыма труба сахарного завода и грязный навес не могли омрачить прекрасного утра, которое воспевали птицы в ярких лучах солнца. Жизнь возвращалась к хозяину энженьо, вливая силы в его одеревеневшее тело и измученную душу. А с ней возвращалась и вера в бога, избавлявшая его от болезни и одиночества. Бог снова брал его под свою защиту. Бесконечные

молитвы захватили его целиком. Жена и дочь сопровождали Лулу на все церковные богослужения, присутствовали при утомительном чтении молитвенника; он читал медленно, растягивая слова. С каждым днем мысль, что роман Ненем с прокурором продолжается, становилась все мучительней и мучительней. Подозрения не оставляли его ни на минуту. Однажды, когда он увидел молодого человека верхом на красивой лошади, проезжавшего мимо его дома по направлению к Санта-Розе, Лула де Оланда вообразил, что за его спиной готовится предательство, что Ненем и Амелия сговорились против него. Он дождался, пока тот исчез за поворотом дороги, и пошел взглянуть, не сидит ли дочь у окна, выходящего в сад. Ненем, с распущенными белокурыми волосами, сидела именно там, облокотившись на подоконник. Сеу Лула, увидев ее, не мог сдержать своей злобы и крикнул:

— Ах ты, бесстыдница! Я так и знал, что ты поджидаешь тут этого щенка.

Пораженная Ненем не смогла вымолвить ни слова. Зашла дона Амелия узнать, в чем дело.

— А, и ты тут? Значит, вы сговорились?

— О чем ты, Лула?

— Вы надеетесь меня обмануть? Иди к себе,

Ненем!

Дона Амелия осталась с мужем наедине. Наступило тягостное молчание. Разговор начал Лула:

— Я все знаю, Амелия. Вы хотели обмануть меня. Верно?

Дона Амелия ответила мягко, но голос ее дрожал:

— Перестань, Лула, ты же видишь, ничего не случилось. Тебе все померещилось.

— Ничего не померещилось, Амелия. Вы меня не обманете.

И сурово добавил:

— Если эта девчонка пойдет замуж за прокурора, я убью ее! Слышишь, Амелия?

И вышел на крыльцо. Был мягкий июньский вечер, леса оделись в зеленый наряд, поля запестрели цветами. По дороге двигался обоз с кашасой. Один из возчиков остановился поговорить с полковником Лулой. Это был человек из Гойаны, старый знакомый капитана Томаса.

— Полковник, у вас не найдется лишнего сахара?

Сеу Лула сделал над собой страшное усилие, чтобы ответить:

— Нет, сеу Феликс. Я продал все в сертан.

Однако возчик не собирался уходить.

— А нет ли у вас, полковник, землицы, которую бы вы сдали моему брату в аренду? Он человек работящий, но его преследуют в Гойане. Он прикончил там одного типа за то, что тот обесчестил его дочь. Семья, полковник, — дьявольская штука.

Эта история заинтересовала Лулу, и он пожелал узнать подробнее, как все было.

— Парень, который обесчестил девушку, был женат. Вот брат его и прирезал. Прямо на улице. Теперь брата преследуют по милости одного хозяина энженьо, который покровительствовал тому негодяю.

Сеу Лула согласился дать участок брату старого Феликса. Когда старик ушел, он начал размышлять о Ненем. Он не позволит, чтобы его дочь, которую он с любовью воспитывал, вышла замуж за какого-то проходимца, сына портного. Нет, он помешает этому, чего бы это ему ни стоило. Смог же несчастный брат Феликса разделаться с наглецом, который обесчестил его дочь. Чем он хуже? Да, он убьет нахала! — Он одинокий больной человек, у него нет такого богатства, как у Жозе Паулино, но он сумеет защитить свою дочь ценой собственной жизни и умереть, если понадобится. Каза-гранде была погружена в темноту;

голос свояченицы начал досаждать ему: хриплый, повторяющий каждый день одно и то же. Он никогда не придавал значения тому, что она говорила, просто не замечал, но сейчас ее крики раздражали его, болезненно отдаваясь в голове. Амелия зажгла в столовой лампу, и тотчас же вокруг света закружились комары. В молельне горела лампадка с маслом в серебряной плошке. Сеу Лула зашел туда и увидел удлиненное лицо, распростертые окровавленные руки. Пристально вгляделся в лик Христа. Ему нравилось смотреть на этот лик, видеть страдание, запечатленное на лице спасителя. Чего только не перенес бог на земле: и пытки, и побои, и смерть. Дом казался пустынным, точно в нем все вымерло. Лула знал, что бог пролил свою кровь ради того, чтобы мир любил его. Нет! Он не допустит, чтобы его дочь погубила себя, ушла к какому-то прощелыге. Почему ее полюбил один из этих несчастных? Как могло случиться, что его дочь так унизили? Лучше пусть она умрет, лучше увидеть ее в гробу, чем в объятиях плебея. Он стал на колени и принялся горячо молиться. Здесь, в молельне, перед образами святых — истощенного святого Франсиско и лежащего в гробнице святого Северино — он чувствовал себя ближе к богу. Он молился

до позднего вечера, у него даже занемела правая нога. Голос Амелии, звавший к ужину, вернул его в этот мир, и он понял, что молится здесь уже более двух часов. Пошел проливной дождь. Двери каза-гранде были на запоре. Он пошел проверить задвижки и засовы. Все было вполне надежно заперто. Ненем не явилась к столу. Лула хотел, чтобы она пришла, и велел жене позвать ее. Когда он увидел покрасневшие глаза и опущенную голову Ненем, то представил, какую ненависть, должно быть, питает она к нему. Но он был отцом, а отцы должны прощать слабости своим детям. Лула чувствовал себя просветленным. Бог вселил в него спокойствие, дал силы, чтобы побороть волнения души. Он молчал. Амелия казалась чем-то обеспокоенной. Ветер колотил в двери, засовы позвякивали. Все было заперто крепко-накрепко… Теперь сеу Лула был спокоен за дочь, он знал, что никто не посмеет тронуть ее. Его захлестнула нежность, появилось желание приласкать Ненем, провести рукой по ее белокурым волосам, подержать ее локоны, как он это делал, когда она была еще маленькой. Почему она уже не та девчушка, которую он сажал на колени, которую воспитывал как святую? Зачем ей нужен этот тип, зачем ей бежать из родного дома, от отца? Не-

ужели это божья кара? Нет, бог не мог быть столь суровым. Бог ему друг, его союзник. Лула смотрел на Ненем, и ему казалось, что это богородица в голубой мантии, с распущенными волосами, та пресвятая дева, которой никогда не касались руки мужчины. Нет, Ненем не будет принадлежать какому-то голодранцу. Когда Лула встал, чтобы пойти в спальню, он вспомнил, как укладывал дочь в кроватку в такие вот дождливые вечера, когда она было крошкой, кроткой, спокойной, неземной. Нет, нет, он не позволит, чтобы грубые руки мужчины коснулись его Дочери.

В доме звучал печальный голос Оливии-. За окном шумел дождь. Бежали ручьи. Скоро разольется река, и все будут довольны, что наступила зима. Земля впитывала в себя влагу, набирая сил для нового урожая. Сеу Лула вернулся в молельню. Там была Амелия. Горели свечи. О чем просила она в эту минуту бога? Лула остановился в нерешительности — опуститься на колени или вернуться в гостиную? Он ясно услышал «Отче наш» и «Аве Мария», которые Амелия читала тихим, грустным голосом; две негритянки вторили ей. Что-то подсказало ему, что их молитвы против него. Жена, наверное, молит бога, чтобы он помог дочери выйти замуж. Никто в доме не счи-

тается с ним. Он слышал кроткий голос Амелии, доносившийся из темной залы, видел большой, черный, походивший на гроб рояль. Как давно он не слышал его звуков! Ему вспомнилась молодая Амелия, такая нежная, такая ласковая. Он видел, как она, сидя за роялем, играла грустные мелодии вальса, вкладывая всю свою душу. Воспоминания молодости смягчали его сердце, омраченное ненавистью. Амелия была тогда полна любви, она была преданна, как раба. Потом появилась Ненем, прекрасная Ненем с голубыми глазами и белокурыми волосами. Ненем, исполнявшая все его желания и игравшая на рояле еще лучше, чем мать. Это была его Ненем. Он любил обнимать ее, убаюкивать на руках. Там, снаружи, шумел дождь. Душная гостиная наполнилась призраками. Ему вспомнилась теща, которая все время хотела понянчить Ненем, когда та была совсем еще крохотным, хрупким созданием. Он отдал девочке все, что мог, не щадя себя, только бы она была такой, какой он сейчас стала. Он слышал, как молится Амелия. Его раздражал голос жены; этот кроткий голос просил господа защитить дочь от отца. Наконец голоса смолкли. В молельне потухли свечи. Жена ушла в спальню успокоенная. Господь будет на ее стороне. Он решил немно-

го полежать на софе в гостиной. Когда-то здесь отдыхал его тесть, здесь же по вечерам, при мягком свете заходящего солнца, он слушал вальсы Амелии, которые она играла на рояле. Теперь все ушло. Все исчезли. И вот он один, совсем один. Он ничего не видит и не слышит, он мертв, как в тяжелые минуты после припадка, который лишает его сил и терзает душу. Каза-гранде наполнилась криками Оливии. Дождь не в силах был заглушить этих жутких воплей. Сеу «Пула лежал на софе. И вдруг он услышал цокот лошадиных копыт около дома. Он внимательно прислушался: сомнений не было, по камням перед крыльцом стучали конские копыта. Сразу же пришла мысль о похищении. Без сомнения, прокурор решил похитить Ненем. От этой мысли помутилось сознание; когда «Пула пришел в себя, в руках у него был старый карабин. Он вошел в комнату дочери; та одетая сидела перед зажженной свечой и читала молитвенник. Вероятно, на его лице была написана такая ярость, что девушка в ужасе вскочила. Он ничего не сказал ей, только позвал Амелию, которая была в своей спальне.

— Амелия! Ты слышишь, Амелия, она отсюда не выйдет!

Перепуганная Амелия не могла произнести ни

слова. Сеу Лула с карабином в руке метался по комнате, готовый к решительной схватке.

— Я убью их, Амелия, я так и знал, что они сговорились!

В дверях гостиной он остановился и стал настороженно вслушиваться, точно охотник, подстерегавший зверя. Цокот лошадиных копыт слышался совершенно явственно.

— Негодяй думает, что я сплю! Но эта скотина еще узнает, с кем имеет дело!

Негритянки заволновались. Дона Амелия снова пошла в молельню. Ненем громко плакала. Оливия из своей комнаты звала невольницу, которая нянчила ее в детстве.

— Доротея, дорогая Доротея, погладь меня по головке!

Лула хорошо слышал голос Амелии, которая громко молилась.

— Замолчи, Амелия, слышишь! Я должен проучить этого мерзавца!

И, точно бросая вызов врагу, находившемуся от него в двух шагах, крикнул:

— Прочь отсюда, негодяй!

Но по-прежнему лил дождь, и слышно было, как ходит лошадь возле крыльца.

Сеу Лула крикнул еще громче:

— Я убью тебя, негодяй!

Ответом было молчание. Только хлестал дождь, колотил в дверь ветер да лошадь стучала копытами по камням. Дона Амелия подошла к мужу, желая успокоить его, но он оттолкнул ее.

— Я убью этого пса!

Он решительно подошел к двери и отодвинул железный засов. Копыта стучали по каменным плитам. Сеу Лула открыл дверь и выскочил на крыльцо. Послышался ружейный выстрел. Во дворе поднялась суматоха. Немного погодя прибежал испуганный кучер Макарио. Из дома вынесли лампу и увидели валявшуюся в луже крови лошадь, ту, что вращала жернов на сахароварне. Выйдя со скотного двора, она укрылась от дождя под навесом. Сеу Лула побледнел и, ничего не видя, грохнулся на пол и забился в припадке.

VI

Состарился сеу Лула. Совсем старухой стала дона Амелия, хотя, как и прежде, держалась с достоинством. Ненем так и не вышла замуж, а дона Оливия все так же без умолку болтала. Таковы были обитатели каза-гранде Санта-Фе.

Коляска, как и раньше, звенела на дорогах; самые грустные люди в округе ездили на ней в Пилар на богослужения. Вместо двух превосходных коней старого Томаса в нее были впряжены две дряхлые клячи. Борода сеу Лулы совсем побелела. Урожаи сахара и хлопка становились с каждым годом все меньше и меньше. Заливные луга покрывались травой и кустарником. Расчищенные от леса участки на холмах постепенно зарастали. Однако сеу Лула никому не был должен и ни у кого не брал денег взаймы. Он сохранял достоинство, тщательно скрывая свою бедность. Ходили слухи, будто каждый год он ездит в Ресифе менять золотые монеты, которые оставил в наследство старый Томас. В казе-гранде осталась лишь одна негритянка, выполнявшая обязанности кухарки. Ни на одной сахароварне, кроме Санта-Фе, больше уже не использовали

лошадей. Лула так и не установил паровой машины. В дни, когда выжимали сахарный тростник, в те немногие дни в году, когда жернова начинали свою работу, в энженьо возобновлялась жизнь, царило оживление, в воздухе пахло патокой, слышался веселый шум. Но едва только работа кончалась, жизнь снова замирала, и казалось, ничего этого не было. В цеху очистки, где при капитане Томасе держали по две тысячи сахарных голов — в ящиках, формах, ямах, — там они сушились на солнце, — теперь стояло всего лишь полсотни. Но, вопреки всему, Санта-Фе продолжало существовать: в печи еще полыхал огонь, а над отходами роем летали пчелы, высасывая остатки сахара, которые оставлялись для ульев. Люди, проходившие мимо каза-гранде, знали, что там еще есть хозяин, к которому надо относиться с уважением. Старого Лулу де Оланда не любили, но его вид: борода по грудь, черный костюм, суровый взгляд и надменная речь — заставлял относиться к нему с почтением. Он был человеком серьезным. Его жестокость по отношению к неграм давно забылась. Одни побаивались его, другие считали, что эта семья проклята богом. Вот почему они всегда в трауре. Никому и в голову не приходило зайти к хозяевам, чтобы узнать, не

продадут ли они чего-нибудь, или просто так проведать, поговорить. Тайна окутывала Санта-Фе. На празднества, устраиваемые полковником Жозе Паулино, в Санта-Розу приезжала вся семья сеу Лулы. Его жена и дочь, в кружевах и драгоценностях, усаживались в сторонке и сидели мрачные, будто отбывая повинность. Полковник Лула де Оланда говорил мало. Танцы продолжались до вечера, но ни один молодой человек не решался пригласить девушку из Санта-Фе. Она так и сидела в стороне, безучастная ко всему, похожая на привидение, бледная, с ввалившимися глазами, волосы у нее были гладко зачесаны назад, как у старухи. Как-то на одном из праздников в Санта-Розе Виторино Карнейро да Кунья, который на этот раз был хорошо выбрит и одет в кашемировый костюм, подошел к Луле де Оланда и затеял с ним разговор о политике. Они стояли в стороне под навесом. И вдруг послышался раздраженный голос старого Лулы:

— Хм, вы глубоко ошибаетесь!

— А я вам говорю, что это так, кузен, — настаивал Виторино. — Нунес Машадо был порядочная дрянь, и его подстрелили. Эти люди из либеральной партии хотели разделаться с консерваторами.

— Неправда! Мой отец погиб на поле чести, капитан Виторино!

— Какая там честь, кузен! О какой чести вы говорите?

Сеу Лула поднялся. Он был бледен, борода его казалась еще длиннее при вечернем освещении.

— Это уже оскорбление, капитан.

— Но, к сожалению, это так. Виторино Карнейро да Кунья всегда говорит правду, даже под страхом смерти.

Полковник Жозе Паулино вмешался в разговор, желая их успокоить. Виторино да Кунья рассердился на хозяина дома и довольно грубо сказал ему:

— Не вмешивайтесь в наш разговор, кузен, мы говорим о политике.

— Иди в дом, Виторино.

— Я тебе не негр. Говори так со своими кабрами.

Гости засмеялись, им показалась забавной выходка Виторино. Сеу Лула ушел со старым Жозе Паулино на другую сторону веранды, Виторино не унимался:

— Этот Лула де Оланда разбогател, хоть и глуп. Он явился сюда беднее Иова, а сейчас разъезжает в своем кабриолете, ленивая скотина.

Сын хозяина набросился на Виторино:

— Перестаньте болтать чепуху!

— Это ты мне говоришь, Жука? Вот это да! Ты забыл, кто вложил тебе в руки букварь, навозный ты жук?

Раздался новый взрыв смеха. Сеу Лула стоял на другой стороне веранды и отчаянно жестикулировал, возмущаясь выходками Виторино. Он сейчас же уедет домой. Старый Жозе Паулино уговаривал его не делать этого. Но вскоре, звеня колокольчиками, кабриолет уехал.

Семейство сеу Лулы возвращалось в Санта-Фе. На сердце у старика остался неприятный осадок оттого, что Виторино посмел при посторонних так непочтительно отозваться об его ресифских родственниках. Больше он не поедет в Санта-Розу. Жена и дочь сидели в коляске молча. Они не мешали ему размышлять о только что случившемся. Ему нанесли оскорбление. Давно уже он не приходил в такую ярость. Они, видно, хотели унизить его. Санта-Роза разбогатела, в ней поселилось множество людей. Этого Виторино специально подослали к нему, чтобы оскорбить, ранить его словами, точно ударом ножа.

Два дня спустя в Санта-Фе заехал полковник Жозе Паулино. Он приехал к сеу Луле поговорить,

вспомнив о своем намерении сделать полковника Лулу президентом муниципальной палаты Пилара. Его брат, живущий в Ресифе, предложил ему это, когда был здесь, в Санта-Розе. Жозе Паулино знал, что он, Лула, способен на гораздо большее, что он заслуживает всяческого уважения, но, к сожалению, Лула не интересуется политикой и выборами. Старик внимательно все выслушал, а когда тот кончил, поблагодарил его, сказав: мол, большая честь, что про него вспомнили, но он не может принять это предложение. Республика ему не по душе. Он не забывал императора ни до 13 мая, ни после, когда обворовал его Жоан Алфредо[41]. Раньше люди были серьезнее, имели совесть. Старый Жозе Паулино не стал его уговаривать. Он знал: если Лула сказал «нет», он уже не изменит своего решения. И переменил тему разговора. В гостиную вошла дона Амелия и, с присущей ей обходительностью, стала расспрашивать о здоровье его родных. Ненем не вышла к гостю, сославшись на плохое самочувствие. Негритянка внесла серебряный поднос с рюмкой вина. Беседа явно не клеилась.

---

[41] Примечания: 41

Жоан Алфредо Коррейя де Оливейра — глава бразильского правительства, при котором 13 мая 1888 г. был подписан закон об освобождении негров от рабства.

Наконец оба собеседника замолчали. По коридору прошла дона Оливия, заглянула в гостиную, что-то пробормотала и скрылась. Полковник Жозе Паулино вскоре уехал. Сгущались сумерки. Сеу Лула, оставшись один, почувствовал свое превосходство над теми, кто его окружал. Самый богатый человек округа приезжал просить его о помощи, и он отказал ему. Пусть он ничего не значит для всей этой черни Пилара, зато самые крупные землевладельцы ценят и уважают его. Ненем не пожелала выйти к гостю. Теперь он жил в полном одиночестве; никто в доме не играл на рояле. Еще раз заехал к нему полковник Жозе Паулино с просьбой поддержать в Пиларе его политику, и Лула снова отказался. Все они еще его не знают. Кто может сравниться с ним, с человеком самой знатной семьи в Пернамбуко! Каждые шесть часов негр Флорипес, его крестник, бил в колокол, который капитан Томас держал в ящике со старым железом и который Лула велел извлечь оттуда и повесить на веранде позади дома. Что значила бы для него муниципальная палата, если бы он не смог снискать божью любовь? Что стоили бы предложения старого Жозе Паулино, если бы он не сумел угодить богу своими молитвами и покаяниями? Каждые шесть

часов он обращался к богу, чтобы помолиться и ощутить, насколько господь значительнее всего того, что сеу Луле дает земная жизнь. Сеу Лула молился вместе с Флорипесом. Негр, его крестник, с большой набожностью выполнял обязанности псаломщика. Это был молодой человек с добрым сердцем и покладистым характером. Но Амелия недолюбливала его за вкрадчивые, мягкие манеры. Старый Жозе Паулино надеялся, что Лула согласится на пост председателя муниципальной палаты. Он надеялся заполучить Луиса Сезара де Оланда Шакон для своих целей. Ему, префекту, обладавшему властью, нужен был свой человек, который бы председательствовал в муниципальном совете и пользовался всеобщим уважением. Лула из Санта-Фе, человек порядочный, из хорошей семьи, родственник самых состоятельных людей Пернамбуко, как нельзя лучше подходил на этот пост. Но Лулу не проведешь, он только близ бога чувствует себя маленьким, ничтожным грешником. Пусть полковник Жозе Паулино поищет другого на эту роль.

Колокол прозвонил «Аве Мария». В молельне уже собралась вся семья, ждали только его. Своим зычным голосом сеу Лула обращался к богу, деве Марии, к святым. Только одна Оливия в эти мину-

ты старалась перекричать сеу Лулу. И Лула верил, что ее устами говорил дьявол, который вступал в единоборство со всемогущим. Ненем больше не жила — она существовала. Почти ни с кем не говорила. Только по утрам выходила в свой сад ухаживать за розами и часами возилась с ними. Сад Ненем приобрел в Рибейре известность.

Смирилась с болезнью мужа дона Амелия. Она поняла, что излечить ее нельзя, и больше не страдала. На все воля божья... Что делать, раз ей суждена такая жизнь! Она жалела свою дочь, но в то же время была рада, что та не вышла замуж. Ведь замужество дочери могло быть таким же, как ее собственное. Зачем ей связываться с человеком, который стал бы ей досаждать, лишил бы ее душевного покоя? Она видела; как молчаливая и спокойная Ненем возится в саду, и не жалела о том, что она не замужем. Они жили на тот скромный доход, что приносило им энженьо. С каждым годом Санта-Фе все больше оскудевало и производило все меньше. Управляющему, которого нанял Лула, нельзя было доверить хозяйство, им надо было руководить. Но разве Лула мог руководить? Все шло кое-как. Иногда ей хотелось позвать управляющего и самой давать распоряжения, но она боялась волновать мужа — он не терпел,

когда вмешивались в его дела.

К счастью, припадки стали реже. Возле него все время крутился этот Флорипес, заискивающий и лицемерный. И чем он пришелся по душе ее мужу? Не раз ей приходилось одергивать парня. Муж слишком многое позволял ему. Лула никогда раньше не проявлял никакого интереса к невольникам и относился свысока к неграм сензалы, а в обращении с негром Флорипесом был другим человеком. Она не знала, чем это объяснить. Видела этого мальчишку в молельне стоящим на коленях возле Лулы и не могла понять, почему ее муж, такой гордый, такой высокомерный, привязался к этому парню. Лула давно уже стал ей чужим. Она перестала для него существовать. Он не замечал ее. Амелии было больно видеть, как он стал относиться к дочери. Ведь они были очень привязаны друг к другу, очень дружны, но после той истории с прокурором Лула охладел и к Ненем. Она вспомнила ту ночь, когда он застрелил лошадь, и ей стало не по себе. Надо же было такое выдумать! Весть об этом происшествии разнеслась по всему Пилару. Она слышала, как дона Адриана, жена капитана Виторино, рассказывала об этом на кухне. Он сделал их общим посмешищем. Бедняжка Ненем едва вынесла этот позор.

Все эти безумные выходки отца — нелепость, плод его болезненного воображения. К счастью, уже прошли те дни, когда Лула метался по дому и ревел, как разъяренный тигр. Спокойствие, поселившееся сейчас в доме, было печальным, но все же это гораздо лучше, чем былые выходки и скандалы мужа, мучившего дочь, охотившегося за мнимыми возлюбленными, выдумывавшего побеги. Теперь в каза-гранде царили спокойствие и бедность, правда, невидимая постороннему глазу. Семья жила, прячась как от богатых, так и от бедных. Амелия сама делала все, чтобы жить замкнуто. Лула, казалось, не замечал этих затруднений, которые они переживали. Только она видела, в каком нищенском состоянии находится Санта-Фе. Набожность Лулы сделала его безразличным ко всему, ничто земное не трогало его, даже погода. Шел ли дождь, светило ли солнце, выходила ли из берегов река, или засуха спалила сахарный тростник, ему было все равно. Но она-то все видела. И больше других переживала несчастья, обрушившиеся на ее семью. Ей казалось, что все живут в ином мире, чем она. Даже Ненем потеряла всякий интерес к окружающим. Она ухаживала за розами в своем саду, пересаживала растения, поливала их — и, казалось, ни

о чем больше не хотела знать. Но в действительности она видела и прекрасно понимала, каково состояние Санта-Фе. При последнем сборе урожая в их энженьо почти не выжимали сахарный тростник: не было лошади. Амелии пришлось потихоньку от Лулы распорядиться, чтобы на сбереженные ею деньги купили в Гуриньеме пару кобыл. С грехом пополам получили шестьдесят сахарных голов. Они-то и составили весь доход Санта-Фе. Деньги, вырученные за десять мешков очищенной шерсти, дали возможность произвести вновь посадку сахарного тростника. Прежде ей не приходилось думать о таких вещах. Теперь же все заботы легли на нее. Луле некогда было присматривать за хозяйством. И она сама стала производить расчеты с работниками. Правда, их было не так уж много — всего пять человек. И все же энженьо существовало. Как-то раз, когда прохудился котел для варки сахара, она встревожилась. Мастер-сахаровар сам отправился в Санта-Розу и привез оттуда все необходимое для починки. Лула ничего не знал об этом. Если бы не куры, у Амелии не было бы денег, чтобы посылать кучера Макарио за покупками на базар в Пилар. Хорошо, что муж не знал, что она продает куриные яйца торговцу Неко Паке из

Параибы, а то бы он пришел в отчаяние. Куры выручали дону Амелию. Ей всегда нравилось ухаживать за курами. И вот теперь они спасали ее. По понедельникам приходил торговец и дюжинами покупал яйца. На вырученные деньги она брала свежее мясо на рынке в Пиларе. При отце кладовая всегда была полна продуктов. Но она старалась не вспоминать о прошлом. Она просила Неко Паку никому не рассказывать об ее торговых операциях. Ей не хотелось, чтобы в долине кто-нибудь знал, что хозяйка энженьо Санта-Фе содержит семью на деньги, получаемые от продажи яиц. Это хорошо тогда, когда в доме нет нужды и хозяйка энженьо, как, например, дона Эмилия из Ойтейро, выручает большие деньги, продавая сладости из кокосового ореха на станции пассажирам. Все хвалили ее за предприимчивость и изобретательность. Но если бы кто-нибудь узнал, что хозяйка Санта-Фе продает яйца, чтобы прокормить свою семью, насмешкам не было бы конца. Нет, хватит с нее той истории с убийством лошади. Хватит с нее несчастной дочери, над которой все смеются. Неко Пака был человек неразговорчивый. Он приходил с корзинкой и уносил товар. Боже сохрани, чтобы Лула узнал об этом. Гордость Лулы была болезнью,

которую не могла излечить никакая набожность. Хозяин энженьо, живущий на деньги, которые добывала его жена! По воскресеньям они всей семьей ездили в церковь. Она прекрасно видела, как насмешливо поглядывают на них, когда они гордо входят на паперть.

Они одевались так же, как и раньше. Ненем и дона Амелия носили те же украшения, те же кружева, те же кольца, Лула не позволял им выезжать без драгоценностей. В церкви у них было свое место. Негр приносил им шелковые подушки, а кабриолет ожидал их около церкви. Прежде чем выехать на дорогу, ведущую в энженьо, они, как обычно, проезжали мимо муниципальной палаты и разворачивались на главной улице. Звенели колокольчики. Это было единственной радостью доны Амелии. Жизнь уже давно стала для нее испытанием, посланным богом, унижением, но в те минуты, когда она проезжала по главной улице и видела в окнах женщин и мужчин, смотревших на их кабриолет, она была счастлива, вполне счастлива. Но едва коляска, миновав последний дом поселка, выбиралась на дорогу, обрамленную кажазейрами, она понимала, что все это пустяки. Лула, как всегда, был мрачен, а над губой Ненем уже появился пушок

великовозрастной девицы. И эта тишина, которую не в состоянии был нарушить даже веселый перезвон колокольчиков, наполняла сердце доны Амелии горем, от которого нередко выступали на глазах слезы. Коляска проезжала мимо дома Жозе Амаро, и Лула снимал перед мастером шляпу. Этот человек, который еще ребенком переехал в Санта-Фе с отцом, убившим в Гойане человека, не нравился хозяйке энженьо. Не то чтобы он причинил им какие-нибудь неприятности, просто доне Амелии не по душе был этот человек в энженьо, который не платил арендной платы, не выполнял никакой работы и вообще вел себя так, будто он был хозяином земли, на которой жил. Она никогда не говорила об этом с Лулой. Правда, так повелось со времен ее отца. Старый Амаро прибыл в Санта-Фе с письмом от родственника, капитана в Гойане. И поселился на той самой земле, где живет теперь его сын. Коляска ехала заливными лугами, поросшими кустарником, но только одна небольшая плантация с темной зеленью ухоженного сахарного тростника могла радовать глаз хозяина. Не сохранились леса и бамбуковые рощи, не видно было полей, засеянных кормовыми травами, бахчей с дынями, побеги которых вьются по изгородям вдоль доро-

ги. Некому было теперь засевать земли Санта-Фе. Полковник Лула не желал нанимать работников, которые требовали слишком большую плату. После освобождения рабов в 1888 году один парень из Итамбэ сумел получить с плантации сахарного тростника больше двухсот голов сахара. И все же сеу Лула поругался с ним, и тот вынужден был уйти.

О жадности сеу Лулы говорили повсюду. Старый Жозе Паулино, проезжая мимо Санта-Фе, наверно, сокрушался, глядя на заросшую сорняками землю. Дона Амелия, сидевшая в своей коляске, разодетая, в кружевах и драгоценностях, испытывала к этой заброшенной земле такое же чувство, как к осиротевшему ребенку. Раньше у негра Макарио были сильные, норовистые кони, которых он укрощал кнутом. Нынешние изможденные клячи еле-еле тащили кабриолет, не давая работы старым, дрожащим рукам кучера. Коляска приближалась к энженьо. Над зеленым кустарником показалась черная труба их сахарного завода. Долгие годы она дымила в голубом небе, и клубы от сжигаемых в топках жмыхов уходили в белые облака. Вот и каза-гранде. Дона Амелия вспомнила отца. С детских лет дата «1852», написанная капитаном Томасом

над дверью их дома, напоминала ей о добрых и богатых временах в хозяйстве отца. Кабриолет остановился. Они вошли в мрачную каза-гранде. В то воскресенье Амелию мучили воспоминания. Оливия все время болтала в своей комнате. Пришла оскоплять петушков Адриана. Дона Амелия тревожилась за судьбу своей семьи. Ей хотелось бы, отрешившись от всего, подобно Луле посвятить себя служению господу. Но она жила в реальном мире, ходила по реальной земле и любила ее. Ненем занималась своими цветами. Дона Амелия страдала, зная, как мучается ее дочь. Ее волновала замкнутость Ненем, дочь не делилась с ней, не была с ней откровенна, как с близким человеком. Странная она какая-то, непонятная. Болезнь Лулы как-то сразу пришибла ее. После той истории с прокурором Ненем потеряла всякий интерес к жизни. Она ни на что не жаловалась, но была ко всему безразлична. Проводила дни в полном одиночестве, не желая никого видеть. Постепенно боль притупилась, и она стала равнодушна ко всему. Увлекалась только садом. Возилась с цветами, и они приносили ей утешение. Розовые кусты покрывались бутонами; кротоны, лилии, жасмин расцветали от ее забот. В мае месяце алтари церкви в Пиларе за-

полнялись розами доны Ненем, дочери сеу Лулы. Новый падре, молодой викарий Северино, всегда хвалил цветы из сада Санта-Фе. Народ по-прежнему недолюбливал хозяина энженьо, который раньше мучил негров; в глазах суеверных людей сеу Лула был сообщником дьявола. Люди видели, с каким набожным видом, скорбным выражением лица и склоненной головой хозяин энженьо подходил к алтарю причащаться, и говорили, что это лицемерие, хитрость и коварство. Между тем в душе Лулы нарастала злоба и ненависть ко всем вокруг.

Считалось, что на энженьо Санта-Фе лежит печать проклятья. Божью кару люди видели во всем: и в старых, немощных клячах, впряженных в кабриолет, и в потертой сбруе, и в развале хозяйства, и в самих обитателях каза-гранде. Говорили, что моления, которые Лула устраивал у себя дома, не что иное, как колдовство. Он, мол, только прикидывается набожным, чтобы обмануть людей. Да и негр Флорипес, его крестник, был, по их мнению, негром катимбо[42]. По тому, как тот смотрел, по манерам и умению лебезить было видно, что этот негр — дурной человек.

---

[42] Примечания: 42
Катимбо́ — негритянский религиозный обряд.

Болтовня привела к тому, что новый викарий вынужден был поехать и узнать, так ли это на самом деле. Падре Северино сразу убедился, что все это злые сплетни. Он с большим тактом нанес визит полковнику Луле де Оланда. Его приняла в гостиной вся семья. Они немного побеседовали. Викарий поблагодарил за цветы, присланные доной Ненем, и как бы невзначай завел разговор о домашней молельне. Он, дескать, слышал, что в их молельне имеются прекрасные статуи святых. Полковник отвел его туда, и падре смог лично убедиться в красоте киота из жакаранды[43], мраморного Христа, изображения святого Северино дос Рамос, лежавшего в гробнице в военной форме, при сабле. Серебряная лампадка, освещавшая мрачную комнату, висевшие на стенах гравюры в рамках из черного дерева, большой деревянный крест — все это говорило о религиозности хозяина. В следующее воскресенье во время проповеди падре не преминул сказать об этом во всеуслышание. Он говорил о жестоких людях, которые хотели запятнать имя одного из самых достойных и благочестивых прихожан. Достаточно видеть его смирение, его любовь ко всевышнему,

[43] Примечания: 43

Жакаранда́ — черное дерево большой твердости, широко применяющееся в Бразилии для изготовления мебели.

чтобы убедиться, что этот человек делает все для спасения своей души. Хорошо бы у всех хозяев энженьо было такое истинно верующее сердце и чтобы они так же рьяно выполняли все заповеди Христа. Злые люди хотели запачкать эту горячую веру грязью сплетен.

Прихожане воззрились на Лулу и его семью. В этот день он подошел причащаться особенно смиренно, опустив голову и уставившись в пол, как последний из рабов. После слов падре у доны Амелии появилось такое чувство, будто их выставили напоказ перед любопытными. Она видела, с какой злобой глядят на нее женщины, несмотря на похвалы викария. Чего только не говорили об их семье! Она готова была стерпеть все, только бы Лула не приходил в ярость, которая неизменно кончается припадком. Уж лучше умереть, чем видеть, как муж ее падает на землю, теряя человеческий облик, глаза его стекленеют, руки и ноги сводят судороги, а по длинной бороде стекает пена, всякий раз вызывавшая у нее тошноту, которую она не в силах была сдержать.

Но вот как-то вечером, когда все уже разошлись по своим комнатам после молитв, полагающихся в святую среду, во дворе послышался шум. Разговаривали какие-то люди. И каково же было

изумление доны Амелии, когда она услышала насмешливый возглас:

— Хватай старуху, пили ее!

Лула, желая узнать, в чем дело, бросился к двери. Она услышала, как пилят дерево и кричат:

— Пили старуху, пильщик!

Такой подлости она не ожидала. Так вот для чего пришла сюда эта чернь из Пилара. Разъяренный Лула с карабином в руках распахнул дверь и выскочил на веранду, как в ту ночь, когда пристрелил лошадь. Но насмешников и след простыл — все убежали. Луна освещала двор, сахарный завод, душистые кажазейры. Ночь была прекрасной: небо ясное, как в летнее время. Стояли холода, и Лула в длинной ночной рубахе показался ей совсем несчастным. Ей стало жаль мужа, который с ружьем в руке выскочил на крыльцо. При свете луны он казался белее полотна, беспомощный, с остановившимся взором. Она почувствовала, что сейчас ему станет плохо, свидетельницей этого ей уже не раз приходилось бывать. Лула упал навзничь: при падении карабин выстрелил. Выстрел прогрохотал, подобно грому. Муж корчился в припадке. Надо было срочно принимать меры. Ненем спряталась в угол и рыдала, захлебываясь от слез. Амелии пришлось

самой пойти на кухню и согреть воды для грелки. В ту ночь кухарка и кормилица отправились к кучеру Макарио, у которого умирала жена. Лула вскоре пришел в себя, и она впервые в жизни увидела на его глазах слезы. Амелия тоже расплакалась. Она слышала, как ее дочь рыдала в своей комнате, видела слезы на глазах Лулы, которого снова оскорбили.

— Амелия, спаситель наш страдал не меньше. Завтра он будет распят на кресте, завтра его сердце проткнут копьем, завтра он, Амелия, умрет ради спасения всего мира.

Голос Лулы был так слаб, что она едва разбирала слова, мешавшиеся на его устах с тошнотворной пеной. Затем она пошла в комнату Ненем, чтобы попытаться ее утешить. Она лежала, укрывшись с головой, и дрожала. Амелия решила, что у нее такой же припадок, как у Лулы. Подошла к дочери и погладила ее по голове. Ненем сказала:

— Мама, оставьте меня. Я хочу побыть одна.

Амелия не могла понять, что же с ней.

— Что с тобой, девочка?

— Ничего, мама, я хочу побыть одна.

В одной комнате лежал больной муж, в другой — дочь, которая с ней не хотела разговаривать. А на улице стояла прекрасная ночь и все тонуло

в лунном свете. В дверь постучали, и она пошла открыть. Это был негр Макарио. Он услышал выстрел, но прибежал не сразу, потому что жена в эту минуту отдала богу душу. Негр горько плакал. Дона Амелия рассказала ему о дерзости кабр, которые остановились во дворе, чтобы «распилить старуху». Макарио сразу перестал плакать.

— Во дворе энженьо, дона Амелия?

— Когда Лула открыл дверь, они уже убежали. С ним случился припадок, он упал, а карабин выстрелил.

— Дона Амелия, за такое безобразие и в самом деле надо стрелять. Жоакина услышала выстрел и сказала: «Макарио, это что — ночь святого Жоана? Я слышала выстрел хлопушки». Это были ее последние слова, хозяйка! И она умерла.

И тут он снова заплакал. Дона Амелия пошла в дом и вернулась с куском мадаполама.

— Возьми это на саван Жоакине. И вот эти туфли тоже. Я их ни разу не надевала, они просто потемнели от времени.

Запели петухи, колокольчик, привязанный к шее быка, звенел на скотном дворе. Негр ушел, а дона Амелия осталась полюбоваться ночью. Тоскливое пение и стенания по усопшей доносились со стороны дома Макарио. Там оплакивали

покойницу. Душу Жоакины оплакивали в эту лунную ночь с таким усердием, точно хотели тронуть сердце бога. Дона Амелия закрыла дверь кухни. У нее в доме было еще страшнее. Никакой плач не смог бы смягчить мук, которыми были полны сердца ее близких. Она увидела пробивавшийся из молельни луч мертвенного света от масляной лампады. И упала на колени — она страдала больше, чем Лула, а на душе у нее было тяжелее, чем у Ненем.

Часть третья

КАПИТАН ВИТОРИНО

Часть третья
КАПИТАН ВИТОРИНО

I

Однажды темной ночью Антонио Силвино совершил нападение на Пилар. Ему не было оказано никакого сопротивления. Тюремная стража разбежалась при первых же выстрелах, да и полицейские удрали в лес при вести о нападении. Кангасейро освободили арестованных, перерезали телеграфные провода на железной дороге и направились к дому префекта Кинки Наполеона, чтобы его ограбить. Наполеона в Пиларе не оказалось. Но его жена, дона Инес, держалась с поразительным мужеством. Капитан Антонио

Силвино потребовал ключи от несгораемого шкафа, однако она не растерялась и хладнокровно заявила, что ключи муж всегда носит при себе. Капитан пригрозил поджечь здание, но дона Инес отнеслась к его словам спокойно. Это была маленькая, седая женщина с живыми глазами. Пусть он поступает, как ему угодно. И уселась в гостиной, молча наблюдая, как бандиты хозяйничали в ее комнатах, вспарывали матрасы в поисках денег. Нашли только два ящика, наполненные мелкими монетами — крузадо и тостанами. Несгораемый шкаф приводил Антонио Силвино в бешенство. Он пригрозил женщине, что велит выпороть ее, но она продолжала держаться все так же спокойно и только сказала, что ничего не может сделать. Она слабая, беззащитная. Люди стояли в дверях, ожидая развития событий. Особняк префекта был освещен, как в праздничный вечер. Антонио Силвино спустился в магазин и, распахнув двери, пригласил народ войти. Он раздаст бедным все, что принадлежит командору. Вот это удача! Рулоны материи, катушки ниток, шляпы, куски мяса, мешки с мукой, бидоны с керосином, лампы — всё расхватают в мгновение ока. Капитан вышел на веранду и крикнул:

— Эй, люди, можете брать все это! Этот вор распорядился выдать меня правительству. Я проучу эту собаку!

И он велел высыпать на середину улицы монеты из ящиков. Все набросились на монеты, как куры на просо. Ярко освещенный особняк казался в темной ночи сказочным. Дона Инес по-прежнему сидела на софе в гостиной: можно было подумать, что она вовсе не хозяйка всего того, что здесь расхищалось. На рассвете канга-сейро со своим отрядом ушел. Почувствовав себя в безопасности, старуха разразилась рыданиями на всю улицу, вызывая всеобщее сочувствие. Люди копошились в песке, выискивая монеты. Некоторые женщины просеивали песок через решето, будто вылавливали мелкую рыбешку. В городе воцарилась мертвая тишина. Двери были распахнуты настежь. Какой-то кабра напал на полицейского инспектора Жозе Медейроса, судья доктор Самуэл укрылся в доме священника. Над опустевшим Пиларом, где беднякам досталось добро богатого землевладельца и, точно манна небесная, посыпались деньги, занималась заря. Капитан Антонио Силвино умел делать людям добро. Его считали отцом бедняков.

Мастер Жозе Амаро узнал о том, что произошло

в Пиларе, когда солнце уже было высоко. Ему рассказал об этом один возчик из Сан-Мигела. Кангасейро разорили магазин. Кое-кто в Пиларе успел набить себе карманы.

Прошла неделя с того дня, как хозяин энженьо объявил Жозе Амаро о выселении его из дома. Жена мастера уехала на несколько дней погостить к доне Адриане. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким и покинутым. Если бы не негр Пассариньо, который ночевал у него в доме, ему не с кем было бы даже перекинуться словом. Амаро совсем забросил работу, думая только о том, куда же он теперь денется. Он и не представлял, что ему будет так тяжело оставить свой дом. Никогда прежде мастер не испытывал к этому клочку земли столько любви.

Он понял, как трудно ему будет расстаться тут с каждой мелочью, с тем, что видел изо дня в день и чему не придавал раньше никакого значения. Этот ствол питомбейры, ветка жасмина, кардейро с ярко-красными цветами, хлев, дорога, обрамленная кажазейрами, — все это придется ему оставить, оставить навсегда. Алипио посоветовал ему не уезжать. Маноэл де Урсула говорил ему о правах. Права бедняка! Но разве у бедняка есть какое-нибудь право! Он лежал в гамаке, не

решаясь выйти из дома, точно в тюрьме, скованный силой, с которой не мог совладать. Стоит ему выйти, и он сразу увидит, как в страхе шарахаются от него дети и женщины. Это, пожалуй, причиняло ему самые большие страдания. Он знал, что Синья не хочет больше его видеть. И то, что она гостит в доме кумы, — просто предлог, желание пожить отдельно от мужа, которого она возненавидела. Но ведь прав был он, а не жена и хозяин энженьо. Все были против него. Дети, женщины, полковник Лула и все, что его окружало. Людские сплетни превратили его, честного труженика, в опасного преступника, в чудовище. Дочери они лишились. Он полагал, что Синья будет жить с ним, как и прежде, но ошибся. Он был один в этом мире и чувствовал себя более одиноким, чем Жозе Пассариньо. И у него уже не было сил уйти в другие края, бежать отсюда. Оборотень! Неужели все, и мужчины и женщины, считают его исчадием ада, ждут от него беды? С тех пор как Жозе Пассариньо поселился в его доме, негр стал совсем другим человеком — не пьянствовал, сам варил фасоль, выполнял всякие домашние дела. Жозе был добрым человеком. Грязный, кривоногий, с тупым взглядом, он все же был счастливее мастера Амаро. По крайней

мере, этого негра люди не считали дьявольским отродьем. Почему именно на него пал выбор? Он всегда был таким домовитым, трудолюбивым, однако даже жена в страхе бежит от него! Что в нем такого, что нагоняет страх на детей и женщин? Даже собаки не давали ему прохода. А ведь собаки лают только на чужих.

Жозе Пассариньо на кухне потихоньку пел. Песни его были грустные: о неудачной любви и сердечных переживаниях. Мастер Жозе Амаро вспоминал свое детство в Гойане. Он хорошо помнил эту грустную песню, которую негр столько раз напевал:

— Стол накройте мне, сеньора!
— Он Для вас накрыт всегда. —
И за стол садятся двое,
И не тронута еда:
Не поешь, когда слезами
Даже скатерть залита.
— Постелите мне, сеньора!
— Есть всегда постель для вас. —
И в кровать ложатся двое,
И сомкнуть не могут глаз:
Не уснешь, когда подушка

Вся в слезах на этот раз.

Жену графа убили, чтобы дочь короля Венгрии смогла выйти за графа замуж. Ценой крови королевская дочь получила желанного мужа. Голос Пассариньо вызывал в памяти мастера дни его юности в Гойане, когда они жили на одной из улиц в доме возле церкви. После того как отца посадили в тюрьму за убийство, совершенное им на ярмарке, хорошей жизни пришел конец. Все это произошло как-то неожиданно. Появился человек. Хотел купить седло. Они из-за чего-то повздорили, вспыхнула ссора. Кончилось тем, что отец убил этого типа из Карири, который наводил на всех страх. Отец пользовался покровительством влиятельных людей, и его выпустили на свободу, но он не захотел оставаться в этом городе. Он понял, что ему уже никогда больше не быть таким, каким он был, и, оставив все, перебрался в энженьо и стал шорником, навсегда сохранив за собой славу убийцы. Он выстроил дом. Дети его разбрелись по всему свету, а здесь остался только он, Жозе Амаро, которого все ненавидят, который своим видом пугает детей и женщин и которого ненавидит его собственная жена. Дочь его в сумасшедшем доме, а сам он должен бросить добро, нажитое отцом, и все лишь потому,

что какой-то подлый негр наговорил на него свихнувшемуся хозяину энженьо. С того самого вечера, когда он побывал в Санта-Фе, мастер Жозе Амаро не мог сомкнуть глаз. Сон не шел к нему. Сердце разрывалось от того, что дочь увезли в Тамаринейру. И он плакал, совсем как граф в песне Жозе Пассариньо. Это он-то плачет, как ребенок! Алипио посоветовал ему не уходить из энженьо. Он сказал, что капитан Антонио Силвино защитит его. Однако слепой Торкуато уже в тюрьме Можейро, и его избивают, как последнего вора. Лейтенант Маурисио не щадит никого. Вот почему известие о нападении на Пилар обрадовало мастера. Разорен один из самых богатых людей поселка, разорен по приказу человека, который никого не боялся. Жозе Пассариньо вернулся с улицы с новыми вестями. Поговаривали, что жена старого Наполеона слегла в постель и что она будто бы при смерти. Говорили, что это от злости, от того, что она слишком большая гордячка. В Пилар прибыл отряд полиции расправляться с теми, кто присвоил себе товары командора. Полицейский инспектор Жозе Медейрос арестовывал всех подряд. Ремень заходил по спинам арестованных. Расплата ждала всех. Правосудие всегда действовало решительно. Однако и капитан был

силен и мстителен. И Алипио и Торкуато верили в несокрушимую силу Антонио Силвино. Он еще отомстит Жозе Медейросу. Капитан непременно вернется и проучит этого негодяя. Арестовывать бедняков! За что? Что они сделали? Пассариньо сказал ему, что кангасейро с уважением относились к мирным жителям. Когда капитан появился на веранде особняка, увешанный медалями, он походил на сказочного принца. Народ любил этого человека. Он освобождал заключенных, кормил голодных. А лейтенант Маурисио? Он проносился повсюду как смерч, наводя ужас на людей, как тот самый офицер времен «кебра-килос»[44], о котором мать говорила ему, как о посланце дьявола. Она рассказывала ему о пытках и порках, которые устраивал этот офицер. Правительство всегда вело себя именно так по отношению к маленьким людям. Лула де Оланда ни с того ни с сего приказал ему убираться из дома, который построил его отец. После того, как он прожил здесь столько лет. А Маноэл де Урсула еще говорит о каких-то правах. У бедняков нет

[44] Примечания: 44

«Кебра-килос» — прозвище, которое получили мятежники, восставшие в 1875 г. в Параибе из-за установленных в этой провинции новых налогов и принятия законов о введении в Бразилии международной системы мер и весов.

прав. Только капитан мог дать право беднякам. Он действует как кангасейро Жезуино Брильянте — народный мститель, который разорял таких негодяев, как Кинка Наполеон. Мастер жалел, что капитану не удалось вскрыть сейф. Пассариньо ушел на заливной луг. В дверь постучали. Каково же было изумление мастера, когда он увидел перед собой слепого Торкуато с поводырем. Он пригласил их войти и запер дверь на засов.

— Мастер Жозе, меня зверски избили. Когда я возвращался с ярмарки в Гуарите и направлялся в Можейро, нас с мальчишкой схватили полицейские.

— Как же вам удалось освободиться, сеу Торкуато?

— Я вам все расскажу по порядку. Меня отвели в тюрьму. К вечеру пришел лейтенант и приказал: «А ну-ка, приведите этого паршивого слепца, я хочу у него кое-что выспросить». Меня притащили за шиворот, как собаку. «Оставьте нас одних, сержант, — сказал лейтенант, — он у меня заговорит как миленький». И лейтенант стал расспрашивать меня о капитане. Он хотел узнать, где в каатинге укрываются кангасейро и имена лазутчиков, которые сообщали обо всем капитану. Я ответил, что ничего не знаю. «Лейте-

нант, я бедный слепой, живу милостью добрых людей». Тогда он позвал своего помощника Зезиньо и сказал: «Зезиньо, помоги-ка этому слепому развязать язык». Ремень загулял по моей спине, сеу мастер. Эти негодяи избили меня, слепого человека, христианина, который не видит белого света. Избили так, что я потерял сознание. Швырнули меня на пол, и тут поводырь разревелся, совсем с ума спятил. Я испугался, что он проболтается. Но, слава богу, он был так напуган, что у него от страха отшибло память. До сих пор еще не пришел в себя.

— Но как же все-таки вам удалось оттуда выбраться, сеу Торкуато?

— Мне помог полковник Но Боржес. Он узнал о случившемся и пришел в тюрьму поговорить с лейтенантом. Они здорово повздорили. Однако полковник настоял на своем. Меня освободили на следующий день, и я пробыл в доме полковника целую неделю, пока не зажила моя спина. Клянусь богом, сеу мастер, — этот лейтенант плохо кончит. Капитан Силвино разделается с ним. Вы, мастер, знаете о том, что произошло в Пиларе? Я прямо оттуда. Народ в волнении. Капитан захватил магазин Кинки Наполеона и роздал все товары беднякам. А теперь из города прибыл

отряд полиции и творит там черт знает какие безобразия. Капитану Жозе Медейросу несдобровать. Его ждет та же участь, что и Симплисио Коэльо из Сапэ. Ну а как вы, мастер?

— Так себе, сеу Торкуато! Но, откровенно говоря, мне сейчас не до болезней. У меня столько неприятностей, что я забыл о них думать.

— Да, мастер, я слышал о вашей дочери. Проходя мимо дома капитана Виторино, перекинулся несколькими словами с доной Синьей. Она очень расстроена. Но вы, наверное, имеете в виду вашу ссору с хозяином энженьо. Я знаю об этом.

— Он выгоняет меня из дома.

— Но почему, мастер?

— Почему, сеу Торкуато? Потому, что он хозяин и может делать здесь все, что ему захочется.

— Но это же черт знает что! Человек прожил здесь всю жизнь, пустил корни на этой земле — и вдруг его выгоняют на улицу, как дерево рубят. Это незаконно! Вот почему я каждый день твержу: только один человек способен навести здесь порядок, — это капитан Антонио Силвино.

Вернулся Жозе Пассариньо. Слепец услышал, что кто-то вошел, и смолк.

— Добрый день, сеу Торкуато.

— Добрый день, с кем имею честь?

— Это Жозе Пассариньо. Он сейчас у меня живет, чтобы было не так тоскливо.

— Так вот, сеу мастер, послушайте бедного слепца — не уходите отсюда. Капитан не даст вас в обиду. Алипио знает об этом?

— Да, он мне сказал то же самое.

— И я так считаю.

— Но, сеу Торкуато, ведь хозяин этой земли полковник Лула.

— Ну и что же, мастер, найдется и на него управа. Вот посмотрите. Есть хозяин поважнее. Ему помогает сам бог. А он помогает людям. Он своим ружьем делает то, что падре Ибиапира делал с помощью четок. Ну, я пошел.

— Сеу Торкуато, останьтесь перекусить с нами.

— Не могу, мастер, мне надо к завтрашнему дню добраться до Санта-Розы. Там ждут. Я даже не знаю, слыхали ли мои, что я сидел. Вот почему я тороплюсь.

— Ну что ж, тогда…

И слепой Торкуато, полный веры в капитана Антонио Силвино, ушел. Мастер Жозе Амаро подошел к питомбейре. Всем своим существом он чувствовал, что эта земля принадлежит ему. Здесь росло его любимое дерево кардейро, тут был его хлев, кусты жасмина. Кажазейры были

усеяны желтыми плодами, от которых исходил аромат, и этот аромат, как и другие запахи, тоже связывал его с землей, которую ему предстояло покинуть. Мысли его прервал конский топот. Верхом на лошади ехал негр Флорипес; завидев мастера, он пришпорил ее. Лошадь поскакала вверх по дороге. Презренный негр! Это он виноват во всем! Смертельная злоба охватила мастера. У него возникло желание убить негодяя. Он не заметил, как оно пришло к нему. Но он знал: Флорипес должен умереть от его рук. Оборотень! Эта мысль бесила его. Убить, пролить кровь. Народ судачил, что он, мол, высасывает по ночам кровь своих жертв. Убить, он должен убить этого негра! Он вошел в свою комнату. Ветер донес до него печальный голос Пассариньо:

— Ангел мой, меня захочешь
Ты обманывать едва ли…
Расскажи, кого любила,
Кроме Карро Монтеваля?
— О, клянусь я мукой крестной,
Никого не целовали
Эти губы, исключая
Дона Карро Монтеваля.

На духу твердить готова
Нет и не было другого!

Мастер слушал Пассариньо и утешался, думая об этой грустной истории. Сердце его постепенно смягчалось. На карнизе распевала канарейка. Птицы на питомбейре славили прекрасный день. А он вот должен покинуть свой дом. Все, что принадлежало ему, станет собственностью другого. Он снова вспомнил о Флорипесе, вспомнил, как старый Лула накричал на него. На старика Амаро не сердился. Перед ним всплыло лицо доны Амелии, и ему стало неловко. Эту женщину он всегда считал святой, заслуживающей всяческого уважения. Он видел, с каким ужасом дона Амелия посмотрела на него. Неужели и она верит в глупую выдумку людей? Оборотень!.. Мастер встал и пошел за зеркалом, хранившимся в чемодане. Взглянул на себя, на свое опухшее, воспаленное лицо, желтые глаза, седую бороду, — и ему стало жалко себя. Он уже стоял одной ногой в могиле, смерть караулила его. При мысли о ней ненависть к негру вспыхнула с новой силой. Он должен его убить, отомстить за все. С того самого дня, когда с ним случился обморок, у него постоянно стоял звон в ушах. Скоро он умрет. Да и зачем ему такая

жизнь? Он еще раз взглянул на себя в зеркало и вдруг услышал за спиной голос Пассариньо:

— Разглядываете себя, мастер?

— Да нет, сеу Жозе, любуюсь на эту чертову занозу, которая впилась мне в лицо.

— Вы с этим не шутите, мастер, как бы не нарвало. Завтрак на столе.

В полдень явился капитан Виторино. Он приехал на старой ослице. На голове у него была шляпа из белой соломки, на лацкане пиджака красовалась желто-зеленая ленточка. Мастер Жозе Амаро сидел под навесом. Увидев кума, он очень обрадовался. Теперь посещения Виторино были ему приятны. После того как тот отвез дочь мастера в Ресифе, да еще по доброй воле, этот человек перестал быть в его глазах несчастным дурачком. Виторино спешился, чтобы поговорить о нападении на Пилар. Он терпеть не мог Кинку Наполеона, считал, что эта скотина обкрадывает народ, но и не одобрял поступка капитана Силвино в доме доны Инес.

— Кум, такая женщина, как дона Инес, заслуживает уважения.

— А разве капитан был с ней груб?

— Я там не был. Но мне передавали, что он наставил на нее ружье и потребовал ключи от

сейфа. Но та их так и не отдала. Жозе Медейрос, хоть и мужчина, а чуть не спятил от страха, когда к нему вошел кангасейро. Говорят, этот негодяй ревел, как сосунок, которого оторвали от матери. Теперь-то, когда он почувствовал силу полиции, он расхрабрился и черт знает что творит с людьми.

Послышался голос Пассариньо, который пел на кухне.

— Этот негр здесь живет?

— Да, а то одному мне тоскливо.

— Неужели, кум, вы можете жить с негром под одной крышей?

— Бедняга мне во многом помогает. Синья ведь уехала; если бы не он, уж и не знаю, что было бы со мной.

— Кум, не мое дело, конечно, вмешиваться, но женщину надо держать в ежовых рукавицах. Со мной, например, шутки плохи. Моя жена это хорошо поняла.

— А по мне, главное — терпение и спокойствие.

— Какое там спокойствие! С ними надо построже.

Из дома вышел Жозе Пассариньо. Увидев капитана, он поклонился.

— Добрый день, капитан.

Виторино едва ответил на его приветствие, будто делая великое одолжение. Негр, не обратив на это внимания, попросил:

— Капитан, не найдется ли у вас сигареты для негра?

— Я не обязан носить сигареты для всяких бродяг.

— Мне хотя бы одну сигаретку, капитан.

Тогда Виторино полез в карман и, достав сигареты, сказал:

— Вот, возьми, это мне дал сын Анизио Боржеса, который приехал из Баии, где он учился; это тамошний табак, очень слабый.

И он протянул Пассариньо почти целую пачку.

— Капитан, вас послал мне сам бог.

И ушел, потихоньку напевая:

Встретился святой Антоний
Мне в Пиларе утром рано.
Заорал он во всю глотку:
«Опрокинем по стакану!»

— Бесстыжий негр, — сказал Виторино. — Вот какая жизнь ему по душе.

— У него доброе сердце. И он очень услужлив.

— Так вот, кум, жену надо держать в ежовых

рукавицах. Иначе она сядет вам на голову. Кинка из Энженьо-Ново привязал свою жену к повозке, запряженной быками, и велел доставить на свалку к тестю.

Мастер Амаро молчал, а Виторино продолжал рассуждать:

— Скоро выборы. Вчера мне пришлось послать телеграмму Лиме Фильо. Он, видно, не представляет себе, что такое ожесточенная борьба. Почему он не разрешает мне вербовать избирателей? Сюда направляется Рего Баррос. Говорят, с ним прибудет сорок девятый батальон. Он всегда разъезжает под охраной солдат. И правильно делает. Его отец был владельцем энженьо в Марангуапэ, это был довольно энергичный человек. Я слышал, что сын его не менее решителен. Он служил в Канудосе и сражался с кабрами Консельейро[45], а это не так-то просто. Мне такие люди по душе. В Пиларе я хорошенько проучу Жозе Паулино. В день святого Педро я слышал разговоры Лоуренсо, его брата, который был большим человеком в

---

[45] Примечания: 45

Консельейро — прозвище Антонио Висенте Мендеса Масиэла (1828–1897). Под его предводительством в 1885 г. в Канудосе вспыхнуло народное движение сертанежо. Правительством были посланы карательные экспедиции, три из которых Консельейро сумел уничтожить, и лишь четвертой удалось разгромить кангасейро, причем сам Консельейро был убит в бою.

Пернамбуко. Мы свалим этих каналий Машадос.

Мимо дома Жозе Амаро ехал обоз с кашасой. Подошел Алипио. Ему надо было сказать несколько слов мастеру:

— Нам пришлось вернуться. Там внизу, на шоссе Марау, караулит таможенный чиновник с двумя полицейскими. Мастер, можно вас на минутку?

— Если у вас секреты, я могу уйти.

— Нет, капитан, мне только надо сказать пару слов мастеру.

— Терпеть не могу людей с фокусами. Вы что думаете, я не умею держать язык за зубами?

Жозе Амаро и Алипио отошли в сторону. Последний уже знал о нападении на Пилар. Слепой Торкуато встретился с ним у заливных лугов Ойтейро и все рассказал. По его сведениям, Тиаго не арестован.

— Вы меня подождите, мастер, завтра я вернусь с новостями. Не уходите со своей земли. Завтра я принесу приказ капитана.

Когда они вернулись, Виторино собрался уходить.

— Я здесь лишний.

— Вы никогда не можете быть лишним, капитан, — сказал ему Алипио.

— Второй раз меня оскорбляют в этом доме.

— Кум, извините меня, но вы не правы. Ну разве можно обижаться на то, что один человек отзывает другого, чтобы поговорить о своих делах?

Виторино ничего не ответил. Обоз скрылся. Паровозный гудок возвестил о том, что идет поезд из Параибы.

— Ладно, кум, я поеду. Солнце начинает клониться к закату, а мне еще нужно поговорить с Лулой де Оланда. Да, кстати, что у вас с ним произошло?

— Он выгоняет меня из энженьо.

— Не может быть!

— Это так, кум.

— Что же вы такого натворили?

— Да ничего. Я думаю, что ему наговорил что-нибудь негр Флорипес. Но эта собака мне еще заплатит.

Мастер стиснул зубы, лицо его помрачнело.

— Кум, этот негр мне за все заплатит. Я с ним разделаюсь.

— Не надо волноваться. Все образуется. Лула чувствует себя оскорбленным. Я с ним потолкую. Можете на меня положиться. Я все улажу. Сейчас же поеду туда. Лула отказывается от поста в палате, который я ему предложил. Просто он бо-

ится Жозе Паулино. Но я с ним поговорю. Как это можно прогнать из дома порядочного человека, который сам зарабатывает себе на жизнь? Я ему скажу все, что я о нем думаю. Виторино Карнейро да Кунья не умеет лицемерить. Он говорит правду в лицо.

Старая ослица размахивала хвостом, отгоняя мух, которые облепили ее круп.

— Отличное животное. Приобрел на ярмарке в Итабайане. Цыган думает, что перехитрил меня. Я отдал ему свою кобылу, а он мне — свою ослицу. Она хорошо бежит и вынослива. Я не променяю ее ни на какую лошадь, даже самую породистую. В дураках остался цыган. У Виторино Карнейро да Кунья есть голова на плечах.

И он громко расхохотался. Порывы ветра раскачивали питомбейру. Пронесся вихрь, поднявший с земли сухие листья. Над дорогой стояло облако пыли.

— Будет дождь, кум. Этот горячий, как из печки, ветер меня не обманет. Ну ладно, я поеду.

И, взгромоздившись на ослицу, которая сгибалась под его тяжестью, капитан Виторино да Кунья уехал. Отъехав уже довольно далеко, он вернулся и сказал мастеру Жозе Амаро:

— Я обязательно поговорю с Лулой, этого нельзя

так оставлять.

Вскоре его новая шляпа скрылась за кажазейрами. Жозе Пассариньо пел:

Сына твоего, сеньора,
Ни за что я не прощу.
Уходи сама отсюда,
А его не отпущу.
Многих он убил в сертане,
И ему я отплачу.
Он за кровь заплатит кровью —
Будет предан палачу.

Это была песня о кангасейро, о том, как его мать просила для сына помилования у президента. Она была готова отдать все: и землю, и деньги, и красивую мулатку, лишь бы освободили ее сына. Была готова на любые жертвы, лишь бы защитить сына, которому суждено было умереть на виселице. А президент отказал ей. Мать обливалась слезами, но суровый президент вершил свое правосудие, и для кангасейро была приготовлена виселица. Мастер Жозе Амаро остановился, чтобы дослушать песню до конца. Вдруг издалека до него донесся крик:

— Кусай Хвост! Кусай Хвост!

В ответ послышался хриплый голос кума:

— Я тебя проучу, сукин сын!

Жозе Пассариньо замолчал. Вечер казался хмурым, погода испортилась, подул сильный ветер. Капитан Карнейро да Кунья был настоящим мужчиной, не то что он, Амаро. Он боялся людей и, опасаясь встречи с ними, не выходил из дома. Они считали его чудовищем. Негр Флорипес плел про него всякие небылицы. Лаурентино болтал всякую чушь. Он остался совсем один, без жены, без дочери, один во всем мире, всеми проклятый. Оборотень... Исчадье дьявола. Эта сволочь хотела смешать его с грязью. А у него не хватало мужества, не хватало решимости выйти из дома и сделать так, как поступил бы кум Виторино, которого он, впрочем, считал глупым неудачником. Жозе Пассариньо подошел к навесу и сказал Жозе Амаро:

— Мастер, я слышал ваш разговор с капитаном. Я сам не много стою, но если надо проучить негра Флорипеса, то охотно это сделаю. Нельзя прощать хамства. Этот негр в сговоре с дьяволом. Мне говорил об этом Маноэл Перейра, который хорошо его знает.

— Занимайся своими делами, Пассариньо. Когда придет время, я сам решу, как поступить.

— Вот увидите, этот негр Флорипес еще заявится сюда, наврет с три короба.

— Пусть только явится! Пусть только явится!

В его желтых глазах вспыхнула ярость. Повысив голос, он добавил:

— Я искромсаю его ножом, как кусок кожи!

Пассариньо в страхе отпрянул от разгневанного мастера.

У двери остановился охотник Маноэл де Урсула.

— Что случилось, мастер, на что это вы разозлились?

— Ничего, сеу Маноэл, ничего.

— Я встретил там внизу капитана Виторино, он сам не свой. Огрел палкой сынишку Шико Прето и едва не раскроил ему голову. Когда Шико Прето вышел узнать, в чем дело, капитан уже спешился и собирался наброситься на мальчишку с кинжалом. Зверь, да и только. В жизни не видел капитана в таком бешенстве. Кое-как я успокоил его. Но эти проклятые мальчишки действительно черт знает что вытворяют!

— Вот именно, сеу Маноэл, куму давно надо было проучить их. Эти паршивцы не дают ему житья. Если бы он проткнул ножом одного из этих негодяев, все бы кончилось.

— Это так. Кстати, он мне сказал, что будет вашим адвокатом в деле с хозяином энженьо. Он очень торопился к полковнику Луле.

— Кум все выдумал. Нет у меня никаких прав. Какой там адвокат — ерунда все это. Владелец энженьо — хозяин земли. Но вот что я вам скажу… хотя лучше помолчу.

— Мастер, я уже не раз вам говорил, что беден. У меня семья, больная мать, и все же я бы этого так не оставил. Мне ясно, что в этом деле замешан еще кое-кто. Все это проделки Флорипеса. Лула де Оланда — выживший из ума старик. Бык с белой задницей. Он ничего не дал Санта-Фе. Во всем виноват этот негр. Знаете, у Лулы есть еще один крестник, негр Жозе Лудовино, тот, что живет в энженьо Санта-Роза; так вот, он сказал мне однажды: «Крестному следовало бы покончить с Флорипесом». Все видят, что с Санта-Фе происходит что-то неладное. Негр все время наговаривает старику, разводит всякие сплетни. Мне даже сказали, что дона Амелия давно бы прогнала подлеца, если бы не боялась огорчить этим мужа. Но вам нельзя страдать из-за того, что Флорипес забивает старику голову всякой ерундой… Этот негр болтал в таверне Салу, что полковник не хочет, чтобы вы оставались в его имении из-за

того, что вы бродите по ночам, как оборотень.

— Замолчите, сеу Маноэл, я старый человек и не желаю этого слушать. Лучше замолчите.

— Мастер, я принес вам кое-какую дичь. Вот какая жирная.

— Большое спасибо, сеу Маноэл.

Жозе Пассариньо взял птиц. Кровь капала на пол. Маноэл де Урсула распрощался и ушел. Наступал вечер. Гром грянул почти над самым домом.

— Кум Виторино был прав, будет сильный дождь.

II

У дверей каза-гранде Санта-Фе остановился возчик с письмом для хозяев энженьо. Сеу Лула позвал дону Амелию:

— Амелия, взгляни-ка, что здесь написано! Какая наглость!

Записка, составленная в ультимативном тоне, была от капитана Антонио Силвино. В ней говорилось, что мастер Жозе Амаро должен остаться там, где он живет, до тех пор пока сочтет это нужным он, Антонио Силвино. Все в доме переполошились из-за этой бумаги. Негр Флорипес винил во всем мастера. Шорник принесет несчастье обитателям Санта-Фе. Старый Лула долго молился в молельне. Никогда не видел он подобной подлости. Дона Амелия, ожидавшая, что муж начнет кричать, удивилась его спокойствию. Он ни с кем не разговаривал до конца дня. На следующее утро сел в коляску и отправился в Санта-Розу, чтобы посоветоваться со старым Жозе Паулино. Тот тоже встревожился. Черт знает что такое! Неужели никто не мог справиться с кангасейро, который хозяйничал в штате, как хотел! Смешно, но факт! Никто ничего не может с ним

поделать. Полковник Лула де Оланда вернулся от соседа совсем спокойным! Дома он не проронил ни слова. Дона Амелия и Ненем решили, что надо уехать из каза-гранде в город. Антонио Силвино в ярости мог натворить бог знает что. Всем известен случай с префектом, командором Кинкой Наполеоном! А что могли сделать они, такие слабые, такие беспомощные? Но он, Лула, никуда не уйдет отсюда. Пусть приходят, пусть поджигают его имение, он не уйдет. А мастер Жозе Амаро пусть немедленно убирается из его энженьо. Он позвал Флорипеса:

— Флорипес!

Негр явился получить приказание.

— Отправляйся к Жозе Амаро и передай, что ему дается три дня на выезд.

Негр вышел из каза-гранде с поникшей головой. Он не станет этого делать. Если мастер увидит его, не миновать беды. Вскоре в Санта-Фе прибыл капитан Виторино. Свою старую ослицу он привязал у мельницы. Он решил поговорить с кузеном о политике. Сеу Лула слушал его враждебно, а затем высказал все начистоту. Он не такой человек, чтобы заниматься обманом. Он не желает вмешиваться в политику, и пусть на него не рассчитывают. Виторино повысил голос,

заявив, что он не какой-нибудь чернокожий и никого не желает просить о помощи. Он не кабра, — Лула глубоко ошибается. Вошла дона Амелия, желая их успокоить.

— Вот что я вам скажу, полковник Лула де Оланда. Ваш двоюродный брат Виторино Карнейро да Кунья здесь не для того, чтобы с протянутой рукой просить подаяния. Я человек, состоящий в партии.

— Капитан Виторино, — вмешалась дона Амелия, — Лула не хотел вас обидеть.

Сеу Лула поднялся и встал в дверях. Он так пристально всматривался в даль, что казалось, кого-то ждет.

— Очень может быть, дона Амелия, но богатые родственники всегда думают, что их бедные родичи приходят просить их о милости. Я приехал по политическому делу. Я не какой-нибудь…

— Успокойтесь, капитан. Вы не правы!

Тут сеу Лула обернулся и так, будто до этого совершенно не принимал участия в разговоре, спросил:

— В чем дело, Амелия? В чем дело?

— То есть как в чем, полковник Лула де Оланда? Я не такой человек, чтобы меня оскорбляли.

— Оскорбляли, капитан?

— Да, сеньор, оскорбляли. Так вот, я приехал сюда, чтобы защищать интересы одного вашего арендатора.

— О каком арендаторе вы говорите?

— Сейчас я вам все объясню, дона Амелия. Когда я проезжал мимо дома моего кума Жозе Амаро, он позвал меня и рассказал о своем деле. Я не адвокат, но я уважаю Амаро, он крестный моего сына.

Лула подошел поближе.

— О чем он говорит, Амелия?

— Он говорит о мастере Жозе Амаро.

— Это бесполезный разговор, совершенно бесполезный, капитан. У себя в энженьо пока распоряжаюсь я!

Виторино встал, его не так просто было напугать.

— Я никому не позволю на себя кричать. Я такой же белый, как и вы, сеу полковник. Меня все уважают.

Дона Амелия побледнела, она боялась за мужа. Два дня он был таким спокойным, таким тихим, а сейчас снова становился прежним Лулой. Капитан Виторино тоже повысил голос.

В дверях появился негр Флорипес, следом за ним подошел кучер Педро; сеу Лула все еще кри-

чал на капитана:

— Убирайтесь вон из моего дома! Здесь распоряжаюсь я. Я — хозяин энженьо.

— Знаете что, кричите на своих негров!

— Убирайтесь вон!

— Нечего на меня кричать! Я ухожу и не говорю все, что я о вас думаю, только из почтения к вашей супруге. Ваша жена заслуживает уважения.

И уже на улице он сказал Флорипесу:

— Не подходи ко мне, негр, не подходи! Первому, кто попадет мне под руку, я продырявлю брюхо. — И, схватившись за кинжал, добавил: — Убирайся с глаз, вонючая скотина!

— Вон из моего дома! — завопил сеу Лула.

— Я не натворю ничего в вашем поганом энженьо только из уважения к доне Амелии! — крикнул Виторино, садясь на ослицу.

Когда он уехал, сеу Лула схватился было за косяк двери. Но припадок, который с ним не случался уже больше года, свалил его. На этот раз он похож был на мертвеца. Дона Амелия и Флорипес отнесли старика в постель.

Виторино ехал по дороге и бранился:

— Трусы! Негодяи!

По дороге он встретил негра Жозе Гедеса из Санта-Розы.

— Добрый вечер, капитан!

— Куда это ты едешь?

— К старому Луле с поручением от полковника.

— Я только что оттуда. Этот Лула накричал было на меня, но ему пришлось в этом раскаяться. Я взялся защищать шорника. Так пусть Лула не надеется, Жозе Амаро никуда не уйдет из своего дома. Со мной шутки плохи. Я уважаю закон, но если мне бросают вызов, я готов его принять. Если бы не кузина Амелия, я проучил бы ее невоспитанного мужа. Виторино Карнейро да Кунья не прощает оскорблений!

— Это так, капитан, однако старик все-таки выкинет мастера на улицу.

— Не говори глупостей. А на что тогда существует капитан Виторино? Я дойду до суда. Я полагаюсь на судью Самуэла, полагаюсь на народ. Этот Лула де Оланда привык избивать негров, он, видно, думает, что рабство еще не отменено.

— Так-то оно так, капитан, но мастеру все же придется уйти.

— Не болтай ерунды, я уже тебе сказал. Того, кто голосует вместе со мной, голыми руками не возьмешь. Пусть прольется кровь, но мастера не выгонят из его дома, как собаку.

— Ну, я пошел, капитан.

— Так и скажи там в Санта-Фе: капитан Витори-но не даст надеть себе ярмо на шею.

Негр уехал на лошади, а капитан отправился по направлению к Санта-Розе на своей старой ослице, которая трусила по дороге мелкой рысцой. Старик размахивал хлыстом и о чем-то громко рассуждал. Вскоре перед ним возникла большая труба энженьо Жозе Паулино. Он хотел было завернуть к нему, но потом решил ехать дальше. В Санта-Розе ему нечего останавливаться. С дороги он увидел полковника Жозе Паулино, который сидел на лавке у крыльца. Виторино снял шляпу, собаки лаяли у его ног. Со двора какой-то мальчишка закричал:

— Кусай Хвост!

Виторино пришпорил ослицу, чтобы скрыться от маленьких негодяев. Все это дело рук Жуки. Не успел он миновать корраль, как навстречу ему попался сам кузен Жука.

— Вы к нам, капитан?

— Послушай, что я тебе скажу. Ты сильно ошибаешься во мне. И слишком молод, чтобы не уважать старших. Я сейчас поздоровался с твоим отцом, — он сидит перед домом на лавке, а тот и не потрудился ответить. Так вот передай ему,

что уж на выборах-то ему придется снять передо мной шляпу.

— Вы, старина, отчаянный человек. Идите сюда, потолкуем немного. Негритянка Женероза готовит отличную кукурузную кашу. Как-то раз она даже сказала: «Как жаль, что тут нет сеу Виторино».

— Нечего ко мне подлизываться. Только что я отчитал Лулу де Оланда, который посмел на меня накричать. Если бы не дона Амелия, я бы выдрал его бороденку. Этот каналья из числа тех моих родственников, которые считают, что мною можно помыкать. Ну ладно, я поехал. Кинка в Энженьо-Ново ожидает меня, чтобы потолковать с глазу на глаз.

— Значит, не хотите попробовать каши Женерозы?

— Нет, угости лучше Антонио Силвино. Вы все только и делаете, что лижете зад этому бандиту. Но полковник Рего Баррос скоро положит этому конец.

И он уехал, размахивая хлыстом.

Вскоре капитан Виторино прибыл в Маравалью. Под тамариндом сидело несколько человек, вышедших подышать вечерней прохладой. Майор Жока, завидев капитана, пригласил его к себе.

— Ну, Виторино, что нового на белом свете?

— Ничего нового, а впрочем…

И он рассказал о своей ссоре со старым Лулой. Старик стал орать на него, но он велел ему заткнуться. Дона Амелия умоляла его ради всех святых, чтобы он не трогал ее мужа. Явились два отвратительных негра, но они даже не решились приблизиться к нему.

— Если бы хоть один из этих хамов посмел слово сказать, я проткнул бы его кинжалом.

Ослицу капитана привязали к дереву, и он остался ночевать. На рассвете капитан Виторино двинулся в Пилар. Он взялся защитить кума и вызволит его из беды. День выдался пасмурный. У истоков реки Корредор его окружил какой-то отряд. Это были полицейские лейтенанта Маурисио, направлявшиеся в Пилар. Лейтенант спросил его, откуда он едет и не слышал ли что-нибудь об Антонио Силвино. Виторино дерзко ответил:

— Лейтенант, зря вы тут ищете. Как раз в этих местах гонялся за кангасейро и майор Жезуино, но так никого и не поймал.

— Это не твое дело, старик.

— Я — капитан Виторино Карнейро да Кунья.

— А мне наплевать, кто ты такой!

— Зато мне не наплевать.

— Эй ты, послушай, лучше отвяжись, да проваливай подобру-поздорову!

— Я сам знаю, что мне делать, лейтенант.

— А ну заткнись, старая скотина!

— Вы меня замолчать не заставите, лейтенант. Виторино Карнейро да Кунья привык говорить, что думает.

— На этот раз тебе придется отказаться от своей привычки.

— Уж не вы ли собираетесь заставить меня замолчать? Еще не родился такой человек…

— Тебе, видно, жить надоело, старик?

— Я хочу, чтобы вы покончили с Антонио Силвино.

— Капрал, возьми-ка этого старика.

— Лучше бы ты взял кангасейро!

Виторино соскочил на землю и выхватил кинжал. Но полицейские окружили его и отобрали оружие. Виторино не унимался:

— Дерьмовый лейтенант!

Виторино наотмашь ударили по голове, кровь потекла с его широкого лба.

— Вяжите этого старика, мы свезем его в Пилар в тюрьму.

Отряд отправился дальше, капитан Виторино Карнейро да Кунья, крепко связанный веревкой,

сидел на старой ослице, которую безжалостно хлестали кнутом. По лицу капитана стекала кровь. Розовый свет зари окутывал сахарный тростник, колыхавшийся на ветерке. Полицейские сопровождали капитана, как опасного зверя, которого с трудом удалось укротить. Люди выходили поглазеть на зрелище и возмущались, увидев связанного старика, который не способен был убить даже мухи. Виторино нарочито громко выкрикивал:

— Эти сволочи мне еще заплатят!

Те самые мальчишки, которые дразнили его «Кусай Хвост», с недоумением смотрели на эту процессию. Когда отряд проезжал мимо Санта-Розы, старый Жозе Паулино вышел посмотреть, что случилось. Увидев кузена связанным, он рассвирепел:

— Это еще что за новость, сеу лейтенант? Вы знаете, кто он такой?

— Полковник, этот старик оскорбил меня. У меня есть приказ начальника не разрешать вмешиваться никому в дела полиции.

— Так и ловите кангасейро. А это мой кузен Виторино — он еще никому не причинил зла!

— Я везу его в Пилар. Пусть полицейский комиссар сам решит, что с ним делать.

— Лейтенант, этот человек — мой дядя.

— Я знаю, доктор Жука, полковник уже сказал мне об этом. Но я все же должен посадить его в тюрьму.

Тут Жозе Паулино не выдержал:

— Жука, поезжай с Виторино. Это же черт знает что такое!

Виторино закричал:

— Не смейте! Я не хочу покровительства!

Капитан Виторино Карнейро да Кунья поехал дальше в сопровождении племянника. Веревки, которыми были связаны его руки, развязали. На обочине дороги собирались люди, чтобы посмотреть на старика, которого, если верить слухам, отряд арестовал из-за Антонио Силвино. Перед домом мастера Жозе Амаро стоял обоз с пустыми бочонками из-под кашасы. Мастер вышел узнать, что произошло с кумом. Виторино, увидев его, тут же принялся разглагольствовать:

— Вот так-то, кум. Чтобы арестовать меня, понадобился целый батальон.

Старая ослица едва плелась. Когда они скрылись за поворотом, Алипио сказал мастеру:

— Я встречусь с отрядом Антонио Силвино в Круматау. Эта история со стариком может боком выйти лейтенанту Маурисио.

— У него большая сила.

— Это так, мастер, но хозяин Санта-Розы тоже имеет кое-какой вес. Полицейские забрали старика ради забавы, но все-таки кровь есть кровь, придется им ответить.

— Что полковник Жозе Паулино может сделать против полиции? Если бы это был доктор Кинка из Энженьо-Ново, дело обернулось бы для Маурисио плохо. А полковник Жозе Паулино вряд ли станет ссориться с властями. Виторино избили, а никому ничего за это не будет. Вот увидите.

Подходили люди. Алипио двинулся в путь. Сыновья старого Лусиндо и другие обитатели энженьо уже знали обо всем. Капитан Виторино оскорбил лейтенанта. И полковник Жозе Паулино послал сына, чтобы вызволить капитана из беды.

— Мастер, чем кончилась ваша тяжба с полковником Лулой? — спросил один из парней.

— У меня нет никакой тяжбы. Просто он велел мне убираться отсюда, а я не ухожу. Вот и все. Пусть попробует выгнать меня. Есть еще сила на свете, которая может воспрепятствовать этому.

— Вы взяли себе адвоката, мастер?

— У меня на это нет денег. Он не имеет права выгонять меня, а раз у него нет на это права, мне

нечего бояться.

— Флорипес сказал мне, что полковник Лула очень болен. Говорят, это со злости. Похоже, что один человек прислал хозяину энженьо приказание.

— Какой человек?

— Вы еще спрашиваете? Антонио Силвино. Негр сказал мне, что он требует от полковника денег. Кто-то донес капитану Силвино, что у старика припрятано золото.

— А почему же тогда полковник Лула не схватит капитана?

— Куда ему! Хозяин энженьо храбр только с такими людьми, как мы с вами.

— Это так, мастер, и все же, судя по тому, как действует лейтенант, дело обстоит не так просто. Капитану Силвино надо держать ухо востро.

Появилась старая Адриана. Ей уже рассказали в Ойтейро о драке ее мужа с солдатами.

— Он ранен, кум?

— Не могу вам сказать точно. Они тут не останавливались. Но, говорят, кума здорово избили.

— Совести у них нет. Избить такого человека, как Виторино! Я молю бога, чтобы капитан Антонио Силвино отомстил им.

Старая Адриана заплакала. Наконец она взяла

себя в руки и стала прощаться:

— Я иду, кум, в Пилар. Синья осталась в нашем доме хозяйничать. Теперь, когда Виторино арестовали, я попрошу куму задержаться у меня еще на несколько дней.

Арест Виторино вызвал в Пиларе шум. Муниципальный судья доктор Самуэл заявил свое несогласие. Лейтенант ответил, что Виторино нанес ему оскорбление. Доктор Жука отправился на станцию послать телеграмму протеста от имени отца в Параибу. Отряд полицейских разбил бивак на базаре; лейтенант не собирался уступать. Старик должен пробыть в заключении сутки. У Маурисио был приказ действовать решительно. Он не может допустить, чтобы его так дискредитировали. Впервые в Пиларе вспомнили о Habeas corpus[46]. Судья заявил, что требует немедленного выполнения этого закона. Лейтенант разозлился. И заявил, что отвезет старика в Итабайану. В поселок съехались хозяева многих энженьо. Эти сеньоры прибыли для того, чтобы добиться освобождения Виторино. Все желали добра несдержанному на язык, безобидному старику, который почти с детской наивностью

---

[46] Примечания: 46
Habeas corpus — закон о неприкосновенности личности (*лат.*).

говорил все, что взбредет ему в голову. Смешно было наказывать его за это. После полудня на телеграфе получили депешу на имя лейтенанта. Начальник полиции приказал переправить арестованного в столицу штата.

Виторино отправили на двухчасовом поезде. С ним поехали доктор Жука, Энрике и Аугусто из Ойтейро. Все хотели сопровождать старика. Садясь в поезд, Виторино обнял плачущую жену и сказал:

— Перестань, жена. Тюрьма предназначена для мужественных людей. Меня могут убить, но не сломят.

К моменту отхода поезда на станции собралось множество зевак, желавших поглазеть на арестованного. Все удивлялись, с каким мужеством держался Виторино да Кунья. Этот человек никогда не пользовался уважением у людей, но и никого не боялся. Старая Адриана вернулась домой, немного успокоившись. Она видела, что вместе с мужем поехали его родственники. Однако лейтенант Маурисио чувствовал себя в поселке королем. И местного полицейского комиссара и префекта он ни во что не ставил. Оставшийся на базаре отряд терроризировал жителей Пилара. Обнаружив при обыске в доме одного человека в

Рикрейро остатки товаров командора Наполеона, полицейские избили его и увели в тюрьму. На следующий день они отбыли в направлении Итабайаны. Народ с облегчением вздохнул.

В газете «Норте» появилась статья, осуждавшая произвол, допущенный лейтенантом, который подверг избиению мирного гражданина, капитана Виторино да Кунья. В следующем номере газеты появилось опровержение. Виторино потребовал от редактора, чтобы тот рассказал все, как было на самом деле. Никакого избиения не было. Его ранили, когда он вступил в драку с лейтенантом, который хотел унизить его. К тому же он оказал сопротивление при аресте. Он считал, что все эти преследования связаны с его политической деятельностью, с тем, что он выступал в оппозиции к нынешнему правительству, поддерживая кандидатуру Рего Барроса.

И пусть это правительство знает, что нет такой силы, которая заставит Виторино свернуть с этого пути. Он и все избиратели будут голосовать за кандидатов оппозиции, чтобы спасти Параибу от дальнейшего произвола сеньоров.

Это опровержение было встречено в Пиларе как еще один смелый поступок старика. Весть о насилии разнеслась по всему штату. Об этом

деле заговорили газеты Ресифе. На порядочного человека, землевладельца в Параибе, напал полицейский отряд за то, что тот выступил против существующего порядка. Наконец-то сбылась мечта Виторино. Из столицы он вернулся как известный политический деятель. Разговаривал со всеми свысока. Полковник Рего Баррос послал ему из Рио телеграмму, в которой одобрял его мужественное поведение. Он будет вознагражден после того, как они одержат победу. Виторино вел агитацию среди избирателей. Во всех энженьо его встречали с улыбкой. Но все же обещали ему свои голоса. По его расчетам, весь округ будет голосовать так, как необходимо ему, Виторино. Даже Жука из Санта-Розы решил поддержать его кандидатов. Старый Жозе Паулино будет в бешенстве — на сей раз он провалится на выборах. Однако Виторино нужно еще уладить дело кума Жозе Амаро. Он поговорил с судьей, но доктор Самуэл не нашел способа заставить полковника Лулу отказаться от своего намерения. И все же он, Виторино, сумеет все уладить. Он не станет больше разговаривать с этим Лулой де Оланда, который так безобразно с ним обошелся. Виторино уже успел после возвращения из столицы повидать Жозе Амаро и убедился в том, что тот

не собирается уходить из своего дома.

— Да, кум, пока я жив, я отсюда не уйду. Найдется управа и на старого Лулу.

Дона Синья вернулась домой. Тут ничего не изменилось. Свиньи в хлеву, куры, кусты жасмина, деревья кардейро на дороге, кажазейры, козел — все у Жозе Амаро было на своем месте. Если бы не болезнь дочери, то все было бы как прежде. Виторино видел, что кум доверяет ему. Мастер человек солидный, не какой-то там бродяга. У него есть голос, и его уважали большие люди.

— А Лула де Оланда все еще бесится?

— Кто его знает, кум. Во всяком случае, я твердо решил остаться здесь. Старик думал, что криком заставит меня убежать. Но я не муха, меня не так-то просто спугнуть.

Дона Синья подошла справиться о здоровье кумы.

— Хорошо. Адриана прямо вся сияет. Малый написал, что на днях приедет домой. Он получил военное звание и теперь даже подумывает перевезти нас в Рио. Если старуха решит поехать, пусть едет. Но я отсюда никуда не тронусь. Должен же я довести борьбу до конца.

— На вашем месте, кум, я бы все же уехал вместе с парнем. Тут ведь остаются только те, кому

больше некуда деваться. Эх, будь у меня сын, я уже давно бы выбрался из этого захолустья.

Разговор о сыне затронул больное место мастера. Он сразу же осекся и переменил тему. Старый Виторино тоже замолчал; в доме стало тихо. Только на скотном дворе блеял козел.

— Пассариньо, покорми скотину!

Появился негр.

— Добрый день, капитан Виторино.

— Добрый день.

— Нет ли у вас, капитан, такой сигаретки, как в тот день?

— Нет у меня сигарет для бродяг.

— Жестокий вы человек!

— Пойди дай козлу кукурузы, Пассариньо.

— Иду, сеу мастер. Капитан, дайте негру сигаретку!

— На!

И Виторино высыпал полпачки сигарет на землю. Затем, обращаясь к мастеру, сказал:

— Когда я был в столице, доктор Лима Фильо подарил мне коробку сигар. Какие сигары, кум! Я закурил в поезде, а один болван из Итабайаны, некий Менезес, даже спросил, не с Кубы ли я. Потому что в вагоне запахло дорогими духами. Я ему ответил: «Видишь ли, парень, я курю эти

сигары просто потому, что у меня есть приятель, который ими торгует». Эти люди еще увидят, что капитан Виторино наделает в политике.

— А как лейтенант Маурисио, кум?

— Не говорите об этой собаке. В столице я узнал, что он ставленник президента. Ну и пусть бесится. В столкновении со мной он смог убедиться, что имеет дело с настоящим мужчиной. Жозе Паулино ходит перед этим фурриэлом[47], поджав хвост, но меня-то он не испугает.

Послышался колокольчик кабриолета.

— А вот едет голоштанный король, — сказал Виторино.

Кабриолет проехал мимо дома мастера. Тощие клячи тащили его из последних сил, подгоняемые неутомимым кнутом кучера. Семейство владельца Санта-Фе ехало на майское богослужение в Пилар.

— Этот болван думает, что сумел справиться со мной. У Жозе Паулино девять энженьо, каждое из них приносит огромный доход, и все же он относится ко мне с уважением. А паршивый заводишко в Санта-Фе гроша ломаного не стоит.

Звон колокольчиков еще слышался в тишине

---

[47] Примечания: 47

Фурриэл — старинное бразильское воинское звание, среднее между офицером и сержантом.

унылого вечера. Капитан и мастер замолчали. Дона Синья загоняла кур; собаки старого Лусиндо отчаянно лаяли, точно выследили дичь.

— Уже становится поздно, кум. А мне надо сегодня добраться до доктора Самуэла, потолковать с ним о всяких политических делах. Аугусто из Ойтейро заверил меня, что в его округе все будут голосовать за полковника Рего Барроса. Если я вам вдруг понадоблюсь, дайте мне знать. Лула де Оланда приперт к стене. Он хорошо знает, на что я способен. Если Виторино Карнейро да Кунья за что-нибудь взялся, он своего добьется.

— Это верно, кум. А когда приезжает ваш сын?

— Понятия не имею. Это знает старуха. Но как только он приедет, сразу же явится сюда, чтобы получить благословение крестного. До свиданья, кума!

Дона Синья выглянула из окна, чтобы проститься с Виторино.

— До свиданья, кум, передайте куме Адриане, что я ее жду, она обещала зайти.

— Что слышно о вашей девочке?

Синья согнулась, точно от порыва ветра, и еле слышно ответила:

— Ничего нового, кум.

С наступлением вечера дом мастера Жозе

Амаро погрузился в темноту. На озере квакали лягушки, река разлилась после дождей. В комнате, заваленной обрезками кожи, стоял сильный запах. Мастер и Синья молчали. Один лишь Жозе Пассариньо, сидя под питомбейрой, потихоньку напевал:

Конец именью Масангана!
Там нынче прахом все идет.
Там третий год тростник не давят,
Не варят сахар третий год.

Мастер чувствовал себя совершенно здоровым. Жена с ним не разговаривала. С той минуты, как Синья вернулась от кумы, она только и делала, что занималась хозяйством. Муж для нее не существовал. И все же он понимал, что к нему возвращается жизнь. Теперь Амаро был уверен, что не покинет свой дом. Около девяти часов вечера послышался звон колокольчиков кабриолета, возвращавшегося из Пилара. Они наполнили ночь мягкой музыкой. Долго еще до Жозе Амаро доносились эти удалявшиеся в сторону Санта-Фе звуки. Энженьо Масангана три года не приносит дохода, говорилось в песне Пассариньо. Это не совсем так. Раз был хозяин энженьо, то, как бы там ни было, все шло своим чередом. Все энженьо

приносили доход. Энженьо Санта-Фе каждый год давало урожай. Оно все еще жило. Вот энженьо Комиссарио и Варзеа-де-Синза в районе Итамбэ прекратили работу — это верно. А сахароварня Санта-Фе еще действовала, лошади по-прежнему все еще вращали жернова, и он, мастер Жозе Амаро, жив. И полковник Лула не сможет выгнать его. Тем более что Алипио сказал: «Мастер, никуда не уходите». Кум Виторино думает, что все дело в нем. Что это он нагнал страху на полковника. Но существует сила более значительная, чем хозяева энженьо. И эта сила сломила волю старого Лулы. Жозе Амаро не спалось. Что он мог сделать против приказа капитана Антонио Силвино? У мастера ничего не осталось — ни дочери, ни жены, но землю, которую освоил еще его отец, он не отдаст никому. У него не отнимут эти кусты жасмина, питомбейру, заливные луга у реки. Сон к нему не шел. Он распахнул дверь, и запахи земли, деревьев, всего, что его окружало, придали ему силы. Жозе Амаро вышел из дому. Уже несколько дней он не решался выходить. И вот снова у него возникло необоримое желание бродить по дорогам, скрываясь в ночи, как в большом и надежном убежище. Жена, должно быть, уже спала. Негр Пассариньо пошел туда, где тан-

цуют коко. Жозе Амаро казалось, будто он один во всем мире и мир этот принадлежит только ему. И не было в нем, окутанном тайной ночи, никакого хозяина энженьо. Мастер глубоко вдыхал в себя ночной воздух, полный ароматов, исходящих от земли, точно от благоухающего сада. Все это принадлежало ему. Зеленая плантация сахарного тростника Санта-Розы, раскинувшаяся на влажном глиноземе, казалось, не имела хозяина. Ночь все дарила ему. Мастер пошел по тропинке, ведущей к железной дороге. Река с глухим шумом катила свои воды по камням. Полые воды залили зеленые острова. Камыши гнулись под яростным натиском половодья. Мастер уселся на высоком берегу и задумался. В эту минуту он забыл обо всем: и о полковнике Луле, и о жене, и о болезни дочери. С той стороны реки послышались голоса, и они пробудили его от забытья. Он увидел группу людей. Сначала подумал, что это полицейские Маурисио, но вдруг до него отчетливо донесся чей-то голос:

— Лодка есть только в Санта-Розе. Алипио, наверное, уже там.

Мастер стоял, не двигаясь, и дрожал от волнения. Он догадался, что это люди из отряда капитана и им надо переправиться через реку.

Затаив дыхание, он стоял ни жив ни мертв. Малейшее движение — и они, не зная, кто здесь, могли выстрелить. Вскоре они ушли в каатингу. Теперь мастер мог спокойно возвращаться. Капитан бродил по долине. Без сомнения, он собирался переправиться через реку, чтобы добраться до Круматау. Ничего не видя в темноте, мастер даже не заметил, как перед ним вырос человек.

— Кто идет? — послышался возглас.

— Это я — мастер Жозе Амаро.

— Добрый вечер, мастер.

— Кто это?

— Тиаго.

— Простите, я в темноте вас не узнал.

— Слепой Торкуато заходил в Санта-Розу и рассказал, как избили капитана Виторино. Похоже, что лейтенанта Маурисио отозвали. Вчера в Итабайане полицейские сошли с поезда и направились в город. Капитан Силвино где-то здесь поблизости. У меня к нему даже было поручение. Дело в том, что полковник Но Боржес хочет с ним поговорить, чтобы капитан не обижал хозяина Санта-Фе.

— Сеу Тиаго, старый Лула поссорился со мной. Капитан Силвино до сих пор оказывал мне покровительство. Но, как видно, теперь мое дело

плохо. Ведь полковник Но в хороших отношениях с капитаном Силвино.

— Ну что ж, сеу мастер, тогда я должен помочь. Вот и не передам я капитану поручения.

Мастер Жозе Амаро не ответил. Тиаго продолжал:

— Я тороплюсь в Круматау. Иду, чтобы встретиться с кангасейро на фазенде старого Мальейроса. Мне надо передать капитану Силвино деньги, которые ему посылают торговцы Инга. Кабры хотели было увильнуть от своих обязательств. Но когда им стало известно, что произошло в Пиларе, они сразу же присмирели. Я иду туда пешком. Алипио где-то здесь недалеко. А вы, мастер, будьте спокойны. Я ничего не скажу капитану.

И он ушел. Мастера Жозе Амаро разволновала эта встреча. От его решимости не осталось и следа. Выходит, хозяин энженьо может найти защиту у человека, которого он считал единственным защитником маленьких людей. Достаточно было одной просьбы полковника из Можейро — и он пропал. Возле дома старого Лусиндо на него набросилась собака. Он схватил палку и изо всех сил, точно это был его смертельный враг, ударил пса по голове. Он сорвал свое зло на несчастном животном. Послышалось приглушенное

рычание, предсмертный хрип. Неужели он убил его? Мастер поспешил прочь. И тут нос к носу он столкнулся с негритянкой Маргаридой. От неожиданности она отскочила в сторону. Луна освещала своим мертвенным светом все вокруг. Узнав мастера, негритянка в страхе бросилась бежать. Оборотень… Пропавшее было горестное чувство снова вернулось к Амаро. Оно было хуже проклятья. Почему именно его, добропорядочного семьянина, люди заставляли так страдать? Эта дура, верно, решила, что он бродит тут для того, чтобы напиться человеческой крови. Если бы он мог поймать этого негра Флорипеса, он бы отомстил ему за все.

Еще издали мастер заметил, что в его доме горит свет. Он забеспокоился. Что бы это значило? Оказывается, встревоженная кума Адриана зашла к Синье. Она рассказала, что к ним домой приходили двое полицейских из Пилара. Виторино напал на полицейского инспектора Жозе Медейроса возле дома судьи и потом скрылся. Доктор Самуэл сказал, что Виторино ушел через двор по направлению к Энженьо-Вельо. Полицейский инспектор накричал на судью и обвинил его в том, что он покрывает нарушителя порядка. Виторино скрылся вовремя. Отряд повсюду

разыскивал его. Полицейские сказали, что майор Жозе Медейрос твердо решил арестовать старика. Мастер Жозе Амаро хотел успокоить куму, но он не сумел найти подходящих слов. Он чувствовал себя бессильным, и ему хотелось остаться одному: никого не слышать, никого не видеть. Женщины проговорили до поздней ночи. Едва начало светать, кто-то постучал в дверь. Это был капитан Виторино.

— Ну, ну, хватит, я приехал сюда не для того, чтобы слушать твое хныканье. Где кум?

— Что случилось, кум Виторино?

— Да ничего. Все это чепуха. Я беседовал с доктором Самуэлом, когда по улице мимо нас прошел Жозе Медейрос. Мне нет дела до того, что он ко всем относится с неприязнью. Но он прошел мимо меня и не поздоровался. Тогда я ему сказал: «Эй, сеу Медейрос, почему вы не здороваетесь?» Он буркнул в ответ какую-то грубость. «Уж больно вы расхрабрились, Жозе Медейрос. Сначала выстирайте подштанники, которые вы замарали при налете кангасейро». Он подскочил ко мне и замахнулся кулаком. Я поднял хлыст и стегнул его по лицу. Да, да, прямо по лицу! Тут откуда ни возьмись передо мной вырос капрал с револьвером в руке и уже собирался наброситься

на меня. Но я закричал ему: «Эй ты, вояка, если промахнешься, то продырявлю тебе брюхо!» И выхватил из ножен кинжал. Тут доктор Самуэл втолкнул меня в дверь своего дома. Я хотел было снова выйти и проучить каналью. Но жена судьи стала умолять не делать этого. Когда наступила ночь, я ушел от них. В Энженьо-Вельо мой кузен Жозе Мело хотел послать со мной двух кабр с ружьями. Но я ему сказал: «Кузен, Виторино Карнейро да Кунья не нуждается в телохранителях». И вот я здесь. Вы слышали, к нам домой приходили полицейские?

— Да, кума говорила мне.

— Жаль, что меня там не было, я бы встретил этих собак кнутом.

— Ты с ума сошел, Виторино! — воскликнула дона Адриана.

— Заткнись, старая корова! У меня есть своя голова на плечах и самолюбие. Ты что хочешь, чтобы твой муж пришел домой оплеванным? Ты этого хочешь? Так знай, этого никогда не будет!

— Но ведь приезжает твой сын, Виторино. Неужели ты так и не угомонишься?

— Сын не простит мне трусости! Я еду в Пилар. Сейчас же. Когда дело дойдет до того, что какой-то Жозе Медейрос испугает Виторино Карнейро да

Кунья, значит, миру пришел конец! И вот что, жена, я приехал за тобой. У меня из дома никто еще не убегал из страха перед полицейскими. Поехали обратно.

— Пусть кума у нас переночует.

— Ну что ж, это ее дело. Она не девочка, я не собираюсь ею командовать. Но я уезжаю.

— Я поеду с ним, кума Синья. Этот человек неисправим.

И они уехали. В доме мастера снова наступила тишина. До утра оставалось недолго. Шумела река, протекавшая по камням. На дороге показались люди. Они шли в Сан-Мигел на воскресный базар. Появился Пассариньо, напевавший пьяным, тягучим голосом:

Конец именью Масангана!
Там нынче прахом все идет.
Там третий год тростник не давят,
Не варят сахар третий год.

Мастер подошел к двери и выглянул; на холодном утреннем небе появились алые полосы.

— Добрый день, мастер Жозе, — нерешительно поздоровался негр, — вы знаете, капитан Виторино разбушевался в Пиларе и даже сцепился с полицейским инспектором.

III

Оппозиционная газета писала о преследовании полицией капитана Виторино Карнейро да Кунья. В то время как кангасейро разоряли штат, правительство допускало, чтобы нарушалось спокойствие честного и мирного гражданина, человека твердых убеждений, для которого интересы края были превыше собственных. Статья восхваляла гражданское мужество пиларского политического деятеля, сторонника кандидата оппозиции. Авторитет Виторино возрастал. Судья доктор Самуэл доставлял ему заметки, которые Виторино посылал в газету «Норте». Они разоблачали деятельность префекта, злоупотребления полицейского комиссара, критиковали полковника Жозе Паулино. Руководителем новой политики в Пиларе считался бывший полицейский комиссар Амброзио, ветеран либеральной партии, которому поручили пропагандировать в этом муниципальном округе кандидатуру полковника Рего Барроса, однако душою движения был, в сущности, капитан Виторино. Он сам повсюду говорил, что у них нет руководителя и все переговоры в столице ведет он. Никто лучше него

не разбирался в политике. Свою политическую деятельность Виторино начал еще во времена монархии. В базарные дни он толкался среди людей, критикуя противников, стараясь привлечь избирателей на свою сторону. Говорил, что налоги, которые собирала палата, идут на то, чтобы набить брюхо налоговым инспекторам, что люди Пилара — вьючные животные, что улицы плохо мощены, все в рытвинах, освещение убогое, в то время как префект Кинка Наполеон построил себе особняк в Ресифе. Всему виною был полковник Жозе Паулино, который хотел превратить поселок в свалку мусора. Пилару нужен человек, который уделял бы ему больше внимания. Генерал Дантас Баррето уже давно разделался в Пернамбуко с корыстолюбивыми людьми. Там нет больше воров, каковыми являются финансовые инспектора Пилара.

Еще одна новость подогрела политический пыл капитана. Его сын Луис сообщил в письме, что собирается приехать в Параибу навестить своих родителей. Он появится в форме младшего офицера морского флота. Старая Адриана, плача от счастья, расцветала, точно дерево от первых лучей солнца. К ним в дом возвращался сын, сложившийся человек, имевший звание офицера.

Капитан решил встретить его в столице. Сын не какой-нибудь бездельник. Правда, он не носил докторского кольца[48]. Но что толку от такого человека, как Жука из Санта-Розы, который получил диплом? А чего стоил Жоан Линс из Итайпу, который отполировал своим задом скамейки Академии права и все же остался неучем? Таким докторам грош цена! У Луиса, по крайней мере, было звание, он офицер. Все знали, что он служит во флоте. Даже «Норте» поместила сообщение о его прибытии. Приезд Луиса в убогий дом отца был целым событием. Виторино забыл на время о политике и занялся приготовлениями к встрече. Когда он увидел сына в синей форме с золотыми пуговицами, с нашивками, в фуражке с золотой канителью, Виторино был потрясен: так величествен был Луис. И это его сын! Кузен Аугусто из Ойтейро одолжил молодому человеку лошадь с седлом и сбруей, чтобы тот мог выезжать на прогулки, пока живет дома. В доме Виторино началась новая жизнь. У сына было много новостей. Граммофон наигрывал польки, вальсы и романсы. Люди приходили издалека, чтобы послушать говорящую машину, которая нарушала тишину

[48] Примечания: 48

Докторское кольцо — символ ученой степени доктора, которая в Бразилии присваивается тем, кто окончил высшее учебное заведение.

селения. Виторино разъезжал вместе с сыном из энженьо в энженьо, с гордостью показывая молодого офицера. Он молчал, чтобы слушать, как говорит сын. Старик выглядел теперь другим человеком. Мальчишки из соседних энженьо больше не дразнили его. Он восседал на своей старой ослице, а рядом с ним ехал сын в нарядном кашемировом кителе, и все удивлялись его элегантности, его манере держаться, говорить. А ведь это был сын того старика, которого они так травили. В день приезда Луис навестил мастера Жозе Амаро, чтобы получить благословение крестного. Он привез в подарок шорнику костюм из черного кашемира, чем его очень растрогал.

— Это чтобы вы в нем отправились в суд, крестный.

— Большое спасибо, мальчик. Он пригодится мне для похорон.

И при этом на глаза у него навернулись слезы.

Луис, как мог, подбодрил старика, рассказал ему о своей жизни, о плаваниях, о местах, где он побывал. С неделю все здесь было для него ново. Но скоро все наскучило. Отец только и делал, что показывал его, как диковинного зверя. Ему рассказали о схватке Виторино с полицейским инспектором. Луис понимал страдания матери.

Однажды он поделился с ней своими планами — сказал, что намеревается увезти ее в Рио. Они могли бы жить там вполне прилично на его заработок. Жениться он не собирался. Моряку, который надолго уходит в море, семья не нужна. Вот он и решил взять к себе мать. Да и старик мог тоже поехать. Виторино, узнав об этом плане, выразил свое неудовольствие. Ему не хотелось покидать родные края, переезжать куда бы то ни было. Хотя бы в королевские покои. Адриана, если хочет, пусть едет. Она ведь живет только ради сына. А он не мог покинуть своих политических соратников. Это было бы на руку Жозе Паулино. Нельзя ему в самую трудную минуту удирать. Он поссорился с сыном. И опять капитан Виторино стал хмурым, вздорным и, как всегда, одиноким. Собственно, и раньше он никогда не был близок сыну. Родила его старуха, пусть с ним и едет. Он же ни за что отсюда не тронется. И Виторино стал обсуждать с друзьями полученное от сына предложение. Луис надумал сделать его компаньоном в одном торговом деле. Но Виторино не допустит, чтобы политика в Пиларе перешла в руки бездарных людей. Негодяй Жозе Медейрос просто мечтает отделаться от Виторино — ведь только этот неугомонный капитан способен

нагнать на него страху. Как-то вечером, когда сын уехал в гости в Санта-Розу, старик крепко разругался с женой. Началось с того, что Адриана встретила его с недовольным видом. Он уже знал ее манеру.

— Старуха, что с тобой, черт возьми?

— Хватит надо мной издеваться!

— Если это ревность, то могу тебя успокоить — мое время кончилось.

— Виторино, — закричала на него жена, — когда ты перестанешь возиться с этими дьяволами? У тебя же сын офицер, перестань его позорить!

— Это я его позорю? Ты что же думаешь — мое звание капитана значит меньше, чем чин Луиса? И если уж сравнивать, то я в военное время командую целым отрядом.

— Пора уж тебе образумиться!

— Заткнись, старая корова! Бесись из-за своего сына. Но учти, что в доме пока что распоряжаюсь я.

И он пошел седлать ослицу. Прежде чем уехать, он все же подошел к жене и сказал:

— Так вот, я уезжаю в Итамбэ. Если тебе не нравится здешняя жизнь, забирай свое барахло и уезжай, но не вздумай присылать мне писем.

Старая Адриана размышляла, почему ее муж

так разозлился. Она уже жалела, что заговорила с ним о переезде в Рио. Ведь он совсем ребенок, ведет себя как мальчишка. Давно она обещала доне Амелии зайти в Санта-Фе. Надо сходить туда утром. Как раз завтра Луис собирается съездить в столицу штата узнать насчет билетов, вот она и воспользуется этим, чтобы откликнуться на приглашение доны Амелии. Больше трех месяцев она не бывала там. Каза-гранде показалась ей еще более унылой. Дона Амелия стала жаловаться на кума Жозе Амаро, а Адриана в ответ приняла его защищать. Переубедить дону Амелию было невозможно. Так уж устроен мир. Когда сюда приехал отец мастера, бежавший из Гойаны, его приняли в Санта-Фе с распростертыми объятиями. А теперь вот его сын Жозе Амаро совсем обнаглел. В свое время хозяйка энженьо не приняла необходимых мер, потому что боялась огорчить Лулу. Она могла бы обратиться к своим родственникам в Инга, те бы сумели положить конец этому безобразию. Но Луле это было бы неприятно. Он не любит, когда вмешиваются в его дела. А между тем он так болен, что уже не в состоянии ничего делать. Дона Амелия считала этот случай возмутительным. Выходит, хозяин энженьо не имеет права распорядиться на своей

земле так, как он считает нужным. Дона Амелия рассказала о письме капитана Антонио Силвино. Лула говорил с владельцами соседних энженьо, и все они в один голос посоветовали ему повременить с ответом. Ни к чему раздражать капитана. А мастер Жозе Амаро и не собирается уходить из энженьо, хотя она слышала, что полковник Жозе Паулино предлагал ему переехать в одно из его имений в Итамбэ. Мастер не уезжает из Санта-Фе назло хозяину энженьо. Когда дона Амелия ушла, старая Адриана приступила к работе. На кухню заглянула дона Оливия с таким видом, будто она кого-то искала, пристально посмотрела в угол и повернула назад, не переставая что-то бормотать. Негритянка-кухарка, которую дона Адриана раньше никогда тут не видела, подошла к ней поговорить. Она, мол, боится оставаться здесь. В доме какая-то тайна. Комнаты пропахли ладаном, потому что люди здесь постоянно молятся. Старик припадочный, а девушка все время молчит, точно воды в рот набрала. Только дона Амелия выглядела здесь нормальным человеком. Никогда еще кухарка не видела ничего подобного. Она перебралась из Итамбэ в Ойтейро, потому что не могла там поладить с другой кухаркой, Агостиньей, которая постоянно напивалась.

Кончилось тем, что она нанялась в Санта-Фе, а теперь ей некуда идти. Она проработала тут два месяца, но, видно, все же удерет и отсюда. Все, что здесь творится, ей не по душе. Негр Флорипес держится на равной ноге с хозяевами. Старик в нем души не чает, носится с ним, как с писаной торбой. Даже ею негр командует. Нет, она долго тут не выдержит. И спросила, не знает ли дона Адриана места, где нужна кухарка.

— В этом доме почти не едят, сеньора. Никогда я еще не видела такой бедности. Говорят, что это все ради экономии. Нет, это не каза-гранде большого поместья.

После полудня, закончив работу, дона Адриана стала собираться домой. Дона Амелия предложила ей взять пару курочек и снова заговорила о мастере Жозе Амаро. Он добьет ее мужа. При этом она не преминула вспомнить Домингоса, который уморил ее отца. И сказала, что теперь этим же занимается мастер Жозе Амаро. Дона Адриана заговорила с ней о куме Синье. Рассказала, какая она добрая, какая несчастная женщина, у нее дочь сошла с ума и отправлена в больницу. На это дона Амелия ответила, что жену она вовсе не винит. А вот мастер Жозе Амаро — человек с дурными наклонностями. Флорипес говорил ей,

что люди боятся его. Ей не хотелось бы прослыть невежественной, но она начинает верить рассказам людей. Ведь его отец был убийцей. Лула всегда старался не замечать Жозе Амаро. Если бы мастер не стал болтать бог знает что об его дочке, Лула никогда не стал бы выгонять его из дома. Но этот бессовестный человек имел наглость говорить гадости о Ненем.

— Не может быть, дона Амелия, это просто сплетня. Кум совсем не таков.

— И все же это правда, дона Адриана. Флорипес мне не станет врать, он даже назвал имена людей, которые могут это подтвердить. Все в Пиларе знают об этом. Если бы не болезнь Лулы, проклятого шорника давно бы не было в энженьо. Никакое покровительство Антонио Силвино не спасло бы его.

Дона Оливия бранила негритянку:

— Бесстыжая черномазая, подай мне воды вымыть ноги! Давай скорей, ленивая дрянь!

Дона Амелия замолчала. Старая Адриана распростилась и вышла на улицу. Солнце почти село, но его косые лучи еще освещали потемневшие, некогда белые стены каза-гранде Санта-Фе. Над грязными воротами на голубом карнизе дома стояла дата: «1852». Ей вспомнился капитан Томас…

Год после сильной засухи, когда вся семья доны Адрианы умирала с голоду. А дона Амелия, еще совсем молодая девушка, приходила в их лачугу при сахароварне и раздавала беженцам еду. Вечерами звучал рояль. Прекрасная музыка доны Амелии, казалось, смягчала горе и страдания. Как давно это было! Сейчас Луис хочет отвезти ее в Рио. Она не могла видеть, как обнищало Санта-Фе. Виторино был не из тех людей, кого это трогало. Он не очень-то горевал, да и не способен был понять, что всему пришел конец, что семья, когда-то такая большая и богатая, скоро перестанет существовать. Ей нравились хозяева Санта-Фе. Чем больше говорили о сеу Луле, чем больше рассказывали о неграх, которых тут запарывали до смерти, тем чаще ей вспоминалось, как дона Амелия, такая красивая и молодая, приходила из каза-гранде, чтобы помочь ее семье, испытывавшей страшную нужду. Жозе Амаро тоже во многом виноват. Когда она подошла к дому мастера, было еще светло. Увидев возле дома постороннего человека, который беседовал с Жозе Амаро, она хотела было пройти мимо, но что-то подсказало ей, что нужно бы передать куме свой разговор с доной Амелией. Заметив Адриану, мастер крикнул жене:

— Синья, тут кума Адриана! Это верно, что вы уезжаете?

— Еще ничего не решено, кум, все это пока только разговоры.

Человек, стоявший с Жозе Амаро, сказал:

— Я тоже слышал. Сегодня сам капитан Виторино в Санта-Розе рассказывал об этом. Он хвастался, что сын хочет увезти семью в Рио. По словам капитана, все уже решено. Но сам Виторино ехать никуда не хочет и будет жить здесь до самой смерти. Доктор Жука даже пошутил: «Виторино, там, в Рио, вы могли бы сделать карьеру в политике». Старик стал поносить Жуку, а тот продолжал смеяться над капитаном Виторино. Должен сказать вам, сеньора, — у вашего старика действительно золотое сердце. Вот только зря он хвастает…

Дона Адриана зашла в дом поговорить с подругой. А Жозе Амаро продолжал беседу. Собеседником его был Тиаго. Слепой Торкуато сегодня после обеда проходил мимо и сообщил мастеру о том, что прибывают регулярные войска для расправы с капитаном Антонио Силвино, он слышал об этом в Санта-Рите. Тиаго этому не верил. Армия не унизится до того, чтобы заменить полицейских ищеек. Мастер Жозе Амаро напомнил о

временах «кебра-килос». Когда регулярные войска брались за дело, они доводили его до конца. Тиаго, в свою очередь, сообщил ему о нападении капитана Силвино на торговца в Фигейросе. Капитан разозлился на него из-за фальшивой ассигнации и специально вернулся в Фигейрос, чтобы проучить как следует Кинку Наполеона. Все там было обращено в пепел. Человек этот плакал, как ребенок, но капитан не простил его. Дело в том, что негодяй прислал ему фальшивую бумажку в пятьсот милрейсов.

— Капитан — человек суровый, сеу мастер. С ним надо по справедливости. Если старик в Санта-Фе ослушается, ему будет худо.

— Это верно, Тиаго, и все же я думаю, что лучше, пожалуй, мне уйти. Потому что все хозяева энженьо заодно. Тут я получил от владельца Санта-Розы предложение — мне давали место в Итамбэ. Я наотрез отказался и сказал, что у меня есть приказ не уезжать. Я не стал говорить, от кого этот приказ, но старик отлично понял.

— Если велел капитан, вы должны остаться. Алипио говорит, что капитан Силвино настаивает на том, чтобы вы не уезжали. А старый Виторино разглагольствовал в Санта-Розе, что сам взялся за ваше дело. И при этом черт знает

как ругал полковника «Лулу.

— Это все пустые разговоры. По правде говоря, мне здесь здорово осточертело. В один прекрасный день я сложу свое барахло и уйду. Мне не так уж долго осталось жить. Да и жена хочет переехать в район Паулисты, чтобы быть поближе к дочери. Уж если женщина чего-нибудь захочет, никто не может ей помешать.

Мимо них прошла старая Адриана.

— До свиданья, кум, я пошла. Луис должен вернуться из города, мне надо успеть приготовить ему обед.

Вечер наступил как-то сразу, и темнота окутала дорогу. Дона Адриана распростилась с кумой.

— Какая темь! Луна выйдет не раньше восьми.

На небе были видны звезды. Холодный ветер пронизывал дону Адриану, одетую в легкое ситцевое платье. Она шла и раздумывала о муже. Он уже успел разболтать в Санта-Розе об их отъезде. Все, конечно, были на его стороне. Как можно покинуть свою землю, знакомых и уехать за тридевять земель, оставив все, к чему привык? Но она не могла жить без сына. Слишком много ей пришлось пережить во время засухи 1877 года из-за мужа, из-за его ребяческих выходок. Теперь, когда снова рядом сын, взрослый человек

с положением, горячо любящий мать, она его не оставит. Бог дал ей это утешение в старости.

В корзине клохтали две курочки. Все, что дона Амелия с таким волнением поведала Адриане, та рассказала куме Синье. Синья узнала от нее, что мастер остался в энженьо против воли полковника Лулы только потому, что капитан Антонио Силвино отдал такое распоряжение. Это может кончиться плохо. Кума Синья разговаривала с мужем. И кому нужна такая жизнь? Жить рядом с человеком, которого ненавидишь, к которому питаешь отвращение. Синья не раз признавалась куме Адриане в своих чувствах: стоило ей взглянуть на мужа, и она сразу же представляла себе Марту в ту ночь, когда он избил ее, как собаку. Это было выше ее сил. Синья считала мужа причиной всех их несчастий. Бедная кума! Она лишилась дочери. У нее же, у Адрианы, был ее Луис, которым восхищались все жители Пилара, и все их родственники в долине. Ей даже говорили, что дочь майора Мануэла Вианы влюблена в ее сына. Но Луис не собирался пока жениться. Единственно, чего он хотел сейчас, — чтобы мать находилась рядом. Она, конечно, поедет с ним. Может, это и несправедливо по отношению к Виторино, но вряд ли он станет сильно горевать,

если она уедет. Почему бы ему не бросить эту жизнь Вечного жида? Пора образумиться! Когда она пришла домой. Луис уже вернулся. Отъезд в Рио должен состояться в самые ближайшие дни. Он получил вызов, побывал в порту и через коменданта заказал билеты.

— Вам, мама, надо сшить платье потеплее. В Рио сейчас холодно.

Весь день она только об этом и думала. Душа ее переполнялась радостью, которой она прежде никогда не испытывала. Она сделает все, чтобы сын жил счастливее родителей. Иногда ей казалось, что все это сон. И что Луиса, которого она видела сейчас в доме, который казался ей таким красивым, таким умным, на самом деле нет. Это лишь мечта. Но ведь он действительно ее сын. Сердце подсказывало ей, что последние годы жизни будут для нее настоящим раем. Она будет вести в доме хозяйство, будет прислуживать Луису и делать все, что ему нравится, только бы он был счастлив. Граммофон заливался на весь поселок.

Подошли мальчишки из дома напротив и попросили поставить марши. Луис выглядел совсем таким, как в детстве, когда разговаривал с ребятами и выполнял их просьбы. Луису нравилось доставлять удовольствие малышам. Он забывал о

том, что он офицер, и держался с ними запросто. Он не был тщеславен и не хвастался, как отец. Виторино рассердился, когда услышал о намерении сына увезти семью в Рио, хотя это было бы для них спасением. Капитан сказал, что не бросит дело, которое он начал. Этот старый человек вел себя как ребенок и всегда старался выставить себя напоказ перед окружающими. Бог создал его таким, и переделать его невозможно. Неужели ей придется покинуть мужа? Как же она оставит его одного, с его причудами? Она мечтала уехать с сыном, это было ее самым заветным желанием. Но Виторино? Вечером к ней пришла кума Синья. Она сразу почувствовала, что с подругой что-то неладное.

— Что случилось, кума?

— У меня больше нет сил.

И она с рыданиями упала в ее объятья. Адриана подождала, пока Синья немного успокоится.

— Что же случилось?

— Кума, лучше умереть, чем жить дальше в этом доме. Нутром я чувствую, что он связан с дьяволом. Мне трудно объяснить, что я ощущаю. Меня мучает эта мысль и днем и ночью, даже во сне. Мне начинает казаться, что я схожу с ума. Он смотрит на меня как зверь. Он только и знает, что

говорит о своей ссоре с полковником, твердит, что убьет кого-то, поминает дьявола. Дочь лежит в больнице, а это чудовище никогда и не спросит о ней. Бедная девочка!

Она снова разрыдалась.

— Плохо дело, кума Синья. Но бог помогает во всем! Эта ссора с полковником, кума, обернется бедой. Хозяева Санта-Розы вступятся за полковника Лулу. Кум думает, что покровительство капитана будет продолжаться вечно. Кончится тем, что пострадает только он. И как только кум Жозе Амаро, такой разумный человек, этого не понимает!

Старая Синья не ответила. В этот прекрасный вечер, когда мягкий ветерок разносил благоухание кажазейр, покой окутал дом капитана Виторино. В комнате громко играл граммофон, вокруг которого толпились ребята.

— Луис, подойди сюда, прими благословение от своей крестной матери.

По дороге нетвердой походкой шел негр Жозе Пассариньо.

— Добрый вам вечер, люди добрые. Вот иду из Пилара. Я не пьян, нет. Видел там капитана Виторино. Что-то он очень зол. Я у него попросил сигарету, так он чуть не избил меня. С ним какой-

то человек, которого я не знаю. Мне сказали, что это важная персона из города. Они обсуждали дела, связанные с выборами. При этом капитан говорил черт знает что о Жозе Медейросе! Старик ничего не боится.

Луис ушел к себе в комнату, и доне Адриане стало грустно. Пассариньо улегся под жуазейро. Граммофон продолжал играть. Подруги сидели молча. Дона Адриана пошла загнать кур на насест. Наступил вечер.

— Ну ладно, кума, я, пожалуй, пойду. Завтра рано утром мимо нас будет проходить один возчик, который что-то везет в Гойану, может быть, я сумею послать с ним Марте несколько кур. Он передаст их лодочнику, у которого сын тоже в Тамаринейре. Это будет для меня большой удачей.

Кума исчезла за поворотом дороги. Стемнело. Доне Адриане захотелось поговорить с Луисом о его отце, откровенно рассказать сыну о жизни Виторино.

— Знаешь, мама, старик, видно, не хочет ехать. Ему действительно по душе эта жизнь.

— Да, мальчик, такой уж характер у твоего отца.

И она замолчала. Луис чистил ботинки. Он собирался завтра поехать проститься со всеми

в Пиларе.

— Что случилось с крестной, мама?

— Синье очень тяжело, мальчик. С тех пор как Марта заболела, она очень убивается. А тут еще эта ссора кума с полковником Лулой.

— Я слышал об этом. Полковнику не следовало бы так поступать. Крестный — человек почтенный, работящий.

— Но ведь земля принадлежит полковнику, мальчик. И распоряжается на этой земле он.

— Вот это и нелепо.

Подошел негр Жозе Пассариньо, чтобы попросить тарелку каши:

— Негр умирает с голоду, дона Адриана.

Пока хозяйка ходила ему за едой, Пассариньо болтал:

— Кто бы мог сказать, что этот видный мужчина — тот самый Луис, что носился здесь и проказничал?

— И все же это я, Пассариньо.

— Сеу Луис, верно, что моряки часто дерутся? Я слышал, что они всегда ходят с ножом, чтобы вспарывать пехоте брюхо. Капитан Виторино рассказывал, что вы уже разогнали в Ресифе более тридцати солдат.

— Старик пошутил, Пассариньо.

— Твой отец — драчун. Майор Жозе Медейрос поссорился с капитаном Виторино и заработал удар хлыстом.

Вошла дона Адриана с тарелкой каши.

— Иди, Пассариньо, поешь на кухне.

Когда негр ушел, она спросила сына, о чем они тут разговаривали.

— Да так, мама. Он рассказал мне кое-что про старика. Это верно, что отец подрался с полицейским инспектором?

— Кто его знает, Виторино всегда может сгоряча что-нибудь натворить.

И она стала рассказывать сыну об этом происшествии, зная уже, что поведение отца нравится Луису.

— Старик ничего не боится.

Дона Адриана и раньше замечала, с каким восхищением Луис относится к поступкам отца. Она думала, что он будет стесняться его сумасшедших выходок, а вот наоборот вышло. Не раз ей приходилось слышать, как муж бахвалится своими победами и всеобщим уважением. Неужели Луис поверил всем этим басням?

— Мама, вам надо собираться в дорогу. Отец в конце концов, наверное, согласится.

— Знаешь, что я тебе скажу, сынок? Тебе лучше

ехать одному. К чему тащить старый скарб в новый дом?

— Зачем вы так, мама? Это все потому, что старик отказывается ехать. Но мы его уговорим. Вот увидите, когда придет час отъезда, он согласится.

— Ошибаешься, мальчик. Виторино нравится эта жизнь. Без нее он умрет. Ты же, к счастью, здоров. По сравнению со мной, куме Синье очень не повезло.

Слезы побежали у нее из глаз. Сын стал ее утешать:

— Мама, мы все уедем в Рио.

— Нет, мальчик. С Виторино никому не совладать.

IV

Кабриолет сеу Лулы больше не позванивал по дороге своими колокольчиками. Семейство из Санта-Фе не ездило по воскресеньям в церковь. Поначалу это объясняли болезнью старика. Потом решили, что коляска развалилась и не может больше служить, что лошади едва таскают ноги. В доме капитана Томаса поселились тоска и уныние. У доны Амелии не хватало мужества выходить из дома после оскорбления, которое нанес им дерзкий арендатор, не посчитав нужным выполнить распоряжение хозяина энженьо: Все в долине боялись кангасейро. Правительственные войска пока только обижали население, а кангасейро продолжали хозяйничать в округе. Ее бедный муж не мог рассчитывать на поддержку других землевладельцев. В Санта-Розе ему посоветовали не обращаться за помощью к властям. Все опасались репрессий. Лула ничего не говорил ей, но по тому, как он держался и сидел целыми днями взаперти, по тому, что перестал молиться, видно было — горе завладело его душой. Она ни о чем его не расспрашивала. Ей хотелось сесть в поезд и отправиться с жалобой к президенту.

И если она не сделала это, то только потому, что боялась унизить мужа. Такого конца она не ожидала. Энженьо давало ничтожные урожаи сахарного тростника. Но сахароварня еще кое-как работала. Как-то раз муж позвал ее и сказал:

— Амелия, возьми у меня золотые монеты, поезжай в Параибу и разменяй их у Мендеса.

Это было золото ее отца. Уже несколько лет они жили на золото, которое так бережно хранил старый Томас. Золото, которое предназначалось для воспитания детей. Иногда ей приходило в голову, что они расплачивались за грехи своих родственников. Сколько раз она слышала о жестокости старого Кабрала из Инга, хозяина сотен негров, который распоряжался жизнью рабов, как жизнью скота. Не наказание ли это господне? Но набожность Лулы, его вера в бога, который не даст их в обиду, вселяли в нее уверенность. Между тем гордый старик не мог пережить такого стыда. Он — хозяин энженьо, хозяин этой земли, не мог распорядиться ею по своему усмотрению. Негр Флорипес не оставлял Лулу ни на минуту. Он ходил за ним с преданностью верного пса. Когда негр возвращался из Пилара, она слышала, как он разговаривает с ее мужем. Эти тайные беседы вызывали у нее беспокойство. После них весь ве-

чер из молельни доносились голоса Лулы и негра. Вначале Лула произносил молитву смиренным тоном, как обычно. Потом голос его начинал звучать громче, становился резким и даже суровым. Он говорил так, словно был полновластным хозяином энженьо и по-прежнему порол негров. И тогда муж доны Амелии снова становился тем Лулой, которого она не любила. Негр Флорипес стоял рядом с ним со смиренной покорностью, вперив взгляд в землю и скрестив руки на груди. Дона Амелия видела, что Лула становится дряхлым, немощным; он целые дни дремлет в своей спальне, как раньше после припадков. По годам он еще не так стар. Такое состояние внезапно сменялось бурным гневом, длившимся обычно не более пяти минут. В эти мгновения он так кричал, будто в доме были враги. Дона Оливия дико хохотала и тоже что-то выкрикивала. И тогда обычная тишина каза-гранде именья Санта-Фе наполнялась безумными возгласами ее обитателей. Потом снова становилось тихо. Сеу Лула ложился в гамак. Дона Оливия ходила взад и вперед, не переставая бормотать. А заброшенные заливные луга зарастали кустарником, чертополохом. Каждый, кто проходил мимо, с сожалением наблюдал, как умирает энженьо. Од-

нажды в имение Санта-Фе заехал хорошо одетый человек верхом на породистой лошади. Это был землевладелец из каатинги в районе Калдеран. Ему сказали, что это энженьо продается, он хотел договориться об условиях. Сеу Лула почти ничего не понял из того, что тот говорил. Пришлось вмешаться доне Амелии.

— Нет никакого энженьо для продажи, — сказала она.

Тогда Лула, словно пробудившись, спросил у жены:

— Что? Что там такое, а, Амелия?

— Сеньор спрашивает, не продается ли Санта-Фе.

— Кто это ему сказал?

Тот извинился и стал объяснять, что намерен приобрести землю в долине. Земля здесь хорошая! Он узнал, что Санта-Фе почти не производит сахарного тростника, поэтому и решил поговорить о покупке имения. Он еще раз извинился и собрался было уходить, но тут сеу Лула громко сказал:

— Так вот, сеньор, отсюда я уеду только на кладбище! Можете передать это всем!

— Простите, полковник, но я приехал не для того, чтобы вас обидеть.

— Ты только подумай, Амелия, он приехал сюда покупать энженьо твоего отца!

Послышался дикий вопль доны Оливии:

— Старик, я шью тебе саван!

Приезжий не на шутку испугался. Поспешно встал и двинулся к выходу. Сеу Лула пробормотал, весь дрожа:

— Можете передать Жозе Паулино, что я ничего не продаю.

— Полковник, я приехал сюда совсем по другому делу и не собираюсь никому ничего передавать.

Дона Амелия хотела как-то сгладить резкость мужа.

— Вы правы. Не обижайтесь, сеньор.

— Хм, Амелия, он хочет купить энженьо твоего отца.

Человек был уже на улице, а сеу Лула все еще кричал:

— Ошибаетесь! Я не продаю энженьо. Не так ли, Амелия?!

— Замолчи, старик! — кричала дона Оливия. — Замолчи!

Только когда все смолкло, дона Амелия пришла в себя. Дом погрузился в тишину. Ненем возилась в саду, кухарка на кухне что-то тихо напевала. Дона Оливия разговаривала сама с собой. Лула

ушел к себе в комнату. Дона Амелия выглянула в окно и увидела, что дочь срезает ветки с розовых кустов. Вечер был тихий, небо голубое, солнце освещало зелень долины. Стадо скота возвращалось в корраль. Жалкое стадо, всего полдюжины голов. Мальчишка, который их пас, покрикивал на двух старых быков. В тишине этого спокойного вечера дона Амелия вдруг поняла, что больше уже ничего не может сделать. Она простояла у окна до тех пор, пока сумерки не начали сгущаться. Все погрузилось во мрак. Вот и все. Теперь уже никогда она не увидит энженьо таким, каким оно было прежде. Когда-то в коллеже она все время вспоминала Санта-Фе, и слезы навертывались у нее на глаза — такая охватывала ее тоска по любимым местам. Ей все было дорого! И мать, и отец, и сестренка Оливия. Эти воспоминания были невыносимы. Дона Амелия пошла засветить лампу в столовой. Когда она забралась на стул, чтобы подрезать фитиль, то увидела через парадную дверь людей, остановившихся у дома. Она зажгла свет и пошла взглянуть, кто это. И тут послышался истошный крик Флорипеса. Сеу Лула тоже поднялся узнать, в чем дело.

— Что случилось? А? Что там такое?

Громкий голос ответил:

— Ничего, полковник. Просто негр перепугался.

Это был капитан Антонио Силвино, который приехал в Санта-Фе. Кангасейро оцепили дом, а негра Флорипеса связали, и он плакал от страха.

— Перестань выть, черномазый трус! — закричал на него капитан.

— Амелия, кто это там?

— Успокойтесь, полковник, это не лейтенант Маурисио. Велите зажечь в доме свет.

Сеу Лула распахнул парадную дверь, и дона Амелия зажгла лампу в гостиной. В комнату вошел капитан Антонио Силвино, вся грудь его была увешана медалями, на пальцах блестели кольца, в руках он держал карабин, за поясом торчал кинжал. Кабры остались в дверях.

— Ребята, постерегите-ка тут.

Капитан оглядел красивую гостиную, картины на стене, рояль, молчаливо стоявший в углу.

— У вас отличный дом, полковник.

Старик очнулся, он почувствовал опасность. Негр Флорипес продолжал хныкать.

— Велите этому негру заткнуться, или ему придется замолчать раз и навсегда.

— Капитан, прошу вас, не убивайте негра, — сказала дона Амелия.

— Сеньора, мы не занимаемся убийствами. Я не лейтенант Маурисио.

— Я знаю, капитан.

— Что такое, Амелия, что ему нужно?

— У меня есть имя, полковник. Я прибыл сюда, чтобы договориться по-хорошему.

Он уселся на софу, напротив рояля. Дона Оливия начала кричать.

— Что это там у вас?

— Ничего, капитан. Это больная сестра.

Некоторые кангасейро расселись на стульях в гостиной. Капитан заговорил:

— Полковник, итак, я уже сказал, что прибыл сюда договориться по-хорошему. Я не убиваю и не разоряю, как полицейские ищейки. Я только хочу, чтобы вы мне помогли. Я послал вам письмо с просьбой не трогать одного вашего арендатора. И вижу, что полковник прислушался к моим словам. Теперь вы можете забыть о Жозе Амаро. Того, кто заслуживает моего покровительства, я охраняю сам. Защищаю его острием кинжала и меткой пулей. К счастью, полковник это уже, видно, знает.

Сеу Лула слушал размеренную речь делового человека с черными усами и грубым лицом.

— Со мною пришли вот эти мальчики. Они ре-

бята хорошие и никого не трогают. Сам я стреляю только в крайних случаях. Ведь враг есть враг.

Дона Амелия, бледная как полотно, спросила:

— Капитан, не желаете ли чего перекусить?

— Нет, благодарю вас, сеньора.

И, повернувшись к старику, добавил:

— Полковник, я знаю, что у вас много денег.

— У меня?

— Да, у вас, полковник, не надо скрывать.

— Капитан, в этом доме нет никаких богатств.

— А между тем, сеньора, мне известно, что есть. Я даже знаю, что у вас много золотых монет. Вот я и приехал получить их. Правда, у меня еще есть эти ребята, которые ждут вознаграждения.

— Капитан, у нас нет золота.

— Старик знает, где оно зарыто.

— Что?

— Как что?

Кангасейро рассмеялись.

— Старина, что вы на меня так уставились? Я пришел сюда договориться по-хорошему. Я человек воспитанный.

— Но, капитан…

— Сеньора, к пожилой женщине я всегда отношусь с уважением. Моя мать всегда мне говорила: «Относись с уважением к старым женщинам».

Я разговариваю с полковником. А он будто и не слушает меня.

Сеу Лула с подавленным видом смотрел на капитана, как бы желая что-то сказать и не находя слов.

— Капитан, у меня ничего нет.

— А я знаю, что есть. В вашем доме есть золото. Мне совсем не хочется с вами ссориться. В Витории у одного хозяина энженьо тоже был клад, так мне пришлось применить силу. При первом же ударе кнута он, как миленький, все выложил.

— Капитан, я прошу вас ради пресвятой девы Марии, у нас нет золота.

— Сеньора, я уже сказал, что имею дело со стариком. Я никому не причиняю зла, но не люблю, чтобы меня обманывали.

— Что?

— Старина, не прикидывайтесь дурачком, со мной этот номер не пройдет. Я хочу получить золото.

— Капитан, я же сказала вам, что это наговоры.

— Сеньора, меня не так-то просто провести. Дона Инес, жена этого негодяя Кинки Наполеона, говорила то же самое, но я знал, что она меня обманывает. Из этого дома не выйду, пока не

получу золота.

Старый Лула продолжал стоять неподвижно, безразличный к дерзким словам капитана. Дона Амелия ясно представила себе опасность, которой они подвергались. Ненем закрылась в спальне, дона Оливия кричала, обращаясь к старому Томасу:

— Иди к черту, старик!

Тогда капитан сказал:

— Ребята, в этом доме есть клад! Придется немного поработать! Годой, займись-ка хозяином!

Дона Амелия бросилась в ноги капитану:

— Ради пресвятой богородицы, не делайте этого.

— Забери старика, Годой.

Они схватили сеу Лулу. Старик задрожал, глаза его остекленели, и он, рухнув на пол, забился в судорогах. Кангасейро, столпившись вокруг, смотрели на припадок. Дона Амелия обняла мужа. Приступ не проходил. Кангасейро с мрачными лицами продолжали глядеть. Наконец капитан приказал:

— Ну-ка, давайте перероем здесь все.

Лежа на софе, хозяин энженьо тяжело дышал. Жена плакала возле него. Когда кабры перевер-

нули в комнате все, что было возможно, с улицы послышался крик. Вошел капитан Виторино в сопровождении одного кангасейро.

— Капитан, этот старик требует пропустить его к вам, хочет что-то сказать.

— Кто вы такой, старина?

— Виторино Карнейро да Кунья, к вашим услугам.

— Что же вы от меня хотите?

— Чтобы вы уважали порядочных людей.

— Я здесь не для того, чтобы выслушивать всякий вздор и пустую болтовню.

— Я всегда говорю правду, капитан Виторино Карнейро да Кунья никого не боится. То же самое я сказал в лицо лейтенанту Маурисио.

— Что нужно этому дьяволу?

— У меня есть имя, капитан, меня крестили.

— Довольно бабьей болтовни!

— Я говорю как мужчина. То, что вы делаете с полковником Лулой де Оланда, — безобразие!

— Заткнись, старик!

Один из кангасейро подошел к Виторино. Тот обернулся.

— Послушай, парень, я говорю с твоим начальником. Нечего мной помыкать, я у вас еще не на кухне!

— Оставь его, Колибри.

— То, что я говорю вам, капитан Антонио Силвино, я говорю прямо. Меня никто не испугает!

— Хватит молоть чепуху, или я велю тебя проучить, старый дурень!

— У меня есть имя. Я политический противник полковника Лулы, но сейчас я на его стороне.

— Ах, так? А ну-ка, Зеленая Кобра, возьми этого старика!

Виторино выхватил кинжал и, отступив к стене, закричал:

— Подходи, но осторожно!

Удар прикладом по голове свалил его на землю, он упал как тюк.

— Выбрось этого болвана из дома.

Сеу Лула, лежавший на софе, походил на мертвеца. Кабры обыскали весь дом.

— А может быть, там, внутри…

И он указал на рояль.

— Как открывается эта штуковина?

Дона Амелия встала, чтобы поднять крышку рояля. Капитан взглянул на клавиши из пожелтевшей слоновой кости.

— Эта штука еще играет? Сыграйте-ка нам какую-нибудь вещицу, мы послушаем. Сыграйте байяно.

Дона Амелия села на табуретку.

— Сыграйте байяно.

Дрожащие руки доны Амелии ударили по клавишам. Хриплые звуки наполнили дом. Дона Амелия играла грустный вальс. Кангасейро слушали. Она с трудом вспомнила печальную, скорбную мелодию. Музыка разносилась по гостиной. В дом врывались крики Виторино:

— Эти бандиты мне заплатят!

Но кангасейро, глазевшие на рояль, не обращали внимания на его крики. Когда дона Амелия кончила играть, капитан сказал:

— Зеленая Кобра, вели этому старику замолчать.

Вскоре послышался болезненный стон.

— Хватит, Зеленая Кобра! Оставь его, пусть очухается.

Они выломали кирпичи в стене спальни сеу Лулы. Однако никакого золота не было. Лежавший на софе старик очнулся. Капитан подошел к нему:

— Старина, кончайте эти фокусы с припадком. Мне некогда здесь разводить церемонии.

Ответом ему было молчание. В гостиной стояла мертвая тишина.

— Этот пройдоха заговорит, верно, только при

виде кинжала.

Дона Амелия снова бросилась в ноги кангасейро.

— Пощадите его, ради пресвятой девы, капитан, я вам отдам драгоценности и свои и дочери.

— Не выйдет, мне нужно золото! Ваш муж думает, что со мной можно шутить.

Виторино перестал стонать. Дона Оливия пела: «Пила, пила, пильщик, пили древо бога».

— Капитан, может быть, деньги в этой музыке?

— Верно. Переверни-ка эту штуку вверх тормашками.

Они опрокинули рояль, который капитан Томас когда-то привез из Ресифе. Рояль казался теперь огромным мертвым зверем с задранными кверху лапами.

Затем сняли со стен картины.

— Может, деньги спрятаны в рамах, там есть тайники?

В самый разгар погрома перед домом остановился всадник. Кангасейро схватились за ружья. То был полковник Жозе Паулино из Санта-Розы. Капитан подошел к двери.

— Добрый вечер, полковник!

— Добрый вечер, капитан! Я узнал, что вы здесь, в энженьо моего друга Лулы, и вот приехал.

Взглянув на перевернутый рояль, сорванные картины, на полный разор в доме, он сказал:

— Капитан, я приехал узнать, что вам надо от Лулы де Оланда.

И, увидев дону Амелию в слезах и сеу Лулу, распростертого на софе, он спросил:

— Вам нужны деньги, капитан?

Всем своим видом полковник Жозе Паулино внушал уважение.

— Полковник, этот старик отказался исполнить мою просьбу. Мне известно, что он хранит много старого золота, старинных монет, и я пришел попросить их у него самым вежливым образом. Он же наотрез отказался мне их дать.

— Капитан, простите меня, но эта история с золотом — пустая болтовня. У моего соседа ничего нет. Мне передали, что вы здесь, я приехал узнать, что вам нужно. Если вы хотите денег, то у меня их, правда, немного, но я готов вам дать.

В дверях появился Виторино. Его седая голова была в крови.

— Эти бандиты мне заплатят!

— Заткнись, старый болтун! Убери его к черту, Зеленая Кобра.

— Капитан, мой кузен Виторино не вполне нормальный человек. Вы не должны обращать

внимание на то, что он говорит.

— Это я-то не вполне нормальный? Ничего подобного! Вы покровительствуете этим бандитам, так вот полюбуйтесь, что они делают с порядочными людьми!

Дона Оливия закричала:

— Эй, Мадалена, принеси мне воды вымыть ноги!

— Полковник, я уезжаю. Мы здесь не для того, чтобы грабить. Приехал попросить по-хорошему. Хозяин сам виноват.

— Благодарю вас, капитан.

Было уже совсем темно, когда кангасейро выстроились у ворот. Виторино, еле передвигая ноги, подошел к Антонио Силвино и сказал:

— Капитан, вы всегда пользовались у народа уважением. Но такими действиями вы позорите себя. Напасть на энженьо полковника Лулы все равно, что избить слепца.

— Замолчи, старик!

— Я замолчу, только когда помру.

Он говорил с трудом. Кабры уехали, а полковник Жозе Паулино вошел в гостиную, чтобы утешить соседей. Дона Амелия плакала как девочка. Казалось, по каза-гранде прошел ураган. Только в молельне все осталось по-прежнему.

Масляная лампадка освещала спокойные лики святых. Негр Флорипес пришел сюда помолиться. Сеу Лула лежал, как покойник, со скрещенными на груди руками. Все причиняло ему страдание. Запели петухи. Заря окрасила небо в красный цвет. Где-то далеко прогудел товарный поезд. В белом тумане вырисовывалась труба сахароварни, на небе еще виднелись последние угасающие звезды.

— Амелия, кто там?

Полковник Жозе Паулино остался поговорить с Лулой де Оланда. Виторино, сидя на крыльце каза-гранде, промывал рану над тазом, принесенным Ненем.

— Эти бандиты, — говорил он, — хотели заставить меня замолчать. Но нет в мире такой силы, которая бы меня испугала.

Вокруг дома стал собираться народ. При свете дня разоренная гостиная представляла собой ужасную картину. Жозе Паулино распростился.

— Виторино, поехали домой.

— Я домой не собираюсь, сначала съезжу на станцию и пошлю телеграмму президенту. Сообщу, какие безобразия здесь творятся. Рего Баррос тоже узнает о случившемся. Проклятый Антонио Силвино думал, что я струшу! Это вы во

всем виноваты! Сами ему потворствуете. И вот, пожалуйста. Такой человек, как Лула де Оланда, подвергся оскорблению со стороны этого бандита. У меня нет денег в несгораемом ящике, я беден, но я не дам этой собаке наступить мне на мозоль.

Начали прибывать хозяева из соседних энженьо. Санта-Фе принимало гостей со всех уголков долины. Известие о случившемся быстро разнеслось по округе. Дона Амелия поила гостей кофе. Мебель гостиной, рояль, картины — все было возвращено на свои прежние места. Лежавший на софе сеу Лула по-прежнему не подавал признаков жизни, — казалось, он спал глубоким сном. Виторино тараторил без умолку. Он, мол, не боялся и сказал бандиту все, что он о нем думал. Утреннее солнце освещало зеленые холмы Санта-Фе. Понемногу спокойствие возвращалось в подвергшееся нападению энженьо. Гости уехали. Дона Амелия занялась приведением в порядок разбросанных вещей.

— Амелия, кто там?

Сеу Лула очнулся было, но тут же снова впал в беспамятство. Пришли жены арендаторов, бедные женщины, не способные даже утешить. Дона Оливия кричала.

Виторино с разбитой головой поехал на стан-

цию. Он намеревался послать телеграмму с просьбой принять срочные меры. Такой человек, как Лула де Оланда, не может терпеть подобного оскорбления. Он, Виторино, не станет, как Жозе Паулино, просить у бандита милости. Нет, он не склонится перед ним. И Виторино поехал на своей ослице, которая медленно плелась по дороге. Ехал, размахивая хлыстом и сам с собой разговаривая. Сын скоро уедет в Рио, а вместе с ним, наверное, и жена. Ну и пусть, он не станет упрашивать ее, чтобы она осталась. Он ни в ком не нуждается, уж таков он есть. Кровь все еще не остановилась и капала на белую рубашку и пиджак из альпаки. Птицы пели на кажазейрах. Ярко светило солнце, и лучи его проникали сквозь зеленую листву. Оно сильно припекало, но жар смягчался тенью колыхавшихся на ветру листьев. У капитана Виторино Карнейро да Кунья было в кармане пять милрейсов. Этого хватит, чтобы послать телеграмму. Что он напишет президенту? Что скажет полковнику Рего Барросу? Мысленно он уже составил текст. От имени народа Пилара, от имени честных граждан муниципалитета он попросит для населения гарантии. Полковник пришлет ему ответ, в котором воздаст дань его мужеству. Виторино Карнейро да Кунья

не поступит так, как кузен Жозе Паулино, который готов чуть ли не обниматься с бандитом. Он, Виторино, ценой крови, ценой жизни отстаивает свои убеждения, смело глядя в лицо опасности. Ослица споткнулась и чуть было не упала вместе с ним. Он пришпорил ее:

— А ну давай, несчастная кляча! Моя добрая кобыла никогда не устраивала мне таких фокусов!

На изгороди весело щебетали маленькие попугайчики. Плантации сахарного тростника Санта-Розы походили на море зелени. Сахарный тростник шумел на ветру. Виторино должен был переправиться через реку, чтобы выехать на дорогу к станции. Голубое небо сияло над человеком, который не боялся опасностей. Когда его ослица свернула к реке, совсем рядом кто-то закричал:

— Кусай Хвост!.. Кусай Хвост!..

Он потряс в воздухе хлыстом, но тут силы покинули его. Ослица споткнулась еще раз на спуске и упала вместе с Виторино на землю. Хохот мальчишек заглушил пение птицы, щебет попугаев.

— Кусай Хвост!.. Кусай Хвост!..

V

Сообщения о налете на Санта-Фе заполнили страницы газет. Подвиг избитого Виторино был описан как пример мужества и бесстрашия. Покровители бандита заслуживали наказания. Газета «Норте» выразила недовольство правительством, которое допускает, чтобы политические шефы[49] становились соучастниками преступления и предоставляли бандитам убежище в своих имениях, в то время как полиция подвергает репрессиям противников существующего порядка. Все тот же храбрый соратник кандидата Рего Барроса, капитан Виторино Карнейро да Кунья, был ни за что ни про что арестован, между тем как кангасейро в двух шагах от столицы продолжали чинить свои безобразия.

И опять Виторино с перевязанной головой неутомимо ходил в Пиларе из дома в дом, завербовывая избирателей. При этом он говорил, что хотел бы посмотреть, осмелится ли Жозе

---

[49] Примечания: 49

Политический шеф (начальник) — назначаемое правительством лицо, которому принадлежит административная власть в деревне, городе и т. д.

Медейрос помешать ему. Он всячески поносил префекта Наполеона. Возмущался, что Жозе Паулино мирится с тем, что такой вор распоряжается в Пиларе общественной казной. Жители поселка слушали капитана Виторино, не придавая его словам большого значения. Никто не принимал Виторино всерьез. Ведь капитан жил в Санта-Розе, был двоюродным братом полковника, и, хотя болтал все, что на ум взбредет, землевладельцы не обращали на это внимания. Но все же ссора Виторино с Антонио Силвино заставила всех отнестись к старику с большим уважением. Он был единственным человеком в Рибейре, который посмел восстать против капитана. Теперь если Виторино говорил, что он проткнет кого-то кинжалом, то ему верили. На базаре негритята и уличные мальчишки перестали его дразнить и донимать насмешками. Сначала потому, что Луис, его сын, носил такую красивую форму, потом из-за ссоры с Антонио Силвино, которая вызвала у них восхищение. Только человек с большим мужеством мог решиться на то, что сделал старик! Кангасейро наводил страх на всю округу, и не было человека, который осмелился бы поднять голос против всемогущего капитана. Теперь никто уже не дразнил старика «Кусай

Хвост». Виторино постоянно ругал богатых землевладельцев и дерзил им, как мог.

Майор Жозе Медейрос старался с ним не встречаться.

Как-то раз макаки лейтенанта Маурисио снова разбили бивак на базаре. Они прибыли из сертана. Лейтенант, обросший бородой, запыленный, тут же отправился к полицейскому комиссару для переговоров. Виторино был вызван на беседу. Комиссар хотел узнать, что произошло в энженьо Санта-Фе. Правительство дало ему приказ произвести строгое расследование о нападении на каза-гранде полковника Лулы.

— Лейтенант, мне нечего вам сказать. Если вы вызвали меня, чтобы арестовать, то вам это не удастся.

— К чему эти разговоры, капитан? Я вызвал вас не для шуток.

— Шуток? Я вовсе не шутник, лейтенант.

— Так вот, я выполняю распоряжение правительства!

— Хотел бы я знать, лейтенант: почему ваш отряд никогда не встречается с кангасейро лицом к лицу?

— Послушайте, старина, я вызвал вас, чтобы выслушать ваши показания по поводу того, что

произошло в Санта-Фе. Вы знаете, со мной шутки плохи.

— Я только знаю, лейтенант, что нет человека, который бы заставил меня спрятаться под кровать. Когда со мной по-хорошему, я отвечаю вежливо, но если вы будете на меня кричать, я тоже начну…

— Верно, капитан. Я не хочу с вами ссориться.

— Я также. Вы представитель власти — я тоже. У меня есть звание, и я не расстанусь с ним просто так!

— Правильно, капитан. Я хотел бы выяснить одно обстоятельство. Не знаете ли вы какого-нибудь наблюдателя здесь, в долине, который дает сведения Антонио Силвино?

— Лейтенант, я знаю только одного.

— Кто же это, капитан?

— Кто? Правительство, лейтенант. Будь я на месте правительства, кангасейро бы не было.

— Я не позволю оскорблять правительство! Замолчи, дерзкий старик!

— Вы же сами меня спросили.

— Убирайся!

— Покорно благодарю. Когда понадоблюсь, к вашим услугам, лейтенант.

Появился полицейский.

— Лейтенант, мы поймали этого слепца из Можейро, там в конце улицы.

— Приведи его сюда.

— Вы уже воюете со слепыми, лейтенант? — насмешливо спросил Виторино.

— Провались ты в преисподнюю, старая скотина!

— Я вам оттуда напишу.

Слепого Торкуато ввели в здание тюрьмы. Народ остался на улице, обсуждая его арест. Говорили, что он разведчик капитана. Его уже раз избили в Можейро, требуя, чтобы он раскрыл какие-то тайны, но он ничего не сказал. Теперь его снова будут бить. И действительно, скоро послышались крики слепца. Женщины высунулись из окон. Лейтенант добивался от него признания. Виторино громко возмущался этим безобразием. Проходивший мимо полицейский остановился и спросил:

— Ты что это болтаешь, старик?

— Все вы трусы! Избиваете слепого!

— Заткнись, старик!

К ним подошел сержант.

— Что случилось?

— Этот старик оскорбляет полицию.

— Иди своей дорогой. Пусть себе болтает. Он

сумасшедший.

— Это я-то, сержант?

— А кто же еще?

— Зато я не бью слепых, сержант.

— Пошел ты к черту!

— А ну-ка повторите, сержант.

В этот момент мимо проходил лейтенант и тоже остановился.

— Что тут такое, сержант?

— Да вот старик опять ругается.

— Я же сказал, что у него не все дома. Пусть себе ругается.

И они ушли вниз по улице. Виторино остался на паперти один. Разросшийся тамаринд загораживал здание палаты. Виторино хотелось оказаться там, в палате депутатов. Посмотрел бы он тогда, как осмелится лейтенант на подобные выходки. Из церкви вышел падре и обратился к Виторино:

— Капитан, я хочу посоветовать вам, проявляйте побольше выдержки. Пусть они сами разбираются в своих делах.

— Преподобный отец, напрасно вы меня об этом просите. Вот вам следовало бы поступить так, как сделал падре в Итамбэ: пойти в тюрьму и защитить бедного слепого. А я этого так не оставлю! Я буду телеграфировать в столицу!

— Ну что ж, капитан, только учтите — этот слепой кое в чем виновен. Пономарь Поликарпо сказал мне, что он действительно связан с кангасейро.

— Меня это не касается. Слепого нельзя бить, преподобный отец. Если вы этого не знаете, спросите падре Жулио.

И он отправился в дом судьи Самуэла. Шесть полицейских, вооруженных карабинами, вышли с базара под командой сержанта и зашагали по направлению к Сан-Мигелу. Слепец умолк. Было уже поздно. Лейтенант находился в магазине Кинки Наполеона, вокруг него толпился народ.

— Наглость Виторино переходит всякие границы. У меня есть приказ не трогать его. Но сумасшедший не останавливается. Я только что отчитал его, надеюсь, в последний раз. Сержант Зезиньо чуть не схватился с этим болваном на ножах. Если бы я не подошел, дело могло бы кончиться плохо.

— Уж таков этот старик, лейтенант. Он двоюродный брат шефа, и нам приходится терпеть его выходки.

— Да, но лично я не собираюсь без конца сносить оскорбления. Я велел произвести расследования в Санта-Фе. Некий Жозе Амаро ведет там

борьбу с хозяином энженьо. И ему даже оказывает покровительство Антонио Силвино. Народ, в свою очередь, поддерживает этого разбойника. Повсюду негодяи покрывают его. Но я разделаюсь с этими укрывателями. Среди них есть и важные персоны. Я хорошо знаю это. Полковник Но Боржес рассердился на меня за то, что я произвел облаву в его имении. Кангасейро чувствует себя у них как у Христа за пазухой.

— Лейтенант, но что может сделать владелец энженьо, если у него нет гарантий?

— Гарантии дает правительство, командор Кинка.

— Я сам представляю власть, у меня в городе друзья, и все же мой дом разорили.

По другой стороне улицы прошли Виторино и судья.

Когда полицейские добрались до дома мастера Жозе Амаро, уже наступил вечер. Оцепив хижину, сержант крикнул:

— Откройте дверь!

Мастер был один. В этот день старая Синья уложила пожитки и отправилась в дом кума Виторино. Увидев, что она уходит, он хотел было остановить ее, заговорить с ней, но не решился. Синья ненавидела его больше всего на свете.

Жозе Пассариньо не отходил от мастера. На вид хозяин был так спокоен, что вряд ли кто-нибудь мог представить себе, что творится у него на душе. Пассариньо пытался заговорить с ним, но напрасно. Мастер ничего не слышал. Он видел перед собой старую Синью с узлом на голове, и у него не нашлось слов, которые бы примирили их. Он и не подозревал, что в его сердце еще сохранились остатки нежности. Мог ли он предположить, что будет так несчастен в этом доме, который построил его отец и где он сам жил и работал. Теперь ему остается только бежать отсюда, бежать с этой земли, где так плохо к нему отнеслись. Негр Пассариньо стал загонять кур на насест. Синья ушла от Жозе Амаро, а он-то думал, что она связана с этим домом навечно. Жена бросила все, потому что не желала больше жить с ним рядом. Оборотень… Народ ненавидел его, считал его страшным чудовищем, исчадием дьявола. Во всем виноваты эти негодяи Флорипес и Лаурентино, которые болтали о нем бог знает что. Теперь у него нет больше семьи. Он страдал так же, как и в день отъезда Марты в Ресифе. Его мастерская была совсем заброшена, и даже привычный запах сырой кожи выветрился из дома. Он посмотрел на сваленные в углу рабочие инструменты и еще

острее почувствовал всю свою бесполезность и никчемность. У него не было больше желания заниматься своим любимым делом. Мастер вспомнил о Тиаго, Алипио, капитане. Он еще мог пригодиться Антонио Силвино — народному мстителю. Узнав о налете на Санта-Фе, Жозе Амаро, откровенно говоря, испытал удовлетворение. Единственно, что у него осталось в жизни, — это покровительство капитана, которое мешало хозяину энженьо прогнать шорника из своего имения. Никогда уже не проедет мимо его дома, звеня колокольчиками, кабриолет с горделивым стариком и его важной семьей, воображающей, что они хозяева всей этой земли. В его темной душе вспыхнул луч радости. В мире имелся человек, который мог приказывать, нагонять страх на сильных мира сего. Полковник Жозе Паулино унизился до того, что позвал мастера к себе в Санта-Розу и предложил ему покинуть Санта-Фе. Но он не мог ослушаться приказа капитана. Почему же все они, эти хозяева энженьо, не выгнали его силой? Да потому, что капитан Антонио Силвино могущественнее их. А вот жена ушла от него.

Крик, донесшийся снаружи, прервал его размышления. Пассариньо уже был в большой комнате, когда мастер встал, чтобы открыть

дверь.

— Ни с места, старик!

В дом ворвались полицейские.

— Связать негра!

— За что?

— Узнаешь у лейтенанта в Пиларе.

— Я никого не убивал.

— Сержант, выпороть негра?

— Не надо. Лейтенант это сам сделает.

Пассариньо стонал, руки его были связаны. Мастер Жозе Амаро хотел было переодеться.

— Не надо, старик; для кнута и этот костюм сгодится.

Луна осветила долину и кажазейры.

— Сержант, я хотел бы запереть дом, у меня хранятся чужие вещи.

— Оставишь все так.

Подошел сын старого Лусиндо, и мастер попросил его присмотреть за домом. Полицейские пинками подталкивали Пассариньо.

— От этого негра воняет, как от помойки.

— Огрей-ка его хорошенько, Томэ.

Кнут свалил Пассариньо на землю.

— Сержант, не бейте негра.

— Негр совсем окоченел, вот мы его и греем.

Их вели вверх по дороге. Мастер не понимал,

что происходит. Они прошли мимо дома кумы Адрианы, в окне горел свет. И там находилась его жена, не питавшая к нему ничего, кроме ненависти. Его вели в тюрьму, как убийцу. За что? Что он такого сделал? И некому было его защитить. Разве что капитан Антонио Силвино. Он был единственным человеком, который мог помочь бедняку в беде. Но где он сейчас? Полицейские шли быстрым шагом. Он едва поспевал за ними.

Время от времени негр Пассариньо издавал истошный вопль.

— Этот чертов негр похож на старую кошку!

Из поселка их сразу же отправили в тюрьму. Здесь уже сидел Торкуато, и он встретил их приветливо.

— Это мастер Жозе Амаро, — сказал один из заключенных.

— Мастер, вы что, кого-нибудь убили?

— Никого я не убивал.

Лейтенант велел ложиться спать. Завтра он учинит им допрос. Свет луны проникал сквозь деревянные решетки. Луна была белой, как хлопок.

— Проклятая луна, разве заснешь!

В камере стояла нестерпимая вонь. Десяток людей вповалку лежали на полу на голых досках.

Это была тюрьма Пилара, про которую говорили, что у нее под кирпичами слой соли. Слепой Торкуато подошел к мастеру:

— Мастер, лейтенант не дает нам покоя. Сегодня меня допрашивали, пытаясь выяснить, где находятся люди капитана, но я ничего не знаю, никто ничего не знает.

Пассариньо улегся на полу, как скотина, и заснул.

— Сеу Торкуато, они меня убьют. Я не вынесу побоев.

— Все в руке божьей, мастер.

К ним подошло еще несколько заключенных.

— Мастер, а я вас хорошо знаю. Однажды вы мне помогли, когда я шел с обозом в сертан. Сейчас меня арестовали из-за кражи лошади в Круматау. Мне это очень неприятно. Ведь я не конокрад.

Луна освещала битком набитую грязную камеру. В углу жутко воняла параша, из гнилых досок бочонка сочилась моча. Потом подошли остальные заключенные. Кое-кто из них был освобожден капитаном в тот день, когда он совершил налет на дом командора Кинки. Но они были так слабы, что не смогли убежать. Слепой Торкуато спросил мягким, успокаивающим голосом:

— Как поживает ваша жена, мастер?

— Не знаю, сеу Торкуато. Все меня ненавидят. Я знаю, что все это проделки Флорипеса. И хочу только, чтобы бог дал мне силы взять в руки нож. Об одном только и молю бога.

— Бог внемлет вашим мольбам, мастер Жозе. Мой поводырь ни в чем не виноват. А мальчишку выдрали. Бог должен помочь всем, сеу мастер. Долгих лет жизни капитану Силвино, пусть он мстит за нас, бедняков.

Пассариньо проснулся.

— Мастер! — закричал он, вскакивая.

Глаза у него были вытаращены, точно у безумца.

— Мастер!

Сообразив, где находится, он как-то сразу сник.

— Мне приснился сон.

Утром лейтенант пришел допрашивать арестованных. Поселок только и говорил что о новых арестах. Капитан Виторино, который уехал в Энженьо-Вельо, вернулся, взволнованный полученным известием. В лапы лейтенанта попал его кум Жозе Амаро, крестный его сына. В магазине командора собрались сильные мира сего. Из столицы пришло распоряжение, чтобы лейтенант взял на себя защиту полковника Лулы. Мастер Жозе Амаро, живший в его имении, не повино-

вался хозяину энженьо, вероятно рассчитывая на покровительство кангасейро. Лейтенант перевел заключенных в камеры, окна которых смотрели на высокую кладбищенскую стену. В народе поговаривали, что мастер Жозе Амаро связан с капитаном.

Виторино развил бешеную деятельность. Он уже побывал на станции, но начальник сказал ему, что лейтенант запретил передавать какие-либо телеграммы в столицу. Он стал протестовать, хотел записать имена свидетелей, которые слышали это заявление начальника, но никто не захотел впутываться в такое дело.

— Стадо баранов! В этом краю нет ни одного порядочного человека.

У дома доктора Самуэла он встретил свою жену.

— Виторино, кума Синья у нас дома. А я пришла сюда попросить доктора помочь куму Жозе Амаро. Он ни в чем не виноват.

— Жена, тебя это не касается. Это мужское дело. Я сам поговорю с лейтенантом.

На улице он принялся громко разглагольствовать. Доктор Самуэл вышел из дома и просил его быть осторожнее.

— Это противозаконно, нам нечего бояться! На

нашей стороне правосудие.

— Так-то оно так, Виторино, но этот лейтенант дерзок.

— Со мной ему не справиться!

Мимо них прошли полицейские — на шее платки, в сандалиях, с кинжалами за поясом, совсем как кангасейро. Крики Пассариньо вызывали у жителей поселка ужас.

— Это же черт знает что такое! — воскликнул судья.

И направился в дом префекта. Виторино увязался за ним.

— Командор, вы должны призвать к порядку лейтенанта! Надо положить конец этим безобразиям!

— Доктор, у него приказ президента. Я это знаю, ведь на мой дом был совершен налет кангасейро.

Виторино, стоявший у парадной двери, крикнул:

— Жаль, что Антонио Силвино не поджег это дерьмо! Доктор Самуэл, я потребую Habeas corpus. Мне нечего бояться!

Полицейские, сидевшие под тамариндом, громко расхохотались.

— Вот смельчак, — сказал один из них. — Лейте-

нант уже надавал ему оплеух, а ему хоть бы хны.

Крики, доносившиеся из здания тюрьмы, сливались в один хриплый стон.

— Они убьют старика.

— А кто ему велел помогать кангасейро?

Виторино не успокоился. Он дождался, когда судья выйдет из дома префекта, и пошел проводить его. Придется принимать срочные меры. Он, Виторино Карнейро да Кунья, не может молчать.

— Доктор, помогите мне составить ходатайство. Надо действовать!

Сидя в кабинете судьи, капитан Виторино медленно, останавливаясь время от времени, будто солдат в дальнем походе, писал своим корявым почерком ходатайство с требованием немедленного освобождения несчастного кума, слепца и негра.

VI

Арестованных выпустили из тюрьмы, но передали дело в суд. Их доставили в зал заседаний под конвоем.

Виторино сопровождал подсудимых, шагая посредине улицы. Зал заполнили жители поселка. Судья, восседая в кресле с высокой спинкой, слушал показания свидетелей, в то время как писарь Серафим записывал то, что говорили арестованные. Распухшее лицо, отросшая борода, желтые глаза мастера Жозе Амаро производили отталкивающее впечатление. На вопросы судьи старик отвечал с поразительной твердостью. По его хриплому, как у больного чахоткой, голосу, по глазам, устремленным в одну точку, было видно, что он едва сдерживает ярость. Мастер приписывал свой арест доносу негра Флорипеса из Санта-Фе, который не мог простить ему своей ссоры с хозяином энженьо и втравил его теперь в эту историю.

— Сеу доктор, мне ничего не надо. Я уже стою одной ногой в могиле. Но зачем заставлять страдать этих людей?

Из слепых глаз Торкуато, сидевшего рядом с

мастером, катились слезы. Багровые полосы от кнута на лице негра Пассариньо кровоточили. Виторино молча стоял рядом с арестованными. Все в зале смотрели на него. Это был большой день в его жизни. Он защищал своих людей. Должна же восторжествовать справедливость. Когда судья зачитал прошение о предоставлении арестованным свободы, он взглянул на сидящих в зале. Пусть все знают, что он не какой-нибудь там болтун. На сей раз лейтенант Маурисио будет иметь дело с настоящим мужчиной. Мастер Жозе Амаро оцепенел. Он сидел, точно изваяние. Говорил спокойно, деревянным голосом. Слепой Торкуато своим рассказом вызвал слезы у пономаря Поликарпо. Спокойно, как только он один умел, Торкуато говорил о тех избиениях, которым подвергся. Он был бедным человеком, жившим милостью добрых христиан. И вот ни за что ни про что его избили. Что мог сделать он, несчастный слепой, против сильных мира сего? Пассариньо едва шевелил губами. Он был избит больше всех. Грязные лохмотья покрывали кровоточащую спину негра. Лейтенант Маурисио срочно уехал в Итабайану. Командовать отрядом остался сержант Зезиньо. Увидев его в зале, судья потребовал, чтобы он удалился. Он не

хотел, чтобы тот своим присутствием оказывал хоть какое-нибудь давление на ход судебного разбирательства.

Сержант, стоя под тамариндом, громко возмущался. Он не осмелился возразить судье только потому, что лейтенант был в отъезде. Но пусть этот старый Виторино пеняет на себя. Он видел, как арестованные выходят из судебного зала, и пришел в ярость, увидев усмешку капитана Виторино, который так оскорбил полицию. Он хотел было схватить его, но сдержался. А полицейские, разбившие бивак на базаре, не собирались этого терпеть. Неужели они допустят, чтобы этот старый насмешник стал героем в глазах жителей поселка? Этого еще не хватало! Два часа спустя к полицейскому инспектору Медейросу явился судебный чиновник с постановлением об освобождении арестованных. Виторино накупил шутих и, стоя у двери суда, покрикивал, пуская их. Услышав взрывы, полицейские выскочили, чтобы узнать, в чем дело. Увидев торжествовавшего свою победу старика, устроившего посреди улицы фейерверк, они направились к нему.

— Немедленно прекрати это, старый пес!

И набросились на него. Виторино отступил к двери и выхватил кинжал.

— Первого, кто меня тронет, заколю!

Сержант скомандовал полицейским:

— Отставить!

Потом направился к дому судьи. Доктор Самуэл стоял у окна.

— Доктор, вы должны утихомирить этого буяна! Лейтенант перед отъездом сказал мне: «Сержант Зезиньо, старика не трогать». Я знаю, что он родственник местных богачей. Но над полицейскими нельзя издеваться.

— Я ни над кем и не издеваюсь, сержант. Я не какой-нибудь хулиган. Просто пускаю фейерверк по случаю победы.

Судья рассмеялся. Сержант отправился на поиски Жозе Медейроса, который, как ему передали, зачем-то звал его. А дело было в том, что Медейрос получил распоряжение судьи освободить арестованных, но он-то ведь никого не арестовывал. Сержант попросил подождать лейтенанта, который должен был вернуться с двухчасовым поездом.

Как только лейтенант Маурисио приехал, ему тут же обо всем доложили. Он отправился к судье. Эти люди задержаны с целью проверить выдвинутые против них обвинения. Он не хотел проявить неуважение к суду, но был вынужден

применить насилие. Судья ответил ему, что он, со своей стороны, лишь выполнил свой долг. Он вершит правосудие и над бедными и над богатыми.

Пронесся слух, будто лейтенант не хочет освобождать арестованных. Виторино сидел под тамариндом и оживленно болтал. Он уже принял необходимые меры. Отправил телеграммы главе партии и связался с председателем кассационного суда, прося о поддержке. Он свободный человек, а не какой-то Мануэл Феррейра, адвокат, который трусил хуже старой кошки. Он готов умереть за своих подзащитных. Увидев лейтенанта, который подходил к ним, Виторино и не подумал прекратить своих разглагольствований.

— Хватит болтать, старик! Я не люблю шуток!

Все, кто окружал Виторино, мгновенно разбежались. Капитан Виторино остался один на один с лейтенантом.

— Лейтенант, вы меня плохо знаете. Я никогда не болтаю. Все, что я говорю, я делаю.

— Лучше помолчи, старик.

— Никто меня не заставит замолчать, сеу лейтенант!

— А я заставлю!

И он ударил старика по лицу с такой силой, что тот упал. Лейтенант закричал на всю улицу:

— Здесь, в этом паршивом поселке, командую я! Пусть явится сюда хоть судья, хоть сам дьявол, я им покажу, с кем они имеют дело!

Полицейские вышли с базара и уселись под тамариндом. Старый Виторино хотел было встать, но тут сержант Зезиньо ударил его еще раз, и он снова свалился на землю.

— Не говорил ли я тебе, старик, что лейтенант не простит твоих насмешек?

Неожиданно для всех старик вскочил и, отступив немного назад, выхватил кинжал. Полицейские увидели, как блеснуло стальное лезвие, и приготовились защищаться. Виторино ничего не говорил; вид у него был безумный: глаза вылезли из орбит, из носа стекала струйка крови. Сержант бросился на него, на помощь подоспели полицейские. Они быстро скрутили старика.

— Бросьте эту собаку в тюрьму! Пусть переночует там вместе с остальными!

И он направился в дом командора Кинки Наполеона, который, напуганный событиями, не знал, как ему быть. Здесь же находился падре. Разговор шел о том, что лейтенант проявил неуважение к судье. При виде разъяренного офицера, вошедшего в магазин, все замолчали.

— Вот так, сеу командор Кинка! Плевать я хотел

на все распоряжения! Старик может быть сыном хоть самого президента, пусть теперь жалуется! К черту этого сумасшедшего!

— Лейтенант, нельзя проявлять к судье подобное неуважение.

— Президент предоставил мне свободу действий. Со мной шутки плохи! Завтра я освобожу арестованных. А сегодня они будут иметь дело со мной!

— Лейтенант, — вмешался в разговор викарий, — бить такого человека, как Виторино, — грех. Он ни в чем не повинен.

— Он только прикидывается невинным агнцем, чтобы оскорблять людей, сеу викарий. Я отвечаю за свои поступки.

Сюда, в магазин, доносились крики Виторино из тюрьмы.

— Разве вы не слышите, сеньор? Он наносит оскорбления властям. Я заставлю замолчать этого паршивого старика!

Когда лейтенант направился к выходу, появилась дона Инес.

— Сеу лейтенант, я хотела просить вас об одолжении.

— К вашим услугам, сеньора. Готов служить.

— Я хотела попросить вас отпустить старого

Виторино. Он говорит ужасные вещи о Кинке, но ведь все это только чудачества.

— Дона Инес, я уже сказал, что освобожу его. Но нужно дать понять народу, что власть есть власть.

Крики Виторино наводили ужас на и без того напуганных жителей поселка.

— Лейтенант, прошу вас, освободите старика.

В тюрьме старый Виторино, казалось, осатанел, Кум Жозе Амаро, слепой Торкуато и другие заключенные стояли вокруг разъяренного старика, который кричал из-за решетки:

— Дерьмовый лейтенант! Стадо трусов!

Глаз у него распух и почти закрылся. На лице виднелись еще не зажившие шрамы от стычки с Антонио Силвино. Мастер Жозе Амаро попытался успокоить кума. Он понимал, чем это грозит. Один из заключенных сказал:

— Перестаньте, капитан, эти каратели безжалостны.

— Перестать, с какой стати? Я не боюсь этих собак! Я капитан Виторино Карнейро да Кунья! Я не боюсь, когда на меня лезут с кулаками!

Пассариньо подошел поближе.

— Капитан, замолчите, пожалуйста.

— Пошел прочь, вонючий негр! Пусть эти воры

вернут мне кинжал!

Тут появился лейтенант.

— Ты все еще бесишься, старая бестия?

— Пошел ты к шлюхе, что тебя родила!

— Зезиньо, — закричал лейтенант, — возьмика отсюда этого болвана!

Вошел сержант. Мастер Жозе Амаро стал на его пути, но тот сильным ударом бросил его на пол. Виторино утащили в другую камеру. Но и там он продолжал кричать.

— Выпороть его лианой!

Удары зазвучали в жуткой тишине тюрьмы. В ответ на каждый удар старик выкрикивал новое оскорбление.

— Никогда я не встречал такого бесстрашного человека, — сказал один из заключенных старому Жозе Амаро, который никак не мог отдышаться после полученного удара.

Пассариньо плакал, как ребенок. Слепой Торкуато, стоя на коленях, громко молился. Наконец старика перестали бить. В тюрьме снова воцарилась тишина. Наступил вечер в поселке Пилар. Зажглись фонари. А из темной камеры подвала, куда сажали тех, кто сошел с ума, продолжал свои речи Виторино. Друзья по заключению слушали его. Лейтенант ушел, а слепой Торкуато сказал:

— Лейтенант обращается так только с маленькими людьми, с такими бедняками, как мы. Почему, например, он не арестовал полковника Но Боржеса? Вот отчего я верю только в капитана Силвино. Он покончит со всем этим.

У Пассариньо начался озноб:

— Мастер Жозе Амаро, у меня зуб на зуб не попадает.

Его трясло с головы до ног.

— Мастер, — закричал он, — я умираю!

Глаза у него лезли из орбит, все тело содрогалось.

— У него припадок белой горячки, — сказал один из заключенных. — В него вселился дьявол.

Так продолжалось до утра. Постепенно Пассариньо успокоился и задремал. Доносилось лишь бормотанье старого Виторино. В камере стояла нестерпимая вонь. Но вот утренний свет стал постепенно проникать в это грязное помещение, озаряя лица заключенных. В камеру вошли полицейские и одели цепи на ноги тем, кто должен был отнести парашу к берегу реки. От удушливой вони нечем было дышать. Рассвет вползал в камеру через решетки. На подоконник уселась птичка и запела.

— Это моя пташка, — сказал белобрысый аре-

стант, — она каждый день прилетает сюда и поет. Я кормлю ее дробленными зернышками кукурузы.

Птичка весело распевала в это радостное утро, как бы утешая несчастных узников тюрьмы в Пиларе. Отсюда им был виден только маленький клочок неба да зелень на горе — все, что олицетворяло для них свободную землю. Негр Пассариньо громко храпел. Мастер Жозе Амаро размышлял о куме Виторино.

Около тюрьмы послышались громкие голоса.

— Полковник, я выполнял свои обязанности.

Это были лейтенант Маурисио и полковник Жозе Паулино.

— Освободите Виторино. Только что Жука отправился на станцию. Он едет в Параибу к президенту. Мы не можем этого так оставить.

— Я уже сказал вам, полковник, что старик оскорбил меня. Меня могут разжаловать, но издеваться над собой я никому не позволю.

Разговор происходил у входа в тюрьму. Виторино кричал, стуча в дверь своей камеры. Лейтенант распорядился:

— Зезиньо, выпусти старика!

Открыли дверь, и на пороге появился Виторино, глаз у него заплыл, лицо в крови.

— Виторино, это я.

— Мне не нужно ничьего покровительства! На моей стороне закон, и этот дерьмовый фурриэл не заставит меня поджать хвост.

Тут он взглянул на улицу и увидел плачущую жену. Он собрался с силами и крикнул ей:

— Нечего меня оплакивать! Я не покойник!

И, хромая, пошел к воротам. Но тут же схватился за косяк, побледнел и свалился, как тюк, на землю, потеряв сознание. Дона Адриана и полковник Жозе Паулино с помощью полицейских отнесли старика в дом писаря Серафима напротив тюрьмы. Очнувшись, он пристально оглядел всех своими близорукими глазами, ощупал себя и слабым голосом спросил:

— Где мой кинжал?

Старая Адриана смазывала уксусом кровоточащие раны.

— Эти подлые кабры мне заплатят!

Полковник Жозе Паулино направился к командору Наполеону, чтобы выразить ему свое возмущение. Он послал сына к президенту с ходатайством, чтобы тот взял на себя шефство над Пиларом. Другие заключенные тоже должны быть освобождены.

— Жозе Амаро, может быть, и заслуживает

тюрьмы. Он груб и дерзок. Но поступить так с бедным Виторино…

Послышались звуки корнета.

— Этот лейтенант не может дальше оставаться на своем посту!

Отряд покинул охваченный страхом поселок. Полицейские с карабинами за спиной шагали по улице под командой лейтенанта; они были в сандалиях, с платками, повязанными на шее.

— Я велел Жуке поехать в столицу и добиться прекращения безобразий. Я не желаю больше мириться с этим лейтенантом.

Зашел судья, чтобы показать написанный им протест, с которым он собирался обратиться в столицу. Он не хочет вмешиваться в политику, но все это происходит лишь потому, что правительство не относится с должным уважением к правосудию. Все замолчали.

— Я прошу немедленно запротоколировать все оскорбительные слова и действия, которые были допущены в отношении капитана Виторино. Это нельзя так оставить.

Между тем Виторино, находившийся в доме писаря Серафима, пришел в себя. И вид его был агрессивен. Он говорил так, точно враг находится в двух шагах от него. Завидев судью, он хотел

было подняться, но не смог.

— Добрый день, капитан, лежите, лежите. Я только что беседовал с полковником Жозе Паулино.

— И что же, доктор, сказал вам этот трус?

— Полковник возмущен, он не намерен этого так оставлять. Доктор Жука отправился в город требовать от правительства гарантий.

— Гарантий? Мне не нужны никакие гарантии правительства, доктор Самуэл.

— Виторино, дай сказать доктору.

— Заткнись, жена!

Писарь Серафим помогал доне Адриане.

— Капитан Виторино, каждый человек нуждается в гарантиях.

— Я знаю. Но я не желаю ни о чем просить правительство, эту свору болтунов!

— Капитан, я пришел сюда, чтобы начать расследование. Раз полиция не шевелится, я сам позабочусь об этом. Нам нужно как можно скорее и точнее установить состав преступления.

— Состав преступления? В отношении кого, доктор Самуэл?

— В отношении вас.

— Меня? Вы ошибаетесь. Капитан Виторино Карнейро да Кунья не потерпевший. Я только хо-

чу, чтобы мне вернули мой кинжал. Это оружие подарил мне старый доктор Жоакин из Пау-Амарело. Я им очень дорожу.

— Ну что ж, если вы отказываетесь подвергнуться судебно-медицинской экспертизе, я ничего не могу поделать, капитан.

— Я никого ни о чем не просил. Жозе Паулино меня не обманет. Лула де Оланда требует ареста такого человека, как мой кум Жозе Амаро, требует, чтобы его избили. А я должен молчать? Нет, я буду его защищать! Мне не страшен ни лейтенант, ни полицейский инспектор, ни судья!

— Виторино, выпей чашечку кофе, ты очень слаб.

Он взял чашку, руки его дрожали. Он едва донес ее до рта.

— Я беден, у меня нет полной мошны, но зато у меня есть совесть!

Капитан уже не мог произносить таких резких речей. У него совсем не было сил. Судья попрощался и ушел. Старик замолчал и погрузился в сон. Он храпел на софе. Старая Адриана, сидя возле него, плакала. Если бы Луис был здесь, никто бы не посмел тронуть его отца, который был так добр. В дверь заглядывали любопытные, чтобы взглянуть на капитана Виторино.

— Сильно его избили, дона Адриана?

— Да, ему здорово досталось.

Падре Северино подошел к окну и окликнул дону Адриану. Все были возмущены случившимся. Старая Адриана думала о том, что ее сын, который так любил слушать рассказы Виторино о его храбрых подвигах, теперь далеко и ничем не может помочь отцу, избитому, точно бездомная собака. Что было бы с мужем, если бы она тоже уехала, бросила его одного: беззащитного, без человека, который бы о нем заботился. Как хорошо, что она не покинула бедного Виторино, Она оказалась бы самой жестокой и самой плохой женой. Была бы самым неблагодарным существом на свете. Старая Адриана страдала при одной мысли об этом. Жена писаря позвала ее перекусить чего-нибудь. Но ей не хотелось. Муж ее спал сном праведника. А ведь она, которая когда-то, спасаясь от засухи, вышла замуж без любви, только чтобы уйти от нищеты и уехать куда-нибудь подальше, собиралась покинуть своего Виторино, всю жизнь только и творившего добро людям. Наступил вечер, а он все еще спал. Полковник Жозе Паулино приехал из своего энженьо, чтобы помочь ее мужу. Они были родственниками. Но Виторино ни в ком не нуждался. Он был человеком,

не боявшимся ничего. Хорошо, что сын верил в отца. Только сейчас, впервые в своей жизни, она осознала величие Виторино Карнейро да Кунья.

VII

— Мастер, а где мой поводырь?

— Кто его знает! Наверное, куда-нибудь спрятался.

— Он до этого не додумается, дурачок.

Жозе Пассариньо, слепой Торкуато и мастер Жозе Амаро стояли на церковной паперти среди других таких же, как они, людей, не зная, куда им направиться. Отряд ушел из Пилара, и в селение снова пришел покой. Прямая улица была пустынной из-за палящих лучей утреннего солнца.

— Мастер, нам надо идти, но без мальчишки я не могу передвигаться.

— Мы его обязательно найдем, сеу Торкуато.

Они шли с трудом. Тела их ныли от побоев. Но еще более мучительными были душевные страдания.

Один лишь Пассариньо выглядел спокойным, его ничто не заботило. Он молча плелся, глядя то в землю, то на кустарники, то на солнце, которое согревало его. Косолапый Пассариньо ступал по земле и чувствовал, что она могущественнее, чем лейтенант и его презренный отряд.

— Мастер Жозе, пойдемте домой.

— Нет, Пассариньо, я не хочу больше видеть свой дом. Синья тоже навсегда ушла оттуда.

Когда они добрались до конца улицы, им навстречу попалась старая Адриана. Мастер Амаро опустил голову, желая пройти мимо. Ему было стыдно.

— Добрый день, кум.

— Добрый день, кума.

— Я пришла сюда по просьбе Виторино. Он сказал мне: «Адриана, пойди в поселок, повидай кума».

— Сильно его избили?

— Он даже не может повернуться. На нем нет живого места. У нас побывал доктор Кинка из Энженьо-Ново, когда узнал обо всем. Он хотел даже предложить вам, кум, переехать в Энженьо-Ново.

— Мне уже не долго осталось жить. Кому нужна такая развалина?

— Что вы, мастер Жозе, такой человек, как вы, везде нужен.

— Я бедный слепой, но мне жизнь не надоела, — сказал Торкуато. — Бог даст мне мужество дойти до конца.

Пассариньо тихонько посмеивался. Старая Адриана продолжала:

— Кума Синья уехала. Я сделала все, чтобы отговорить ее от этой глупой затеи. Однако она решила твердо. Села на ресифский поезд и, судя по ее словам, поехала к сестре, которая живет в Паулисте.

— Ну что ж, ей видней — пусть будет так. Вы, кума, не знаете, где поводырь сеу Торкуато?

— Он у нас дома. Мальчишка шел с погонщиками, и я сразу узнала его. Окликнула его, и он сказал, что не знает, куда ему деваться. Негр Кашимбо рассказал мне, что встретил его на дороге. Тогда они взяли его с собой, чтобы оставить в каком-нибудь доме. Я приютила его у себя, сеу Торкуато.

— Господь отблагодарит вас.

Пассариньо шел, прихрамывая, по-утиному шлепая ногами. Он срывал листья с деревьев, садился прямо на сырую землю, топал по грязи, разбрызгивая воду в лужах. Все вокруг принадлежало ему. Он чувствовал себя хозяином мира. Шел, тихо напевая печальные мелодии, похожие на церковные псалмы. Все шагали молча; время от времени Пассариньо забегал вперед.

— Бедный негр, — сказал мастер слепцу, — никогда не думал, что у него такая добрая душа. А вот куму Виторино не повезло, он здорово постра-

дал из-за нас.

— Мастер, я слеп, но вижу, что этого лейтенанта постигнет беда. Капитан Антонио Силвино послан нам богом, сеу мастер.

Ослепительное солнце светило над заброшенной долиной Санта-Фе. Вьющиеся растения цвели на жердях изгородей, стелились по заброшенной земле, карабкались вверх по стволам кажазейр. Пассариньо глядел на все, что его окружало, и тихо, печально пел.

— Негр поет без устали.

Когда они подошли к дому капитана Виторино, тот поднялся с гамака, чтобы поговорить со своими подзащитными. Лицо у него было в ссадинах, заплывший правый глаз не открывался.

— Я знал, что негодяю придется отступить, когда я буду настаивать!

Мастер Жозе Амаро ничего не ответил, а слепой поблагодарил его: «Пусть бог даст много лет жизни капитану Виторино». Но капитану хотелось поговорить. К нему приезжал Кинка из Энженьо-Ново, самый спесивый человек в округе, и предложил свою помощь. Муниципалитет был у Кинки в руках. Правительство творило произвол, но Виторино никого не боялся. Он использует выборы, чтобы сбросить Кинку Наполеона.

Мастер продолжал молчать, казалось, он ничего не слышит. Говорил только капитан. Никто в мире не в силах был заставить его замолчать. Мастер чувствовал себя плохо.

— Кум, я, пожалуй, пойду к себе домой, посмотрю, что там творится.

— Подождите, кум Жозе Амаро, поешьте чего-нибудь.

— Я не хочу. Может быть, сеу Торкуато и Пассариньо… А мне что-то не хочется.

Слепой разговаривал со своим поводырем. Пассариньо сорвал несколько гуяв с дерева во дворе и стал их есть.

— Пассариньо, я ухожу.

— Подождите меня, мастер.

И они ушли. Слепой Торкуато сел поесть, а старый Виторино не переставая говорил. Все приходят к нему домой извиняться. Как будто он пострадал из-за них. Он никогда никого не боялся, ни от кого не убегал. Кинка из Энженьо-Ново признал его полную правоту. Неужели Жозе Паулино был политическим шефом для того, чтобы какой-то лейтенант превратил муниципалитет в дерьмо? Только такая размазня, как он, мог позволить подобные безобразия. Ну так пусть не сомневаются: Виторино докажет правительству,

что лейтенанту полиции не победить на выборах. Слепец слушал его молча. Когда солнце стало не так сильно палить, он распрощался.

— Капитан, у меня нет ничего. Я бедный слепой, которого избили, как бездомного пса. У меня ничего нет. Но у бога есть все. И он воздаст вам за ваши благодеяния. Вы с женой вселили в меня веру. Да вознаградит вас господь!

И он скрылся вместе с поводырем в темноте вечера. Легкий ветер тихонько пел в кажазейрах. Дом капитана снова погрузился в тишину. Начала кудахтать курица.

— Адриана, прогони эту чуму!

И он, капитан Виторино Карнейро да Кунья, повернулся в гамаке. В его дом приходили все: и большие и маленькие люди. Кинка из Энженьо-Ново и негр Пассариньо.

— Виторино, давай я натру тебе спину арникой.

— Не нужно больше. У меня уже ничего не болит. Вот куму Жозе Амаро надо бы помочь. Ведь его чертова жена уехала. Странное существо — женщина!

— Что поделаешь, Виторино, кума сильно убивается из-за болезни дочери. Похоже, она уже не соображает.

— Все вы — коровы!

Жена рассмеялась и стала прикладывать смоченную в лекарстве тряпку к ране Виторино. Это причинило ему боль.

— Проклятая курица не перестает кудахтать, черт бы ее побрал! — закричал он. — Прогони эту чуму!

— Все куры кудахчут, Виторино.

— Прикончи эту чертовку!

Боль от арники привела капитана в бешенство.

— Эти собаки мне заплатят!

По дороге проехал кабриолет сеу Лулы. Уже давно капитан не слышал звона этих колокольчиков.

— Кто там в коляске, Адриана?

— Я не разглядела.

— Ты что, ослепла, что ли, старая корова?

— Да я просто не посмотрела, Виторино.

— Эта собака даже не остановится узнать, как я поживаю. Жаль, что я помешал этому бандиту Антонио Силвино расправиться с ним.

— Говори потише, Виторино.

— Почему я должен говорить тише? Даже ты не хочешь обращать на меня внимание. Я называю его бандитом прямо в лицо!

— Вот за это ты и страдаешь.

— Хочу и страдаю! Кому какое дело!

Старуха вышла из комнаты на кухню. Виторино закрыл глаза, но ему не спалось. Он думал о других. Ему еще многое предстоит сделать. Нужно заняться Пиларом, своими избирателями, своими политическими противниками. Все это требовало забот, его поддержки, его суждения. Вот сейчас от него ушли кум Жозе Амаро, негр Пассариньо и слепой Торкуато. Все они нуждались в Виторино Карнейро да Кунья. Он выступал в суде, чтобы вызволить их из тюрьмы. Какое значение имело для него насилие лейтенанта Маурисио? Ходатайство, написанное им, помогло выйти из тюрьмы трем невиновным людям. Он, Виторино, никогда не склонялся перед великими мира сего. Что ему богатство Жозе Паулино? У него был свой голос, и он не отдавал его богатому кузену, он со своими избирателями не будет голосовать за правительственных кандидатов. Правительство не могло с ним ничего сделать. Он знал, что есть много других лейтенантов Маурисио, которые зависят от правительства и выполняют его приказы. Все они были холуями президента. Но Виторино Карнейро да Кунья сам распоряжается своей судьбой и своей жизнью. Раны на его теле ничего для него

не значили. Не было силы, которая могла бы сломить его. Родственники смеялись над выходками старика, над его слабостями. Все они были жалкими невеждами, животными, которые ничего не видят дальше своего носа. Всякий раз, когда он останавливался в энженьо, когда разговаривал с Маноэлом Гомесом из Риашана, то убеждался, что лучше быть таким, как он, человеком без клочка земли, но зато знать, что ты можешь жить так, как тебе хочется. Все боялись правительства, все шли за Жозе Паулино и Кинкой из Энженьо-Ново, как стадо баранов. У него же ничего не было за душой, и все-таки он чувствовал себя властелином мира. Старая Адриана хотела бросить его и уехать с сыном. Но она отказалась от своего намерения и осталась тут с ним. А ведь ее никто не держал. Он, Виторино Карнейро да Кунья, ни в ком не нуждался. Если бы у него отобрали дом, в котором он жил, он бы повесил свой гамак под каким-нибудь деревом. Он не боялся нищеты и не стремился к богатству. Вот ушли трое, которых он освободил, которым оказал помощь. Лейтенант пришел в ярость от его действий. Видно, он никогда не думал, что найдется человек, который отважится пойти против него, как это сделал он, Виторино. Его ходатайство, бумага, которую он подписал,

заставило негодяя отступить. И это сделал он, Виторино Карнейро да Кунья. Он все мог и ничего не боялся. Наступит день, когда он займется муниципалитетом. Он сделает все для того, чтобы это захолустье стало приличным местом. И Виторино представлял, каким будет день его триумфа. Состоится большой праздник, с музыкой, с речью доктора Самуэла, с танцами в здании палаты. Все льстецы Пилара придут говорить с ним. Он станет шефом, самым уважаемым человеком в округе. И тогда Жозе Паулино не сможет так терпимо относиться к негодяям, которые только и думают о том, как бы набить свои карманы за счет муниципалитета. При Виторино Карнейро да Кунья не будет воров, базарных инспекторов, обкрадывающих народ. У него все дела пойдут правильно, честно. Полицейским инспектором тогда не будет такой растяпа, как Жозе Медейрос. Кого бы он назначил полицейским инспектором? Кому из поселка смог бы доверить этот пост? Писарь Серафим слишком мягок, капитан Коста под каблуком жены, хозяин лавки Салу не очень-то чист на руку. Шико Фраде чересчур много пьет. На пост полицейского инспектора нужно было бы поставить человека с незапятнанной честью.

Где найти такого человека? Вот только разве

Аугусто из Ойтейро. Но он не жил в поселке — его нельзя. Виторино даже говорил с ним однажды об этом. Аугусто был человеком энергичным и вполне заслуживал доверия. При таком шефе, как Виторино, и Аугусто на посту полицейского инспектора не было бы лейтенанта Маурисио с его произволом. А префект? Он сам вступит на этот пост. У него имелись свои планы, как управлять Пиларом. Прежде всего он потребовал бы от Кинки Наполеона полного отчета. Тому пришлось бы ответить, на что истратил он казенные деньги. Мошенник отчитался бы за все то, что нажил за счет народа. Но Виторино не находил подходящей кандидатуры на место казначея палаты. Кто в Пиларе мог заслужить доверие капитана и хранить деньги муниципалитета? Кому можно передать ключи от сейфа? Шико Шавьер, пожалуй, подошел бы для этого. Правда, он ставленник Жозе Паулино. Но это неважно. Виторино хотел прежде всего бескорыстного, честного выполнения долга. Он поручил бы казначейство Шико Шавьеру. Подлец Маноэл Виана не остался бы нотариусом. При Виторино не было бы этого типа со змеиным языком, который всем портит жизнь. Он предложил бы Розео из Сан-Мигела взять на себя руководство нотариальной

конторой. Тот хороший семьянин, у него каллиграфический почерк, знания. А вот где взять базарных инспекторов, сборщиков «десятины»? Ему пришлось бы посадить в тюрьму этого жулика, назначенного Кинкой Наполеоном. Все они мошенники. Алфредо тащил себе в дом все, что собирал. Зе Лопес кормился на кухнях энженьо, а хозяева не платили потом налогов. Жозе Амаро тоже не платил. Нет, когда он, Виторино, придет к власти, то сведет с ними счеты. При нем не будет воров, обирающих казну. При нем все будут платить как миленькие. Улицы Пилара он велит замостить и отведет новые места под кладбище и под парк. Одним словом, сделает то, что сделали в Итабайане при новом префекте. Он стал бы и политическим шефом, который назначал бы на ответственные места честных людей и вершил правосудие. Он не уступит на выборах, никому с ним не совладать. Даже если дело дойдет до оружия, он примет вызов. Тут он сел в гамаке. У него ведь отобрали кинжал. Отличный кинжал, сделанный в Пасмадо, — подарок доктора Жоакина Линса из Пау-Амарело. Сделавшись политическим шефом Пилара, он не стал бы питать зависти к доктору Эраклито из Итабайаны. Все у него платили бы налоги. Почему Жозе Паулино

не хочет платить? Он сам пошел бы вместе с налоговыми инспекторами собирать «десятины» в Санта-Розе. Интересно было бы посмотреть, как этот богач задрыгает ногами. Эх, и закричал бы он на него!

— Надо платить, кузен Жозе Паулино, вы обязаны платить, я, префект Виторино, требую выполнения закона. Придется платить!

Он закричал это во весь голос.

Появилась испуганная Адриана.

— Что с тобой, Виторино?

Но, увидев, что в комнате никого нет, воскликнула:

— Тебе что-нибудь приснилось?

— Ничего мне не приснилось. Оставь меня в покое.

Наступила светлая лунная ночь. Виторино подошел к двери.

Послышались звуки колокольчиков. Приближался кабриолет полковника.

— Вон едет это дерьмо Лула!

Свет фонарей был по сравнению со светом луны тусклым. Коляска проехала мимо двери капитана Виторино, лошади едва плелись по дороге. Виторино увидел в коляске старика вместе с его семьей. Хозяин энженьо не снял перед ним шля-

пу, но Виторино отчетливо услышал голос доны Амелии, которая пожелала ему доброго вечера. Этот пес Лула не считает его человеком. Он даже осмелился однажды выгнать его из своего дома. Какая глупость — разъезжать в коляске, когда имение твое разорено, заливные луга заросли кустарником, а сахароварня не работает. Лула освещала рощи, слегка колыхавшиеся от мягкого ветра. В тишине слышался только далекий звон колокольчиков да вой собак. В курятнике доны Адрианы запели петухи.

— Хороша ночь! — сказал Виторино жене. — Мне жалко кума Жозе Амаро. Как-то он там один в заброшенном доме?

— Я дала Пассариньо немного продуктов.

— Паршивый негр!

— Он очень предан куму.

— Старуха, завтра мне надо во что бы то ни стало подняться. Я не неженка, чтобы сидеть дома. Выборы на носу, а я валяюсь в гамаке. Эх, и провалю же я с треском Жозе Паулино!

— Виторино, мне кажется, ты еще не совсем поправился.

— У меня уже все зажило. Разве ты не видела, кум и слепец не остались лежать в гамаке брюхом кверху, как беременные бабы? А их избили

сильнее меня. Уважающий себя человек не должен сдаваться. Я завтра же пойду к избирателям в Серинью. Хочется взглянуть на физиономию Маноэла Феррейры. Эта собака живет в Серинье, обворовывает народ, пользуясь тем, что он депутат. Это еще одна подлость Жозе Паулино — допустить, чтобы в ассамблею штата прошел такой тип, как Маноэл Феррейра. Я покончу со всем этим!

— Оставь, Виторино, тебе опять достанется.

— Что значит — достанется? Человеку, который борется, всегда достается. Замолчи! Я схватился с полицией и вызволил троих из тюрьмы. Разве это значит, что мне досталось? Почему ты не уехала вместе с сыном? Было бы лучше. По крайней мере, ты бы не приставала ко мне с этими своими глупыми рассуждениями! Твоего мужа, жена, никто никогда не обидит. Не говори больше таких вещей!

Он встал и вышел из дому.

— Виторино, на улице роса, ты можешь простыть. Ведь ты всю ночь кашлял. Надень шляпу.

Старик не ответил. Отчаянно лаяли собаки.

— Вот сволочи, никак не угомонятся. Как будто хотят укусить луну.

— Иди в дом, Виторино, очень холодно. Ты

схватишь насморк.

Он не ответил. Завтра снова пойдет трудиться на благо народа. Для него Антонио Силвино, лейтенант Маурисио, Жозе Паулино и Кинка из Энженьо-Ново — все были одинаковы. Когда он вступит в палату, они засыплют его цветами. Станут кричать «ура», провозглашать имя нового шефа, который принял на себя руководство муниципалитетом. Он приказал бы открыть двери тюрьмы. Все были бы рады его триумфу. Падение Жозе Паулино произошло бы с треском. Да, он не допустит, чтобы при нем одни люди терроризировали других. Возглавив муниципалитет, он разбил бы могущество своих родственников, считавших, что поселок — это свалка их энженьо.

— Виторино, иди спать!

— Иду.

Опираясь о косяк своей глинобитной хижины с земляным полом и почерневшими стенами, Виторино чувствовал себя хозяином на этой земле, освещенной лунным светом. Он считал себя заступником народа и понимал, что в его защите нуждаются.

— Осторожнее, на улице холодная роса!

— Заткнись, старая корова! Я уже слышал!

А когда были заперты двери и капитан Ви-

торино погрузил свое избитое тело в гамак, он мысленно стал переустраивать все то, что требовало переустройства и могло быть переустроено уже дрожащими руками и чистым сердцем этого старика.

Утром прибежал Жозе Пассариньо. Глаза его вылезали из орбит, он не мог вымолвить ни слова. Ему дали выпить воды, и негр рассказал все по порядку. Вчера вечером они вместе с мастером Жозе Амаро отправились домой. Мастер шел молча и с таким трудом, будто у него было разбито все тело. Добрались до дома без всяких приключений. Было уже за полночь. Мастер простоял некоторое время под питомбейрой. Везде было пусто — и в курятнике и в хлеву. Он открыл дверь дома, и оттуда пахнуло гнилью. Пассариньо зажег в комнате свет и увидел рабочий стол и кожу, лежавшую на полу. Мастер пошел на кухню и открыл дверь. В кухню проник свежий запах зелени. Жозе Амаро молчал. Мимо дома проехал кабриолет. Он испугался, как бы мастер не выбежал и не напал на полковника Лулу. Но тот не тронулся с места и все так же молчал.

— Мастер, сходить за водой?

Тот кивнул головой, и Пассариньо отправился с кувшином к реке. Когда он вернулся, Жозе Амаро

лежал в гамаке. Он спал. Пассариньо запер дверь и остался ночевать в комнате, где жила раньше Марта. Потом ему показалось, будто кто-то плачет. Он вслушался и понял: плакал Жозе Амаро. У негра к горлу подступил комок, и он тоже заплакал. Утром Пассариньо вышел на свежий воздух. Сходил на берег реки и примерно в шесть вернулся взглянуть на мастера. Вошел в комнату и увидел самое страшное, что только мог увидеть. Жозе Амаро лежал на полу около своего рабочего стола с ножом в груди.

— Он был мертв, капитан.

— Мертв? — закричал Виторино. — Мой кум Жозе Амаро умер?

Старая Адриана остолбенела, не зная, что сказать. Виторино обнял ее:

— Старуха, кум покончил с собой.

Глаза Виторино наполнились слезами. Он плакал вместе с Жозе Пассариньо и своей женой Адрианой. Наконец, сделав над собой усилие, он сказал, утирая слезы рукавом старого пиджака:

— Надо позаботиться о покойном, Адриана; я пойду туда с Пассариньо. Взгляни-ка, не найдется ли у меня что-нибудь нового из одежды, чтобы одеть кума, которого смерть, видно, застала врасплох.

— У него ведь есть костюм, который привез ему Луис.

— Это верно.

И они пошли. За поворотом дороги они увидели дым, выходивший из трубы сахароварни в Санта-Розе.

— Санта-Роза сегодня задымила?

— Да, капитан.

Они пошли дальше.

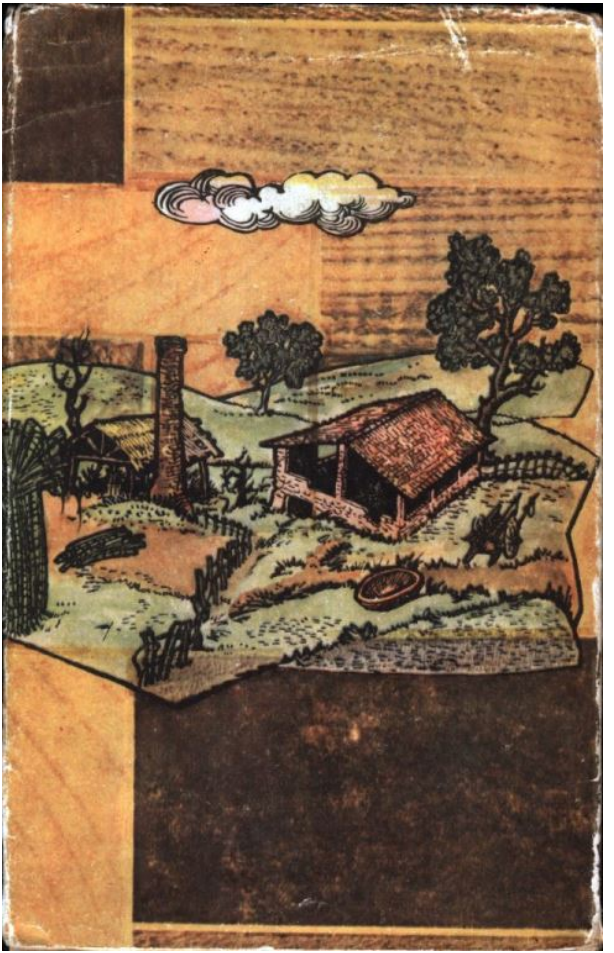
— Я забыл сказать Адриане, чтобы она захватила новые ботинки, которые подарил мне Аугусто из Ойтейро. Надо бы обуть в них кума.

— Да, капитан.

Теперь перед ними выросла труба Санта-Фе. А на ней кустик житираны. Голубые цветы закрывали грязное отверстие трубы.

— Пассариньо, а когда же начнет дымить Санта-Фе?

— Никогда, она уже больше никогда не задымит, капитан, огонь в ней угас навсегда.



Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.